

ПАМЕЛА,
или
НАГРАЖДЕННАЯ
ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Аглинская нравоучительная повѣсть

Сочиненная Г. Рихордсономъ

Въ IV Частяхъ

Переведенная съ Французскаго языка.

Часть I.

съ дозволенія управы Благочинія.

Печатана
Въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1787 года.

OCR Бычков М.Н.
<mailto:bmnl@lib.ru>

ПРЕДИСЛОВІЕ

французскаго переводчика

Не большое сіе Сочиненіе столь благосклонно въ Англіи было принято, что въ одинъ годъ онаго пять тисненій вышло. Оно доказываетъ, что издатель умѣлъ найти вкусъ общественной; однако же оно также какъ и прочія, было подвержено порицанію. Но гдѣ найти такое твореніе, которое бы не порицалось! Сидъ (* Г. де ла Бруера.) есть изъ лучшихъ Поемъ, какую только сочинить было возможно; не оставлено было безъ осужденія. Слѣдственно не должно казаться удивительнымъ, что и Памела была осуждаема. Однако я не стану сравнивать оную съ Сидовымъ порицаніемъ. Памелины Порицатели столь слабы и столь не справедливы, что не достойны и вниманія. Въ противномъ же случаѣ ежели найдутся такія, кои и достойны, то издатель самъ на оныя отвѣчать можетъ, когда заблаго разсудить.

Но оставя сіе, стану говорить о переводѣ моемъ: я старался здѣлать ево столь близкимъ, сколь возможно было, въ разсужденіи не сходности языковъ. Извѣстно, что Аглинской языкъ не столь ограниченъ какъ Французской; въ немъ бывають такія выраженія, кои во Французскомъ не позволяются. И легко бы можно было показать множество въ томъ примѣровъ, ежелибъ понадобилось. Сія то и была причина, которая принудила меня стараться изъяснить точной смыслъ Сочинителевъ, а не слѣдовать строгому наблюденію въ ево выраженіяхъ. Однако не надобно забыть и то, что большая часть его писемъ писаны шестнадцатилѣтнею дѣвушкою, то и слѣдственно, чтобъ слогъ оныхъ отвѣчалъ и лѣтамъ ея и полу.

Уповательно, что мысли о челоуѣколюбіи, добродѣтели и Вѣрѣ, также какъ и о разныхъ Характерахъ искусно выведены въ подлинникѣ сего сочиненія причиною, что оно столь благосклонно было принято Агличанами, сіе то и обнадѣживаетъ меня ласкаться, что также и прочіе Иностранцы благосклонно и съ удовольствіемъ читать сей переводъ мой будутъ. Еще одно слово только скажу: сей переводъ произошелъ подъ руководствомъ Сочинителя которой здѣлалъ мнѣ одолженіе, снабдя не большимъ числомъ прибавленія и поправленія. А какъ желалъ я быть извѣстенъ о нравахъ тѣхъ, о которыхъ упоминается въ сей повѣсти, то Сочинитель былъ столь ко мнѣ снисходителенъ, что сообщилъ описаніе о нѣкоторыхъ особахъ, о коихъ онъ упоминаетъ въ послѣднемъ своемъ изданіи, чего не имѣется въ пяти первыхъ; ибо онъ тогда позабылъ о томъ вспомнить.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ ПАМЕЛЫ.

Государь мой,

Посылаю къ вамъ рукопись Памелы, которую я читалъ съ несказаннымъ удовольствіемъ. Писана она въ пріятной простотѣ съ такою правдою, какой найти весьма рѣдко въ книгахъ сотворенныхъ для наученія и забавы. Она трогаетъ сердце и плѣняетъ разумъ, всѣ приключенія ея естественный и заставляють брать во всемъ участіе. Должности вообщежитіи показаны со всевозможною ясностію, слогъ соотвѣтствуетъ свойствамъ тѣхъ, кои выведены на зрѣлище сей повѣсти. Я слѣдовалъ въ степени сей Героини повсюду и бралъ совершенное во всѣхъ бѣдахъ ея участіе, крайне безпокоился, боясь ужасныхъ обстоятельствъ и худыхъ слѣдствій, отъ достохвальнаго ея супротивленія, во всѣхъ предпріятіи ея мысленно мѣшался, которые она ко убѣжанію своему устроивала, бывалъ много ею доволенъ, а иногда и сердился на нее, а особливо во время ея заключенія въ домъ Лорда Б... Доволенъ былъ намѣреніемъ ея побѣга, по томъ опять сердился за то, что отъ страха всѣ тѣ достохвальные намѣренія ея исчезали; истинно сожалѣлъ о ея несчастіяхъ, такъ какъ о моихъ собственныхъ, видя какъ она въ своей надеждѣ обманывалась, и какъ всѣ ея предпріятія въ ничто обращались. Однимъ словомъ вся книга сія такъ чувствительна, что не возможно читать оную и не имѣть совершеннаго участія въ ея горестяхъ.

Она въ себѣ содержитъ тысячу изрядныхъ нравоученій, и своею добродѣтелию подаетъ примѣръ многимъ. Сія страдательница слѣдовала по стезямъ добродѣтели всюду, безъ гордости и упрямства. Она такъ вкоренена была въ ея сердце, что въ самыхъ ея горестяхъ, никогда съ нею разлучится не хотѣла, и никогда не помышляла о своей свободѣ, жертвуя честолюбію бесцѣнное свое сокровище; и хотябы ни какимъ средствомъ, вольность получить было уже не возможно, она любя свою непорочность, среди самыхъ хитрыхъ подлоговъ и опасностей, заключила скорѣе погибнуть, нежели что противное цѣломудрію и поруганію достойное здѣлать. Я разсматривая сію книгу одно нахожу чрезвычайнымъ и могу сказать, что особливаго примѣчанія достойнымъ, которое всякаго во удивленіе привести можетъ.

Здѣсь видна молодая и чрезвычайно пригожая дѣвушка, рожденная въ подлости и нищетѣ. Никого не имѣла ктобъ могъ ее защитить и подать помощь. Ни какихъ наукъ въ простомъ своемъ воспитаніи не знала, кромѣ собственныхъ примѣчаній, или отъ чтенія малаго числа книгъ, въ бытность у ласковой и добродѣтельной госпожи своей, и привыкши уже въ роскошной жизни, хотѣла лутче съ великою радостію возвратится въ прежнюю нищету свою, нежели озлобить добродѣтель и съ нею разлучиться. Она презрѣла великое богатство, подвергла себя терпѣнію многихъ бѣдъ и напастей, и могла супротивляться такому человѣку, котораго она и сама не ненавидѣла, но еще въ пользу его была и предваряема, почитая его достоинства, а только не терпѣла страсть его. Она умѣла такъ хитро отвратить всѣ, предпринимаемые имъ

намѣренія, и продерскіе ухищренія уничтоживъ, что онъ вмѣсто гонителя здѣлался сей бѣдной дѣвицѣ покровителемъ и защитникомъ, а наконецъ на ней и женился.

Во всѣ мои чувства вливалась сладость, когда я читалъ ея Письма, которые она писала во время своихъ несчастій. Всѣ ея разсужденія наполнены были пріятностію и осторожнымъ предпріятіемъ. Къ родителямъ своимъ писала откровенно и безо всякаго притворства, даже что и самомалѣйшія частицы, сокрытыя въ ея сердцѣ были видимы.

Я не могу надивиться, для чего такъ долго размышляли напечатать сію нравоучительную книгу, которая въ своемъ родѣ не много подобныхъ имѣеть, и которую желаю видѣть напечатанну, въ самой той простотѣ, въ какой написана. Она усладитъ читателей и понравится лутче, нежели всѣ тѣ, которые украшены витіеватымъ слогомъ, и которые похожи бываютъ на не хорошо написанную картину, покрытую завесомъ, или на прекрасную сшитую, одѣтую богатымъ платьемъ, изъ подъ котораго не видно искусства художника; по чему и сія книга погружена была во глубину пышныхъ словъ и реченій высокопарныхъ; чрезъ чтобы и самое естественное изъясненіе въ празднословіе превратилось. И для того я думаю Памелу оставить лутче такъ, какъ она сама себя представляетъ, пускай ея реченія останутся такъ, какъ оныя есть безо всякаго украшеніе. Краснорѣчіе хотя и пріятно для читателя, но оно никогда не можетъ восхитить и тронуть сердце. Я восхищаюсь видя Памелу въ простой крестьянской одеждѣ, въ которой она тогда была какъ возвратится хотѣла къ своимъ родителямъ, оное платье болѣе прилично ея непорочности и пріятной простотѣ, нежели то, которое дарила ей покойная госпожа ее.

Однимъ словомъ сказать государь мой, книга сія для многихъ будетъ полезна, ибо многіе, и очень многіе люди, испорчены вредными и развращенными Твореніями, и я еще не читывалъ ни одного, дабы молодымъ мужескаго и женскаго пола особамъ, осмѣлился изъ оныхъ которое одобрить, и не могу обнадежить, что они найдутъ тамъ много такихъ примѣровъ, которымъ послѣдовать должно. Всѣ тѣ которые я читалъ, по большей части вредятъ здравому разсудку и поселяютъ въ сердца молодыхъ людей желаніе къ роскоши и любви.

Для самой ихъ пользы, я и совѣтую оную книгу на печатать. Она какъ забавляетъ такъ и научать ихъ можетъ. Они увидятъ сію Героиню почти не имѣющую примѣру, которая во всѣхъ своихъ несчастіяхъ, съ великимъ благоразуміемъ и осторожностію поступала, такъ, что на какія искушенія да и самыя гоненія не могли поколебать ея добродѣтель. Я думаю, что конечно всѣ дѣвицы ея состоянія, славному сему примѣру подражать не отрекутся, а при томъ и мущины; нѣсколько оправданія имѣть могутъ въ томъ, что хотя и называютъ ихъ хищниками чести и добродѣтели, но чрезъ сію книгу докажется, что и мущина удачи въ томъ никогда имѣть не могутъ, ежели строгое наблюденіе добродѣтели бываетъ.

И такъ государь мой, мнѣ кажется что сію книгу на печатать весьма будетъ полезно, и она думаю не долго будетъ сокровенна, ибо всякая фамилія,

захочетъ въ своемъ домѣ имѣть Памелу, которая можетъ подавать чести и не поколебимой добродѣтели ясныя примѣры. Будетъ исправлять заблуждающихъ въ безпорядочной жизни, и исцѣлять волнующіяся и утопающія во страстяхъ нравы, а можетъ быть Памела, заставитъ и во всей Англіи, гдѣ она на свѣтъ появилась, молодыхъ дѣвушекъ послѣдовать осторожнымъ ея поступкамъ.

Вашъ вѣрной другъ
и покорной слуга.

ПАМЕЛА,
или
НАГРАЖДЕННАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПИСЬМО I.

Я имѣю вамъ сообщить великой печали причину, однако препровождаему нѣкоторымъ утѣшеніемъ, печаль та что моя любезная госпожа умерла въ той болѣзни, о которой я уже съ вами говорила: она насъ оставила всѣхъ въ грусти несказанной, для того что была чрезвычайно милостива; ко всѣмъ своимъ служителямъ, я боялась когда вошла къ ней въ службу быть при ней спальницей, чтобъ безъ пристанища не остатся, не быть принужденной къ вамъ возвратится, которые себя съ великою нуждою содержать могутъ; въ бытность же мою у ней она по своей крайней ко мнѣ милости научила меня писать, шить, Ариѳметикѣ и другимъ знаніямъ изряднымъ надъ мѣру моево состоянія, и по тому не легко бы мнѣ было употребить себя въ такую работу, для которой я отъ васъ рождена, но когда моя безъ прикладная госпожа лежала на смертной своей постѣлѣ, и точно за часъ до исходу своего духа, Богъ, котораго мы уже довольно въ нуждахъ помощь и покровъ знаемъ, вразумилъ ей всѣхъ своихъ служителей поручить въ не оставленіе нашему молодому господину, и когда дошло говорить обо мнѣ я стояла подлѣ ее зголовья плача и рыдая, она сказала ему *любезный мной сынъ*. Остановилась и собрався потомъ съ силою говорила, *не оставь бѣдной Памелы*. И тѣ почти послѣдніе изъ устъ ея слова. Въ тотчасъ глаза мои залились слезами... Не удивляйтесь видя на письмѣ семь тѣхъ горесныхъ слезъ капли.

Но что дѣлать, надобно Божіей волѣ исполнителя... Вотъ и причина моего утѣшенія въ томъ, что я не буду принуждена возвратится и чинить затрудненіе вамъ моимъ любезнымъ родителямъ для того, что господинъ нашъ сказалъ, я аасв дѣвушки неоставлю, а твой, Памела! говорилъ взявши меня при всѣхъ за руку, ради матери моей я буду другъ вѣрной, ты будешь смотрѣть у меня за бѣльемъ, богъ воздай ему! и вы любезные родители молитесь Творцу нашему и Богу, да изліетъ на него источникъ святой своей благодати. Онъ всѣмъ своимъ служителямъ велѣлъ здѣлать печальное платье, и подарилъ жалованье годовое, мнѣ же ничево опредѣлено еще небыло, за тѣмъ, что покойная госпожа наша обѣщала наградить меня по моимъ услугамъ и поступкамъ, то онъ такъ же приказалъ и мнѣ сшить черное платье, а въ награжденіе далъ мнѣ изъ своихъ рукъ четыре Гинеи {* *Аглинская золотая монета на Россійскія деньги, четыре рубли пятьдесятъ копеекъ.*} и нѣсколько денегъ серебряныхъ, которые въ кошелькѣ матери ево остались, тоже подтверждалъ что онъ меня не оставитъ и будетъ ко мнѣ ласковъ, зная, что я вѣрна была матерѣ его и прилѣжна. Тѣ четыре Гинеи я к вамъ посылаю, а меня благодать Вышняго не допуститъ терпѣть нужды. Вы

можете заплатить долги ваши, а остатокъ употребить на свое нужды. Ежели я получу больше, то знаю, что моя есть должность всячески оказывать свою истинную благодарность, помогая вамъ въ нуждѣ въ чемъ я всегда и буду стараться. Вы старались объ мнѣ тогда, когда я еще не въ состояніи была сама въ себѣ найти помочь, равно какъ во протчихъ вашихъ дѣтяхъ, что бы мы безъ того были? Послала къ вамъ деньги съ нашимъ человѣкомъ Иваномъ, только онъ про то не знаетъ, я ихъ завернула въ бумагу, чтобъ не стучали, въ коробочку положила гдѣ бывало госпожи нашей лѣкарство, берегитесь при немъ открыть.

Знаю дорогіе родители мои, что я вамъ не меньшн наношу печали, равномернo какъ и увеселеній, но неоставте въ молитвахъ свою Памелу, которая во всю свою жизнь будетъ

Ваша покорнѣйшая Дочь.

Въ сей часъ я испужалась несказанно, когда, вдругъ какъ я стала сіе письмо печатать въ спальнѣ покойной госпожи моей, вошолъ господинъ нашъ. Боже мой! какъ я устрашилась и хотѣла было поскорѣе письмо въ пазуху спрятать, но онъ видя меня трясущуюся, въ страхѣ, съ усмѣшкой спросилъ. Кому писала ты Памела? Я въ моемъ ужасѣ отвѣчала ему торопяся, прошу прощенія государь мой! только къ отцу и матерѣ моимъ письмо написала; покажи мнѣ, говоритъ онъ, хорошолъ ты писать научилась. О какъ много объялъ стыдъ меня въ безприкладномъ смятеніи, а онъ между тѣмъ взялъ изъ рукъ письмо, и читалъ съ конца до друтова, а прочитая опять мнѣ отдалъ, не прогнѣвайся государь, я ему повторила, не знаю сама въ чемъ я извинялась? онъ всегда почиталъ своихъ родителей, такъ за чтожъ бы гнѣватся, что и я моихъ почитаю, такъ то и правда что онъ не осердился, взявъ меня за руку сказалъ, ты изрядная дѣвушка, очень хорошо Памела, что такъ учтиво поступаешь съ родителями твоими, при ихъ старости, я за то не сержуся, будь вѣрна и прилѣжна исполнять свою должность; дѣла твои мнѣ пріятны, и притомъ еще сказалъ, куды Памела, ты хорошо пишешь и правописание уже нарочито знаешь. Вижу, что труды на учить тебя, покойной матери моей непропали, она всегда говорила, что ты читать любишь? Выбери себѣ изъ оставшихъ послѣ ея книгъ, которые угодны, и старайся знаніемъ украсить умъ твой, но при томъ убѣгай такихъ книгъ, которые умъ помрачаютъ, и тебѣ быть могутъ вредны. Во время всѣхъ его разговоровъ я только плакала, и поклоняясь, будучи милостію его смущенна, думала что такова доброва человѣка друтова нѣтъ на свѣтѣ. Вижу, что еще другое письмо изъ сей приписки можетъ быть долѣе перьваго, для того окончаю, напоминая еще, что буду во весь вѣкъ мой не премѣнна

*Ваша покорнѣйшая Дочь,
Памела Андревсъ.*

ПИСЬМО II.

отвѣтъ на перьвое

Моя драгая Памела,

Письмо твое совершенно намъ съ матерью твоею навело печаль, и нѣсколько утѣшенія; въ истинну тужимъ о смерти госпожи твоею, которая такъ много о тебѣ попеченія имѣла, стараясь изрядно воспитать и научить тебя, и вовсѣ четыре года дарила тебя платьемъ, бѣльемъ и другими вещами, такъ что и дворянкѣ носить не стыдно, но страхъ насъ беспокоитъ въ томъ наиболѣе, чтобъ ты видя себя теперъ предъ прежнимъ столь счастливою, не была попользовенна на что нибудь безчестное и грѣшное въ свѣтѣ. Всѣ говорятъ, что ты велика стала и стройна, а нынѣ сказываютъ что ты и очень пригожа, а и въ правду ежелибъ ты не дочь моя была, я бы и самъ тебя похвалилъ когда тебя видѣлъ, тому назадъ месяцевъ шесть. Но что то все будетъ, ежели ты погибнешь и разоришься безъ помощи? Безъ шутокъ любезное дитя, мы начинаемъ о тебѣ крушится? Подумай, что богатство на свѣтѣ, когда нарушится совѣсть, живучи бесчестно? Правда, что мы очень бѣдны, живемъ въ великой скудости, хотя прежь сего живали и гораздо лутче, какъ ты сама знаешь, но лутче желаемъ ѣсть сухой хлѣбъ и пить воду изъ тово рва, которой я ископалъ своими руками, нежели жить раскошно въ довольствіи; купя сное непорочною твоею.

Я не думаю, чтобъ господинъ твой имѣлъ такое злое намѣреніе, но онъ тебѣ давъ столько денегъ, говорилъ милостиво и хвалилъ тебя, а всево болѣе насъ мучать; о! вредные слова, *будь вѣрна, исполняй свою должность, ты мнѣ будешь нравна*, тѣ самые слова смертельно насъ огорчили.

Я говорилъ о томъ сосѣдкѣ нашей Мумфордъ, ты знаешь, что сія честная вдова у господъ живала, та насъ порадовала не много, сказавъ, что такъ водитца въ знатныхъ домахъ, у нихъ, когда кто умереть то людямъ даютъ деньги, а особливо ежели госпожа, то всѣ деньги, что у нее были въ кармане отдають горнишной дѣвушкѣ и другимъ которые, вовремя болѣзни у постели сидѣли; да лихъ для чегобъ ему такъ быть ласкову. Для чегобъ ему бѣдную дѣвку дважды за руку держать? Такъ какъ ты писала! зачемъ бы ему читать твое письмо, и хвалить, что ты хорошо пишешь? Для чегобъ ему позволить тебѣ читать матери своей книги? ей! ей! любезное дитя! мы трясемся въ страхъ о тебѣ помышляя: а ты такъ очень милости ево кажешься рада и веселишься сладостнымъ ево рѣчамъ, (которые, я признаюсь, что тебѣ можно принять за милость ежели только отъ добраго сердца происходятъ); куда какъ мы боимся... Дорогая дочь моя, боимся говорю, чтобъ къ тебѣ чрезъ чуръ много лишней благодарности не явилось, и чтобъ ты ему отъ признанія не пожрала въ воздаяніе свою добродѣтель, сокровище такое, которое ни съ чемъ на свѣтѣ несравненно.

Хотя я къ тебѣ пишу письмо и велико, только и еще нѣчто прибавлю, что мы въ срединѣ живучи нищеты, всегда надежду нашу ка единого Бога полагали; мы всегда чистоту хранили, и надѣемся чрезъ то благополучія достигнуть; толькобъ мы жили въ добродѣтели на свѣтѣ; хотя участь наша и зла въ здѣшней

жизни, и ежели ты любезная дочь! свою не взлюбишь непорочность, то не сносная печаль скоро взявъ насъ за сѣдые наши волосы, во влечеть во гробъ меня и съ матерію твою»

Ежели ты насъ любишь, и хочешь благословія Божія и будущаго спасенія желаешь, мы тебѣ приказываемъ быть осторожной, и ежели примѣтишь, что хотя малое, предначинають противное твоей добродѣтели, оставь все и скорѣе бѣги къ намъ, мы лутче тебя хотимъ видѣть въ лоскуткахъ и въ полѣ на работѣ, нежели слышать, что дочь наша за что нибудь суетное и временное предала добродѣтель.

Мы съ радостію пріемлемъ присланныя отъ тебя деньги, въ знакъ любви твоей и почтенія, и пока будемъ въ безпокойствѣ, никуда ихъ тратить не станемъ, чтобъ въ твоёмъ бесчестіи не имѣть доли, мы завернули Гинеи въ трепицу и положили подъ притолоку да окнѣ, боясь, чтобъ ихъ не украли, и молясь о тебѣ Богу, посылаемъ свое благословіе,

*Твои безпокойные, но доброжелательные,
Отецъ и Мать.*

Иванъ и Елисавета Андревъ.

ПИСЬМО III.

Мой дорогой Родитель.

Признаюсь, что мнѣ ваше письмо великое навело безпокойство; и вмѣсто того, что мое сердце прежде наполнено было благодарности, за милость моего господина; пронзилось страхомъ и недовѣркой, но еще льщу себя, что ничего не достойнаго своей славѣ не дѣлаетъ. Что ему прибыли погубить вѣчно бѣдную дѣвку? болѣе всево меня печалить то, что вы въ моей осторожности и добродѣтели кажетесь сумнительны, ахъ нѣтъ! любезные родители не бойтесь и вѣрте что во вѣкъ я ничево тово не здѣлаю, что можетъ сѣдя ваши волосы во гробъ свести съ печалію. Тысячу разъ лутче захочу умереть, нежели что нибудь противное сдѣлать моей должности. Ахъ! будьте въ томъ надежны и дайте съ той стороны непоколѣбимой покой вашему сердцу, нѣтъ ничего что я жила столько времени въ довольствѣ и въ надмѣрномъ почтеніи моей природы, но могу съ радостію возвратится къ моей нищетѣ прежней, и въ худой одеждѣ могу довольствоватся хлѣбомъ и водою, и скорѣе къ тому склонюся нежели захочу потерять честь и добрую славу, кто бы ни старался искушать, въ томъ будьте надежны, и имѣйте мнѣніе полутче,

о вашей покорной Дочери до смерти.

Господинъ мой безъ премѣнно ко мнѣ ласковъ. До сего времени я ничего не вижу чтобъ меня утращало. Госпожа Жервисъ наша смотрительница со мною весьма снисходительно поступаетъ, и всѣ протчіе служительницы ко мнѣ

ласковы. Всеконечно уже невозможно чтобы они всё взяли противу меня намѣреніе злое; а думаю, что они кажутъ мнѣ только учтивость, я льщу себя всегда въ моей жизни имѣть такіе поступки; чтобъ честные люди никакой не имѣли причины меня возненавидѣть, и ни ктобъ не захотѣлъ учинить зло мнѣ. Нашъ Иванъ часто ходитъ въ вашу деревню, я ево упросила всегда заходить къ вамъ, для того только чтобы вы чаще обо мнѣ увѣдомлены были словесно, или письменно, что болѣе я пишу, то болѣе и тверже становитца рука моя.

ПИСЬМО IV.

Дражайшая матушка.

Послѣднее письмо писано было къ батюшкѣ, въ отвѣтъ на ево письмо, севодни намѣрена къ вамъ писать, хотя тѣмъ и покажу вамъ, много пустова тщеславія. Надѣюсь, что гордость и роскошь никогда самой себя забыть не доведутъ, надобно признаться, что человѣкъ въ сердцѣ радъ когда ево хвалятъ и доволенъ. Знайте, что Милади Даверсъ (все равно хотя вамъ не сказывать, что то сестра нашего господина) цѣлой мѣсяцъ у насъ гостила, и старалась меня узнать особливо, совѣтуя мнѣ всегда быть осторожной, но милостиво мнѣ говорила, что я пригожа и что всё люди любятъ меня и хвалятъ, совѣтовала мнѣ никогда короткаго обхожденія не имѣть съ мущинами, а всегда ихъ почитать и удаляться, чрезъ то лутче привлечешь ихъ къ себѣ почтеніе.

А всего болѣе приключило мнѣ радость то, что мнѣ сказала госпожа Жервисъ; а я вамъ точно описываю. Господинъ нашъ и Милади Даверсъ обо мнѣ говорили, она ему сказала, что изо всѣхъ дѣвокъ, которыхъ она видала, я пригожее всѣхъ, и что мнѣ неприлично быть въ домѣ молодаго мущины, потому, что на комъ бы онъ ни женился, жена въ своемъ домѣ меня терпѣть не будетъ, Онъ напротиву увѣрялъ ея, что я уже хорошіе успѣхи въ наукахъ имѣю, и живу постоянно и осторожно, имѣю умъ не по моимъ лѣтамъ, и что весьма будетъ сожалительно ежели то, что меня славить, будетъ притчиною моего главнаго несчастія. Не лутче ли она сказала Памелѣ жить у меня? Съ радостію, отвѣчалъ господинъ мой, я очень доволенъ буду видѣть ее въ такомъ хорошемъ мѣстѣ и примѣнѣніи. Изрядно говорила сестра ему, я о томъ посоветую съ Милордомъ, и при томъ спросила какъ я стара? Госпожа Жервисъ сказала, что мнѣ въ Февралѣ мѣсяцѣ минуло пятнатцать лѣтъ. Ахъ! она подхватила, ежели етотъ звѣрокъ, [такъ она называла всѣхъ молодыхъ дѣвокъ] будетъ жить осторожно, то еще въ красотѣ и умѣ будетъ больше имѣть совершенства.

Теперь дорогіе мои родители хотя то все отъ меня и тщеславіе, но вы не ужъ ли не обрадуетесь со мною равно, узная что господинъ мой разлучается со мною, отпуская меня охотно, изъ своего дому? Сіе довольно доказываетъ, что онъ ничево со мною не думаетъ худова. Иванъ скоро торопитца ѣхать, и мнѣ нѣтъ болѣе времени, какъ еще сказать вамъ, что я есмь и буду во всю жизнь мою.

Ваша осторожная и покорнѣйшая Дочь.

Нынѣ безъ всякой опасности, деньги можете употреблять на свои нужды.

ПИСЬМО V.

Иванъ намѣренъ ѣхать въ вашу деревню, я захотѣла писать къ вамъ, знаю что онъ вѣрно къ вамъ приносить мои письма, или какую посылку. Сказываетъ что онъ особливую чувствуетъ радость когда васъ видитъ и говорить съ вами, и всегда видя васъ толь совѣстныхъ и добродѣтельныхъ, почерпаетъ отъ васъ всегда что нибудь въ свою пользу. Тужить разсуждая о васъ, и винить счастье, что такіе добрые люди на свѣтѣ терпятъ нужду. Дивится, что вы любезный Отецъ умѣя хорошо писать и въ состояніи будучи показывать, имѣя школу принуждены были оставить и наживать хлѣбъ тяжкою работою, но я щастлива тѣмъ болѣе, что родилась отъ такихъ родителей добродѣтельныхъ, нежели бы была отъ какой знатной фамиліи, да не такова житія добраго.

Объ отъѣздѣ моемъ къ Милади Даверсъ ни чево не слышно, здѣсь я со всякимъ покоемъ, госпожа Жервисъ содержитъ меня и любить, какъ дочь свою родную, тото женщина благочестивая смотритъ за добромъ господскимъ, такъ какъ за своимъ собственнымъ, непрестанно мнѣ полезныя твердитъ совѣты, могу сказать, что кромѣ васъ ни ково такъ какъ ея не люблю на свѣтѣ. Очень хорошей въ домѣ учредила порядокъ, и оной не нарушимо содержать знаетъ, и мы всѣ великое къ ней почтеніе имѣемъ, часто заставляеть меня читать передъ собою, любить только одни полезныя книги, всегда читаемъ когда одни съ нею остаемся, и кажется, что я въ тотъ часъ сижу съ вами. Въ одинъ день услышала она, что Гендрихъ нашъ лакей не весьма честной человекъ, не обыкновенно назвалъ меня какъ мнѣ слышалось моя дарагая Памела, и хотѣлъ поймать поцѣловать. Вы можете легко вздумать какъ зло я на него осердилась, госпожа Жервисъ начала бранить его не милосердо, и весьма на него за то сердита, мнѣ же благодарила проговаривая, что очень мною довольна за то, что умѣю молодыхъ ребятъ своею тихостію и постоянствомъ принуждать отдавать должное почтеніе. Скажу правду, что я не спесива противу всякаго учтивства, только не могу терпѣть, когда холопи на меня ласково смотрятъ, и устремляя взоръ свой такъ, что будто хотятъ видѣть самую средину сердца, я же помилости госпожи Жервисъ всегда пью и ѣмъ съ нею за однимъ столомъ, и очень мало по тому мнѣ видѣтся съ ними есть время, я могу сказать, что мнѣ здѣсь не худо. Не всѣ правда они со мной поступать хотятъ безчинно, зная, что госпожа Жервисъ меня любить, боятся ее много, для того, что она сама дворянка и несчастье принудило ее питатся, служа въ чужомъ домѣ.

Вижу, что письмо мое велико становится, люблю писать, только боюсь васъ утрудить, начиная писать, хотѣла токмо о томъ увѣдомить, что мнѣ нѣтъ нынѣ ни какой опасности жить здѣсь, истинно дивлюсь сама, что не разсудительно беспокоилась прежде напрасно, хотя и отъ васъ въ томъ предувѣщаніе было, сходное родительской любви вашей, и которое во мнѣ возвышаетъ къ вамъ почтеніе. Я надѣжна, что господинъ мой не захочетъ

подлости мѣшать въ свои дѣла и тѣмъ себя обезчестить, причиня гибель бѣдной дѣвкѣ. Вы знаете что то помрачить ево добрую славу. Онъ можетъ жениться изъ лутчихъ фамилій здѣсь въ краю, гдѣбъ захотѣлъ выбрать невѣсту надѣюсь, не откажутъ. Севодня писать полно остаюсь.

Ваша покорная Дочь.

ПИСЬМО VI.

Мои дорогіе Родители!

Господинъ мой отъ того времени какъ я къ вамъ послѣднее письмо писала, очень много показалъ милости своей, подарилъ мнѣ изъ оставшихъ послѣ Матери своей вещей много, а именно: богатое платье, поддюжины рубашекъ, шесть платковъ тонкихъ, три передника камортъховыхъ, четыре полотна Голандскіе, платье сшито изъ бѣлова штофу, очень хорошо для меня и богато, ежели бы не боялась, тѣмъ ево прогнѣвать, я бы лутче продала платье, а деньги къ вамъ послала, гораздо бы то было мнѣ пріятнѣе.

Не испужайтесь вы съ нова, и не подумайте что онъ имѣлъ какое нибудь худое намѣреніе, нѣтъ я васъ увѣряю, госпожа Жервисъ при томъ была, какъ онъ мнѣ давалъ подарки, въ то же время онъ и ей множество подарилъ изъ платья, и просилъ, чтобы она въ память матери ево носила, которая ее много любила. А когда онъ отдавалъ всѣ тѣ вещи, то сказалъ вотъ тебѣ Памела, передѣлай платье чтобы было тебѣ въ пору, и когда пройдетъ троуръ, носи, поминая госпожу твою, спроси у госпожи Жервисъ, какъ она тебя любила, я желаю чтобы ты жила такъ постоянно и осторожно всегда, какъ нынѣ, то всѣ люди будутъ тебя любить.

Не могу сказать, какъ много я дивилась его милости, за которую благодарила сколько было можно, также и госпожѣ Жервисъ за то, что она свидѣтельствовала въ дѣлахъ моихъ добрыхъ, ему я говорила, что всячески буду стараться заслужить большую ево ко мнѣ милость.

Куда какъ пріятно въ свѣтѣ и славно людямъ добро дѣлать, одному только я тому завидую въ великихъ людяхъ, что они кому за хотятъ, добро могутъ дѣлать; а кто же, и не за хочетъ такіе дѣла дѣлать, которые славны и внутренне пріятны; я всегда почитала изряднымъ человѣкомъ нашева господина, такъ, какъ всѣ объ немъ толкуютъ, а когда онъ дарилъ насъ платьемъ, то такой видъ казалъ, пріятной и веселой, что онъ мнѣ ангеломъ показался.

При томъ спрашивалъ, чужаюсь ли я отъ всѣхъ молодыхъ робятъ въ домѣ, и говорилъ, что я очень хороша и по тому многіе будутъ подводить подлоги, и ежели оплошаю, могу пропасть во все, еще въ самыхъ красныхъ дняхъ моихъ; госпожа Жервисъ все доброе обо мнѣ говорила, и пользуясь симъ случаемъ расширяла обо мнѣ хвалы, я же льщусь притомъ, что она ничево лишнева не сказала, сверхъ тово чево я стараюсь быть достойно; еще увѣряю васъ, что по васъ ее первую любить буду на свѣтѣ.

Ваша всегда покорнѣйшая Дочь.

ПИСЬМО VII.

Мой любезный Батюшка.

Послѣ письма моего къ вамъ послѣднева, господинъ мой много мнѣ еще подарилъ вещей, меня въ кабинетъ покойной госпожи нашей, и выдвинувъ ящикъ, далъ мнѣ два убора на голову самой тонкова кружева изъ Фландрии, три пары шелковую башмаковъ изъ которыхъ двѣ еще почти не ношены. У госпожи моей ноги были очень малы. На третьи изрядные серебряныя пряжки, а оное все мнѣ очень въ пору, лентъ разныхъ и фонтанжей разноцвѣтныхъ, четыре пары самыхъ тонкихъ бумажныхъ чулокъ, да трои шолковыхъ и двѣ юбки богатыхъ. Я смущенна была отъ радости духомъ, видя такъ много милости, и долго не могла промолвить, стыдилась принять за тѣмъ, что госпожи Жервисъ не было въ то время, ежелибы она была, то бы нѣтъ ничево, а принела думаю не весьма учтиво и пріятно для тово, что онъ усмѣхнувшись сказалъ, не стыдись Памела, развѣ ты думаешь я не знаю что хорошинкіе дѣвочки чулками и башмаками щеголяютъ.

Сіи слова меня въ такое смятеніе привели, что я чуть съ ногъ не упала, вы легко повѣрите, что мнѣ на то нѣчево отвѣчать было, какъ дура заплакала, и поклонясь, вонъ пошла, застыдась по самыя уши, хотя ничево худова небыло въ словахъ ево, только я не знала, какъ разумѣть ихъ. Пришедъ объ ономъ сказала госпожѣ Жервисъ, но она мнѣ твердила, что Богъ вложилъ ему въ сердце желаніе мнѣ добро дѣлать, и что я должна умножить прилѣжность; а ей кажется что онъ для тово меня наряжаетъ, чтобъ лутче мнѣ показатся къ Милади Даверсъ.

Между тѣмъ ваши милостивые предъувещаніи мнѣ во умъ приходятъ, и они причиною, что я не такъ приняла ево подарки, какъ было бы должно, однако не думаю ничево въ томъ худова, илибъ какое было зло, подъ видомъ добра скрытно, какая ему прибыль будѣтъ? погубить бѣдную и простую дѣвку какова я, съ другой же стороны не долженъ ли онъ опасатся, что всѣ знатныя дѣвицы ево зато возненавидятъ, и будутъ презирать. Но ежелибъ тотъ страхъ, которой вы мнѣ въ сердце вкореняли былъ для тово только, чтобъ ему не обесчестить себя, я бы не весьма беспокоится стала, а то знаю, что то для моей главной пользы, мнѣ боятся и не вѣрить должно, только вижу, что всѣ ево благодѣянія безпристрастны, и тѣмъ заключаю, что все въ нашу пользу. Боже помогай вамъ любезные родители, надѣюсь, что вы всегда своего благословенія изливаете источникъ на ту, которая вѣкъ будетъ.

Ваша покорнѣйшая Дочь.

ПИСЬМО VIII.

Моя драгая Памела.

Ни чево не могу болѣ какъ возобновить мое мнѣніе, о милости къ тебѣ молодова господина, и разговорахъ ево о чулкахъ съ башмаками, можетъ быть онъ ни какова худова въ томъ мнѣніи и не имѣеть, но я думаю, что быть видъ очень легко можетъ и что въ томъ за виситъ щастье временное и вѣчное любезной моей дочери, такъ не трудно страху потрясти во мнѣ всѣ члены, вооружай себя любезная дочь противляясь всему злу, которое притти можетъ, заключи скорѣй потерять жизнь свою, нежели честь; хотя сіе подозрѣніе которое я тебя имѣть заставляю, и убавятъ веселіе твое и удовольствіе, получая знаки милости твоего господина, но какое то веселіе, которое тлѣнные вещи поселятъ въ сердце съ ущербомъ совѣсти.

Правда, что подарки, которые онъ тебѣ далъ, изрядны, но тѣмъ болѣ они подозрительны быть могутъ, ты же говоришь, что онъ тебѣ какъ ангелъ показался, я правильно боюсь, чтобъ тѣ подарки и его ласковость, не произвели на сердце твоёмъ вреднаго дѣйствія, хотя ты совести и разсужденія по твоимъ летамъ очень много имѣешь, но какъ не боятся, когда я вспомню, какимъ искушеніемъ подвержена дѣвка пятнадцати лѣтъ, живучи среди самыхъ роскошей, близъ молодова и легкормысленнова дворянина, на примѣръ ежели онъ такой, и можетъ властію принудить ко многому, будучи господиномъ.

Я тебѣ приказываю любезная дочь, ежели хочешь имѣть наше благословеніе, даромъ что мы нищи, быть осторожной: ибо отъ тово худова ничево не будетъ, и когда госпожа Жервисъ такая добродѣтельная женщина, мы съ матерью нѣсколько спокойны, и чаемъ, что ты ничево отъ нее скрывать не станешь, и будешь слѣдовать добрымъ ее совѣтамъ; а притомъ посылаемъ къ тебѣ наше благословеніе, обнадеживая, что мы больше себя о тебѣ просить будемъ Бога: остались.

*Твои доброжелательные
Отецъ и Мать.*

Бойся тому вѣрить когда говорятъ тебѣ, что ты очень пригожа, и невозгордись своею красотою, тогда уже никакой хвалы достойна не будешь; постоянство и добродѣтель одна только есть красота дѣвкѣ. Пожалуй не забывай Памела!

ПИСЬМО IX.

Любезные мои Отецъ и Мать.

Больше не возможно имѣть печали какъ я имѣю, будучи принуждена объявить вамъ, что моя надежда перейти въ домъ Милади Даверсъ во все исчезла, она хотѣла, только господинъ мой не позволилъ, разсуждая, что племянники ее могутъ въ меня влюбиться, и могутъ меня прельстить и что мать ево, любя меня, во особенное смотреніе ему поручила, то онъ за должность ставить, содержать меня въ своемъ домъ, и велѣлъ госпожѣ Жервисъ меня хранить какъ дочь; госпожа Жервисъ сказала мнѣ, что Милади, только потряся

головою сказала, *ахъ братецъ*, и замолчала. Вы же меня такъ уже сумнѣваете во всемъ научили, что мнѣ кажется, всякой часъ печальное предвѣщаніе, я еще о томъ госпожѣ Жервисъ ничево не упоминаю, не для того, чтобы я ей не вѣрила, но чтобы она меня не почла тщеславной, и самолюбивой, которая наполнясь хорошева о себѣ мнѣнія, не видитъ превеликова раздѣленія между собою и богатымъ дворяниномъ, однако она и сама нѣчто изъ словъ сказанныхъ отъ Милади размышляя старалась вы разумѣвать, для чево только покивая головою сказала: *Ахъ братецъ* и замолчала! надѣюсь что Творецъ челоуѣколюбивъ мнѣ подастъ свою всякую помощь въ той надеждѣ. Я бы никогда безпокоится не стала ежелибъ беспокойству можно было супротивляться, а при томъ льщу себя, что мнѣ совершенной и причины нѣтъ. О всемъ же что со мною будетъ, къ вамъ писать буду чтобы вы непереставали давать мнѣ полезныя наученія и молится.

О вашей печальной и беспокойной Памелль.

ПИСЬМО X.

Моя дарагая Мать.

Вы, и мой любезный Отецъ чаю уже въ страхѣ, не имѣя отъ меня нѣскольکو недель писемъ, печальное приключеніе тому было притчиною, ныне оказалось ясно, что правильно сумнѣніе ваше въ наученіе мнѣ было. Ахъ любезная Мать! я несчастлива! и очень много несчастлива! но однако не во все пужайтесь, любя добродѣтель, Богъ сію любовь крѣпко вкоренилъ въ мое сердце.

Ахъ тотъ Ангелъ! тотъ учтивой дворянинъ и тихой благодѣтель вашей бѣдной Памелы! которой по прозбѣ матери своей, въ тотъ часъ, когда она разставалась съ своимъ духомъ, долженъ имѣть обо мнѣ попѣченіе, и боялся, что влюбится въ меня племянники сестры ево, и для того не отпустилъ меня къ ней, сей дворянинъ, хотя уже онъ не достоинъ онымъ назваться, дворянинъ говорю бесчестной, открылся своей служанкѣ, и кажетъ свой вредныя намѣренія; ни что мнѣ такъ въ свѣтѣ ужасно не кажется и мерско, я ее лѣнясь писала, какъ и какимъ лукавствомъ онъ открылъ свое злобное намѣреніе, но укралъ нѣкто письмо мое, и незнаю, гдѣ оно дѣвалось, думаю, что онъ ево похитилъ по ево чернодушію все станется отъ него! когда уже онъ больше вреда мнѣ чинилъ въ своемъ предпріятіи, но что бы ни было, и что бы онъ съ нимъ ни началъ, вездѣ посрамленъ онымъ въ своихъ дѣлахъ явится, на противу же и въ моихъ поступкахъ не могу устыдиться. Потому, что онъ и другіе увидятъ, что я заключила хранить мою непорочность, и славятся добротой родителей моихъ, хотя они и бѣдны.

При первомъ случаѣ обо всемъ васъ увѣдомлю, нынѣ много стерегутъ меня. Онъ говорилъ госпожѣ Жервисъ, Памела всегда бумаги перебираетъ, вели ей, что нибудь другое дѣлать, отъ того времени я всегда бѣлье перебираю, а нынѣ шью камзолъ ему, но о несчастіе! бѣдное сердце хочетъ разорваться,

когда вспомню, что въ награжденіе мнѣ вѣчной позоръ, и бѣду готовятъ, скоро обо всемъ васъ увѣдомлю, надѣюсь найтить письмо мое, а между тѣмъ.

Ваша печальная и убѣжденная Дочь.

Въ передъ буду въ письмахъ называть ево, *онъ* и *ему*, для тово что онъ о бесчестился въ умѣ своемъ.

ПИСЬМО XI.

Моя дарагая Мать.

Я не могла найтить моего письма, и для тово раскажу вамъ какъ можно въ рѣчахъ короткихъ.

Изрядно мнѣ было и спокойно нѣсколько времени, послѣ того письма, какъ я о удовольствіи моемъ писала къ вамъ въ послѣднемъ, потомъ показались мнѣ нѣсколько причинъ къ сумнѣнію, потому *что онъ* началъ на меня простирать взоры, которые ни чево доброва не значили, наконецъ пришлоъ онъ ко мнѣ въ садъ, *гдѣ* я сидя въ бесѣдкѣ шила, госпожа Жервисъ только что меня оставила, и я хотѣла итти за нею, но онъ сказалъ, постой Памела, не ходи, мнѣ съ тобою говорить нужда, ты все бѣгаешь, когда меня увидишь, власно, какъ бы чево боялась, вамъ можно легко узнать въ какомъ я была смятеніи, потомъ собрався со всѣми силами ему говорила, не прилично быть бѣдной вашей служанкѣ предъ вами, развѣ государь мой! что касается до услугъ по моей должности и чину, надѣюсь никогда не забыть почтенія, которымъ я должна вамъ»

Изрядно, отвѣчалъ онъ, должность твоя того требуетъ, я хочу, чтобъ ты выслушала, что я тебѣ говоришь намѣрень, я не сказанно устыдилась и затреслась отъ страху, а особливо когда онъ меня взялъ за руку, видя, что ни кого близъ насъ не было.

Сестра моя, онъ говорить началъ, (казалась мнѣ, что былъ и самъ въ смятеніи) хотѣла тебя къ себѣ взять, но онабъ ни когда съ тобой тово благодѣянія не учинила, которымъ я тебя почтить намѣрень, ежели ты будешь вѣрна и склонна; что ты думаешь? продолжалъ онъ рѣчь свою съ торопостию, не лутчель хочешь у меня жить, нежели у сестры моей? При томъ взоръ ево не сказаннымъ ужасомъ пронзилъ мою душу, взоръ я видѣла смятенный и заблужденный.

Какъ скоро я возмогла говорить ему; сказала, Государь! мой, позволитель мнѣ довестъ себѣ, что вы не имѣете супруги, а уже годъ прошелъ послѣ смерти Матери вашей, я же желаю лутче итти въ домъ, и служить Милади Даверсъ, ежели вы позволите для тово, я хотѣла говорить... но онъ пресѣча рѣчь мою, сказалъ, куды ты еще глупа, и не разумѣешь своей пользы, я тебя здѣлаю любовицею изъ служанки, ежели только склонна будешь, и не станешь сама своему щастію противляться, и тотчасъ обнявъ поцѣловалъ меня.

Узнайте теперь, что вся ево злость открылась, я затряслась въ страхъ, всѣ члены мои отнелись, ноги вдругъ подломились, видя себя въ рукахъ ево безъ помощи. Онъ поцѣловаль съ горячностію раза два, или три, какъ я думая, ибо тогда я съ нуждой помнила, что я, и нечаянно вырвавшись изъ рукъ ево и хотѣла бѣжать изъ бесѣдки. Когда онъ подлостью вмѣшиваесть въ дѣла свои, и возводитъ подчиненнова своево, дая власть владѣть собою.

Хотя я въ саду не отлучалась далеко отъ дому бояся несчастія, вытирала глаза свои не ходя въ покои; а больше о томъ писать буду послѣ, молитесь любезные родители Богу и на меня не погвѣвайтесь, я еще не отстала сего дому, гдѣ прежде мое услажденіе и веселіе было, нынѣ же обратилось въ страхъ и мученіе, но принуждена окончатъ скорѣе.

Ваша покорнѣйшая и вѣрная Дочь.

ПИСЬМО XII.

Я буду продолжать мою печальную исторію, осуша глаза мои, начала думать что мнѣ дѣлать, вздумала оставить домъ ево, и бѣжать въ сосѣдную деревню и тамъ ждать оказіи къ вамъ переѣхать, но не знаю пожитки мои взять, или оставить и ничего не брать съ собою кромѣ что на мнѣ, но вспомня, что до деревни полторы мили, а надобно итти дорогою окружною, но страхъ пройтить пужая, что на пути увидя меня въ хорошемъ платьѣ, могутъ злодѣи приключить такое же нещастіе, отъ котораго убѣжать стараюсь, по томъ вздумаю, что публикуютъ будто ушла я и покрала тамъ весьма не весело бы было, съ такой худой славой къ родителямъ моимъ возвратится, и такъ я желала быть на тотъ часъ въ моемъ прежнемъ платьѣ, въ томъ одѣяніи простомъ и скудномъ, въ которое вы съ великимъ трудомъ нарядили меня, чтобъ могла войти въ службу, когда я еще была двенатцети лѣтъ во время моей милостивой госпожи покойной, иногда вздумаю сказать госпожѣ Жервисъ, и у нее просить совѣту, но запрещеніе ево, меня и отъ того удерживало, представляя мнѣ въ мысли, не равно онъ совершенно раскается въ позорныхъ дѣлахъ своихъ, и впередъ уже о томъ вспоминать не будетъ, къ тому жъ госпожа Жервисъ въ помощи ево необходимую имѣла нужду для пропитанія, по не сщастливомъ моемъ приключеніи я не хотѣла что бы меня ради онъ осердился на нее, и лишилъ пропитанія, въ такой безъ конечной печали съ нова разсуждая, что дѣлать, я не знала на чѣмъ утвердится, въ шедъ въ свою спальню, сидѣла до самого вечера, прося извинить меня, что я къ ужину не буду. Госпожа Жервисъ вошедъ говорила, для чего Памела мнѣ безъ тебя ужинать? Я вижу ты печальна, скажи пожалуй мнѣ причину? Я просила ее, чтобъ она позволила мнѣ спать съ собою, сказывая, что я боюсь домовова, а надежна, что онъ такой добродѣтельной женѣ, какъ она, не чево здѣлать не смѣеть.

Эта причина не можетъ быть правильна, она отвѣчала, для чево прежде ты не боялась домовова? Мнѣ то во умъ не пришло за ранѣе, однако нѣтъ ни чего,

я тебѣ позволяю, пойдѣмъ ужинать. Я просила ее меня оставить представляя, что отъ многова плача, глаза мои опухли, и по тому весь домъ примѣтитъ можетъ, а ей обѣщала сказать, когда спать ляжемъ. Она въ томъ дала мнѣ волю, и по ужинав спѣшила спать лечь сказавши всѣмъ, что ей одной неспится, и для тово меня беретъ съ собою въ спальню, чтобъ заставить читать книгу, знаю, говорила она, что Памела охотница читать.

Какъ скоро мы одни остались въ спальнѣ, я ей о всемъ бывшемъ сказала, думала, хотя мнѣ и запрещено сказывать, да когда и провѣдаютъ, что я ей сказала, худова не будетъ. Разсудилась мнѣ, что хранить такова роду тайну, стала не жалѣть въ то себя погружать, но лишится, и не имѣть полезныхъ ко отвращенію совѣтовъ, которые не обходимо надобны, въ такомъ случаѣ при томъ боялась и того, чтобъ не подумалъ, что мое молчаніе болѣе отъ того, что во мнѣ прискорбнаго чувствія злой ево обиды нѣту, и храня тайну, подамъ ему попользновенія болѣе къ тому поощрятся, былалъ мнѣ притчина открытсѣ! любезная Мать моя.

Госпожа Жервисъ, не могла, слушая, пребыть безъ плача, мѣшая слезы свои съ моими, которые во все время, какъ я рассказывала бѣдственное мое приключеніе, лилися; просила у нее совѣтовъ, показала ее батюшкины письма, въ которыхъ она похваляла справедливое наученіе любить добродѣтель, при томъ просила что бы я не оставляла своего мѣста, ты говорила она, такъ себя вела честно, то по сему и надѣянья раскаянія надобно отъ нево, въ дѣлахъ тѣхъ, которые со временемъ устыдятъ ево, и не допустить болѣя подумать; я боюсь всего болѣ красоты твоей, въ которую мущина какъ бы добродѣтельнень нибылъ, не волею влюбится можетъ, сожалѣю, что не имѣю достатка, и не могу жить особливо, я бы тебя взяла и содержала у себя такъ, какъ дочь свою родную.

Вы сами мнѣ приказали слѣдовать ее совѣтамъ, и для того я осталась смотрѣть, что будетъ далѣ, ежели онъ самъ меня не выгонитъ изъ дому. Хотя вы въ перьвомъ письмѣ приказали убѣжать къ вамъ, ежели будетъ хотя малая притчина мнѣ ево боятса, но думаю любезные родители, что то не можетъ не послушаніемъ назватся, что я здѣсь осталась, уже бы я не могла ожидать отъ васъ благословенія ни добрыхъ успѣховъ въ моихъ предпріятіяхъ, ежели бы была вамъ не послушна.

Во все утро на другой день я была печална, и въ грусти сѣла писать мое къ вамъ большее ітсьмо, такъ какъ я уже сказала, онъ сіе увидя говорилъ госпожѣ Жервисъ, Памела бумагу только все мараеетъ, ей бы лутче можно что нибудь дѣлать другое, когда я окончала письмо мое, то положила подъ столикъ, покойной госпожи моей, зная, что кромѣ его и насъ двухъ ни кто туда не ходитъ, но возвратясь печатать, уже не нашла ево тамъ гдѣ положила, а тово никто не видалъ, что бы господинъ нашъ въ ходилъ въ спальню, что меня очень съ нова безпокоило. Госпожа Жервисъ тоже думала, что и я, что онъ какимъ нибудь манеромъ унесъ письмо мое, изъ спальни, съ того время онъ сталъ печалень и сердитъ, и кажется равно меня, какъ и я ево убѣгаеетъ, но я тому очень рада, госпожѣ Жервисъ приказалъ онъ сказать мнѣ, чтобы я не все время

на письма употребляла. Сіе очень подло, отъ дворянина читать мои письма, и смотрѣть, что я дѣлаю. Довольно, что я въ должности моей не лѣнива, ему противно то, что было на писано не къ великой хвалѣ ево, такъ за чѣмъ подавалъ причину.

Но я болѣе стала спокойнѣе отъ тою время, какъ госпожа Жервисъ перевела меня въ свою спальню, не взирая, что страхъ моей опасной жизни, ево худое намѣреніе, и недовольствіе, всево тово, что бы я ни дѣлала, чинили торопливой.

Для чево я не жила въ прежней вашей хижинѣ, и не ходила въ старыхъ лоскутьяхъ, не была бы я подвержена злему искушенію, и не доводила бы противу себя во огорченіе людей многихъ, о какъ я въ то время была счастлива, нынѣ же очень несчастна, сжальтесь, и молитесь Богу

О вашей печальной Памелль.

ПИСЬМО XIII.

Любезное Дитя!

Бѣды твои, и вредные искушенія, скорбію презлою пронзаютъ наши сердца, непрестанно молимъ о тебѣ Бога, и хотимъ что бы ты тотъ домъ оставила и бѣжала отъ злова челоуѣка, ежели онъ воздвигнетъ свое гоненіе; должно бы тебѣ то здѣлать съ начала, ежели бы тебя неутверждали совѣты госпожи Жервисъ, до сихъ поръ мы не можемъ жаловаться о твоихъ поступкахъ, но только то смущаетъ насъ, что можетъ впередъ случится. Ахъ любезное дитя! искушенія въ свѣтѣ вредны и ужасны, но безъ тово мы себя сами не узнаемъ и не свѣдаемъ, что мы можемъ, и къ чему подвержены бываемъ.

Твои искушенія важны, ты брань имѣешь съ сильными людьми, тебѣ должно противляться богатству, молодости и пріятности изрядного Кавалера, такъ какъ его люди почитаютъ на свѣтѣ, но какая будетъ тебѣ слава, ежели всѣхъ сильныхъ непріятелей отъ себя отгонишь, мы когда думаемъ о минувшихъ твоихъ поступкахъ и о полезномъ наученіи, данномъ тебѣ, отъ покойной госпожи твоей, то увѣряемъ себя, и радуемся, что ты научилась. Я больше презиралъ опасность, нежели бѣдность, и надѣемся, что Богъ подастъ тебѣ силу преодолѣть всѣ нападки, при томъ вѣдаемъ, что жизнь твоя нынѣ трудна по всегдашнимъ опасностямъ, которые къ тебѣ приходятъ, а при томъ ты можешь ли много на себя обѣ надѣется такъ какъ ты молода, а Демонъ можетъ ево вразумить на какой ни есть хитрой вымыслъ, прельститъ тебя, какъ то у господъ, не диковинка бываетъ. Я думаю, что тебѣ лутче возвратится къ намъ, и раздѣлить съ нами вашу бѣдвость, нежели жить въ довольствіи, которое можетъ нанести гибель.

Богъ не оставитъ послать тебѣ лутчее мѣсто, и пока еще госпожа Жервисъ будетъ тебя держать у себя къ спальнѣ, и давать свои совѣты, мы нѣсколько спокойны, но вручая тебя Божію смотренію остались съ печалію.

Твои доброжелательные
Отецъ и Матъ.

ПИСЬМО XIV.

Мои дражайшіе Родители.

Мы жили очень весело съ госпожей Жервись недѣли съ двѣ, пока господинъ нашъ былъ въ другой деревнѣ, въ графствѣ Линколнѣ, и у сестры своей; вчерась возвратился и пріѣхавши имѣлъ разговоры съ госпожею Жервись, а болѣ обо мнѣ говорилъ ей: ну госпожа Жервись, я знаю, что вы ласковы къ Памелѣ, и ей всякова добра желаете, скажите мнѣ, естли намъ въ ней какая нужда въ домѣ? Она мнѣ сказала, что сей вопросъ много удивилъ ее, но отвѣчала ему съ превеликою обо мнѣ хвалою увѣряя, что такъ добродѣтельной и прилѣжной, равной мнѣ не знаетъ, для чего онъ говорилъ упоминать добродѣтельна, развѣ была причина о томъ сумнѣваться, или кто нибудь искушалъ ее испытую? Я удивляюсь государь мой, она ему отвѣчала, что вы мнѣ чините такіе вопросы, кто осмѣлится искушать ее въ такомъ порядочномъ, и строго управляемомъ домѣ, какъ вашъ, а особливо такова господина, которой любить честь и добродѣтель, и тѣмъ славится на свѣтѣ. Благодарствую госпожа Жервись, за ваше обо мнѣ доброе мнѣніе, однако скажите мнѣ, на примѣръ, ежели бы кто вознамѣрился искушать Памелу, откроетъ ли она то вамъ? Государь мой, отвѣчала ему госпожа Жервись, она еще въ своей непорочности, такую великую имѣетъ ко мнѣ довѣренность, что ежели бы то было, то надѣюсь, въ тотъ часъ придетъ открыть мнѣ, равно какъ бы родной своей матери. Непорочна онъ вскричалъ, и добродѣтельна очень! я вижу госпожа Жервись, что вы очень противъ меня въ справѣливости скупы, а ее почитаю, за весьма лукаву, и ежели бы у меня былъ въ домѣ молодой дворецкой, или какой человѣкъ почетной, давно бы уже она поставила сѣти, въ которые бы онъ ввалился, ежели бы только стоило трудовъ, и достоинъ бы ей мужемъ быть могъ. Ахъ государь мой! она отвѣчала; Памела еще очень молода, и не думаетъ о замужствѣ, я могу въ томъ поручиться. Вашъ дворецкой и казначей уже люди не молодые, и надѣюсь ни когда о томъ не думали. Вѣрю сказалъ хотя бы и молоды были, то надѣюсь, не были бы столь безъразсудны, что бы за хотѣли на такой женится дѣвкѣ, какъ она. Я вамъ скажу госпожа Жервись мое объ ней мнѣніе, вижу, что она у тебя въ милости, но не вѣрю что бы она не была лукава. Мнѣ не къ статѣ объ томъ съ вами спорить, государь мой, госпожа Жервись ему отвѣчала, но смѣю сказать, что ежели мужчины ее оставлятъ въ покоѣ, она съ своей стороны утруждать ихъ не будетъ. Развѣ вы знаете ково такихъ мужчинъ, которые ее не хотятъ оставишь въ покоѣ? нѣтъ государь мой, она отвѣчала, да надѣюсь, что и она до тово недопуститъ, она съ такую осторожностію и тихостію поступаетъ, что всѣ мужчины въ домѣ ее почитаютъ такъ, что хотя бы она была дворянка.

О! о! говорилъ онъ то-то и значить ее лукавство, позволте мнѣ сказать, что сія дѣвка наполнена тщеславія, самолюбія и гордости, или я очень обманулся, а можетъ быть и примѣръ могу найти показать вамъ. Статься можетъ государь мой, она отвѣчала, вы больше примѣтите можетъ, нежели я простая и не догадливая баба, я ни чево въ ней кромѣ непорочности и добродѣтели не видала. Ну! на примѣръ подхватилъ онъ, ежели я вамъ докажу, что она очень смѣло о милости другихъ говорила, и по тщеславію прикладывала намѣреніямъ злобнымъ показаную ей иногда жалость и ласку, видя ее молодость и худую фартуну, и что она поносила такихъ, которыхъ имя ей со всякимъ почтеніемъ выговаривать должно; имѣя благодарность, что вамъ тогда, говорить! что мнѣ говорить она отвѣчала, я не знаю, что надобно будетъ, токмо могу быть увѣрена заранѣ, что Памела не можетъ быть такъ много не благодарна.

Изрядно, сказалъ онъ, полно говорить о дурѣ совѣтуйте ей дружески, чтобъ не брала большей смѣлости о показанныхъ ей милостяхъ, ежели здѣсь жить хочетъ, тобъ не обо всемъ писала, что дѣлается въ домѣ, а писала бь только для того, что можетъ придать ума ей, и натвердить руку. Она не такова, какъ вы думаете, и со временемъ сами въ томъ признаетесь конечно.

Кто видалъ сему подобное на свѣтѣ любезные мои родители, видно, что онъ отъ меня такому супротивленію быть не чаялъ, и сумнѣвается что я не все сказала госпожѣ Жервись; видножъ и то, что у нево письмо мое, и что то всево болѣ ево печалить, но я лутче хочу быть по мнѣнію ево лукавою и скрытною, нежели ему покорною, и хотя не вѣрить, и презираетъ мою непорочность и добродѣтель, которые меня предъ нимъ прославляли, однако чаю онъ бы не такъ на меня сердить былъ, ежелибъ я меньше достойна была сихъ званій, тогдабъ мои дурные дѣла лутче были добродѣтели по ево злости; то-то самой злой человѣкъ, въ предъ буду писать о всѣмъ и скоро, а теперъ надобно окончатъ мое письмо и сказать, что я всегда буду.

Ваша покорнѣйшая Дочь.

ПИСЬМО XV.

Моя любезная Мать.

Я послѣднее мое письмо очень скоро окончала, боюсь чтобъ онъ не зашелъ, Какъ то прежде и было, но я спрятавъ письмо въ пазуху принялась за мою работу, и такъ имѣла мало лукавства которое онъ на меня взводилъ, что въ такомъ была смятеніи, какъ бы какую великую здѣлала продерзость.

Не вставай Памела, онъ вошедъ говорилъ мнѣ, не помѣшалъ ли я тебѣ работать, вы меня не поздравляете съ щастливымъ пріѣздомъ изъ графства Линкольнъ, знать вы мнѣ не ради. Очень было бы сожалительно Государь мой, я ему отвѣчала, ежелибъ вамъ въ вашемъ домѣ люди не были ради.

Между тѣмъ я хотѣла вонъ вытти; не бѣгай онъ говорилъ, я тебѣ скажу слова два три. О, какъ сердце мое трѣпеталось! Ономедни сказалъ онъ: когда я

тебѣ въ саду нѣкоторые милости своей показаль знаки, и ты почла будто бы я хотѣль тебѣ зло приключить. Не запрещалъ ли чтобъ ты отнюдь ни кому о томъ не говорила? однако ты пренебрегая мою славу и свою пользу, повсюду разгласила. Государь мой, я ему отвѣчала мнѣ не съ кѣмъ почти о томъ и подумать. Почти, онъ подхватилъ рѣчь мою, безчинница ты уже умѣешь говорить дwoяко, что ето значить почти, я тебя спрашиваю не сказала ты госпожѣ Жервись. Пожалуй Государь мой, я въ великомъ смятеніи ево просила, позволь, чтобъ я вонъ вышла, мнѣ не прилично съ вами спорить. Новые крючки, говорилъ онъ, въ чемъ спорить, развѣ ета споръ, чтобъ отвѣчать на мой вопросъ, которой очень вразумителенъ, отвѣчай мнѣ? Ахъ Государь мой! я ему говорила, сотвори милость, не принуждай меня болѣ, я могу еще забывъ себя не учтивостію васъ прогнѣвать.

Отвѣчай, онъ одно твердилъ? Не сказывали ты госпожѣ Жервись, тѣмъ болѣ огорчить меня можешь, ежели тотчасъ не будешь отвѣчать мнѣ.

Можетъ быть Государь мой я отвѣчала, таща мою руку которую онъ держаль своею, отвѣтъ вамъ скажу неприятной, что такое? подхватилъ онъ, и изрядно Государь мой, для чево бы вамъ за то сердится, что я о вашихъ со мной поступкахъ госпожѣ Жервись, или кому другому сказала, ежелибъ бы худова намѣренія не имѣли.

Хорошо сказала, вскричалъ онъ, бѣдная простота и не порочность, такъ какъ госпожа Жервись тебя называетъ, такъ то ты надо мною шутишь, и смѣешь чинить мнѣ такіе вопросы, ахъ ты грубіянка злая! нѣтъ хочу что бы ты на мой вопросъ точно отвѣчала. Государь мой, говорю я ему, ни изъ чево на свѣтѣ не солгу, сказывала госпожѣ Жервись, для тово, что мое сердце въ грусти разрывалось, и ни отъ каво облегченія въ моихъ печалехъ не чаяла имѣть, кромѣ же ни кому объ томъ сказать, я рта не розѣвала. Хорошо говорилъ онъ, есть еще загадка, рта не розѣвала, скажи не писала ли къ кому? Какъ Государь, я ему ободрясь, сказала можноть какъ меня спрашивать, ежели бы вы не взяли письма, которое я писала къ отцу и къ матери, открывая имъ ваши поступки, и просила ихъ собѣту.

Долженъ ли я говорилъ онъ, терпѣть поношеніе въ моемъ домѣ, на сторонѣ и по всѣму свѣту, отъ такой безпутной какъ ты; нѣтъ Государь мой, я отвѣчала, на меня не сердитесь; я васъ не поносила, а писала правду. Ты еще шутить смѣешь негодная дѣвка, говорилъ онъ, я не люблю такихъ разговоровъ.

Государь мой, я ему отвѣчала, у ково бѣдной дѣвкѣ лутчѣ можно просить наставленія, какъ у отца и у матери, а ежели нѣтъ то у чесной женьщины, такъ, какъ госпожа Жервись, которая по человѣчеству своему и полу, должна дать доброй совѣтъ. Грубіянка, вскричалъ онъ топнувъ ногою, долголь мнѣ терпѣть разговоры отъ такой какъ ты; въ тотъ часъ упала я на колѣни, и въ слезахъ говорила, Бога ради, Государь мой сжался видя мою бѣдность, въ разсужденіи тово что я не знаю доколѣ простиратся должно къ вамъ почтеніе, умилосердись, я ни чево такъ много, какъ добрую славу и добродѣтель почитать не умѣю, въ томъ только на свѣтѣ моя надежда, и хотя бѣдна и здѣсь безъ вѣрнаго живу друга, но всегда училась и стараюсь любить добродѣтель

паче жизни. Ты много отвѣчалъ онъ, ворчишь о своей добродѣтели. Дура, знаешь ли что та самая добродѣтель принуждаетъ быть послушной, и имѣть благодарность къ своему господину. Совершенно, Государь мой, я отвѣчала не возможно мнѣ быть не послушной предъ вами, и не благодарной, ежели только ваши повелѣній собственной моей должности не вредны, которые всегда учреждать будутъ поступки мои въ свѣтѣ.

Казалось что слезы и слова мои привели ево въ жалость, вставъ вышелъ въ другую полату, оставя меня стоять на колѣняхъ, я покрывъ передникомъ лице мое приклонила голову къ стулу, не имѣя силы стоять прямо, и плакала горькими слезами.

Потомъ вошелъ онъ опять, но увы со злостію въ сердцѣ, и взявъ за руку говорилъ, встань Памела, ты сама себя не навидишь, дурачество твое будетъ причиною погибели твоей вѣчной, я тебѣ сказываю, я очень сердитъ на тебя за твою грубость, что ты осмѣлилась доправительницѣ моей сказывать и писать къ отцу твоему поношеніе, съ одново пустова твоего мнѣнія: сказавъ сіе взявъ силою посадилъ меня къ себѣ на колѣни; я обезпамятевъ въ страхѣ за кричала, такъ какъ читала за нѣсколько дней въ книгѣ, *Ангелы Божіи, и всѣ силы Небесныя, помогите мнѣ, и не допустите меня жить въ злой часъ на свѣтъ, въ которой мою не порочность губить будутъ.* Дурочка, говорилъ онъ, какъ ты потеряешь твою непорочность? Когда принуждена уступить силѣ, которой не можешь противится, упокойся, что бы не было, ты не потеряешь достоинства, а я буду поруганъ. Изрядная бы была матерія писать тебя въ Отцу твоему, и къ Матери, и рассказывать госпожѣ Жервисъ.

По томъ поцѣловавъ меня въ губы и въ шею, говорилъ, никогда не бранили Лукрецію, для тово, что съ нею поступили нагло, я съ радостію хочу быть браненъ для тово, что и такъ отъ тебя поруганъ! Ахъ возможно и мнѣ себя въ невинности моей я отвѣчала, такую смертію какъ Лукреція оправдать, ежели такое же безчеловѣчіе со мною учинится. А! ха! ха! другъ мой говорилъ онъ! вижу, что ты много книгъ читала, пока что будетъ, а мы можемъ подать матерію, писать хорошій романъ. И въ тотъ часъ положилъ за пазуху мнѣ руку; презреніе предерзкихъ ево поступокъ, умножилось яростію, собравъ купно мои силы бросаюсь вырвалась изъ рукъ ево и побѣжала въ другую полату, по моему щастію подлѣ той еще въ другой полатѣ отворены были двери, я вскоча хлопнула дверми въ которыхъ ключей не было и онѣ сами заперлися крепко, а онъ у дверей остался только оторвалъ лоскутъ отъ моего платья.

Больше уже я ни чего не помню: а остатокъ узнала послѣ. Страхъ и смущеніи привели меня въ слабость, онъ сквозь замокъ увидѣлъ, что я упала посередь полаты и лежала безъ движенія, призвалъ госпожу Жервисъ и отъ бивъ съ нею двери вошли; кои часъ дождался что я начала приходить въ память, оставя госпожу Жервисъ, вонъ вышелъ, подтверждая ей, чтобъ она ни кому о томъ не сказывала; ласковая ко мнѣ Жервисъ думала, что больше со мной было несчастія, нежели какъ подлинно было плакала надо мною какъ мать родная! Два часа прошло, пока я пришла въ память, и только что поднялась я съ полу, онъ вошелъ въ полату, ужасъ объялъ меня съ нова,

обмерла я стоя, онъ увидя сіе вышелъ и стоялъ въ другой полатѣ, бояся, чтобъ не зашелъ кто, и чрезъ то не былибъ безчесныя намѣренія ево явны.

Госпожа Жервисъ давала мнѣ разные спирты нюхать, и растѣгнувъ меня посадила въ стуль, онъ кликнулъ ее къ себѣ, и спросилъ какова Памела? Я отъ роду не видалъ такой дуры, ни ясно ей не здѣлалъ, и ни чемъ не страцалъ, чево испужалась, сама не знаетъ. Госпожа Жервисъ въ слезахъ не могла промолвить ни одного слова; я чаю, онъ продолжалъ рѣчь свою, она тебѣ сказала, что я съ нею немножко поигралъ въ саду онамедни, и хотя какъ тогда такъ и севодня ни чево худова не было въ моей мысли, въ чемъ я васъ увѣряю, однако прошу ни кому не сказывать и не упоминать моево имени.

Для Бога Государь мой, она ему говорила, но онъ не слушая ни чево сказалъ для самой себя госпожа Жервисъ ни кому не сказывай, я ей ни чево худова не здѣлалъ, и не хочу чтобъ такая болтунья жила въ моемъ домѣ: ибо она такъ часто приходитъ въ слабость, и притворятся умѣть.

Приведи ее завтра въ кабинетъ матери моей, ты увидишь сама наши поступки, сказавъ сіе, и въ великомъ сердцѣ идучи вонъ, приказалъ заложить карету, и поѣхалъ въ гости. Когда госпожа Жервисъ ко мнѣ возвратилась, я ей все рассказала, и объявила, что болѣ не хочу жить въ домѣ, и когда она мнѣ сказала, что и онъ меня болѣ держать не намѣренъ, я была рада, льстятся покоемъ, при томъ она всѣ слова ево мнѣ рассказала, да и сама начинаетъ уже бояться, только очень ей не мило, что я не хочу жить болѣ въ ихъ домѣ, но ни за чтожъ въ свѣтѣ и погибели моей не пожелаетъ, конечно говорила она, нынѣ онъ не имѣетъ добрыхъ намѣреній, но можетъ быть, видя такъ упорну все оставитъ, завтра я узнаю, побывая на судѣ передъ судіею не праведнымъ, я узнаю, что мнѣ надобно будетъ дѣлать.

Несказанно боюсь завтрашняго съ нимъ свиданія, но будте увѣрены, любезныя родители о постоянствѣ и непремѣнной твердости,

Вашей покорнѣйшей Дочери.

ПИСЬМО XVI.

Мои любезныя Родители.

Знаю, что вы нетерпѣливо ожидаете отъ меня писемъ, и для тово пишу къ вамъ, какъ скоро стало мнѣ возможно.

Легко можете себѣ представить, къ какомъ беспокойствѣ я препроводила время до назначеннаго часу, что ближе подходилъ онъ, то болѣ страхъ терзалъ духъ мой, иногда чувствовала смѣлость пребезмѣрну, иногда скоро въ печаль и робость впадала, покудова онъ обѣдалъ, я ни пила ни ѣла, и глаза отъ непрестаннаго плача, всѣ покраснѣли, и по томъ пошедъ въ кабинетъ, которой нынѣ такъ много не навизу, какъ прежде милъ былъ.

Не боитцалъ и ваше сердце обо мнѣ помышляя, истинно мое тогда трепетало, такъ какъ птичка поймана и въ первой разъ посажена въ клѣтку. О Памела! сама себѣ говорила, какая ты дура, чево боишься, ни какой вины не

зная, и будучи не винна, страшишься, стать предъ судією пристрастнымъ, ежелибъ была виновата, то какъ предстать бы было предъ судію нелицемѣрнаго. Осмѣлься Памела, ты знаешь что изъ сево и хуже съ тобою быть можетъ. Какое безчестье предпочеть тебѣ бѣдность и добродѣтель?

Сама себя къ безстрашію я такъ хотя и поощряла, но сердце не хотѣло тому повиноватся, духъ мой былъ смущаемъ страхомъ, чуть гдѣ кто шевельнется, кажется меня зовутъ къ отвѣту, часа того весьма я боялась, но потомъ и желала, что бы уже онъ прошелъ.

Господинъ нашъ позвонилъ въ кабинетъ, страшнѣе мнѣ звонъ тотъ слышался и ужасней нежелибъ на мое погребеніе зазвонили. {* Въ Англии при погребеніи каждаго умершаго звонятъ.} Госпожа Жервисъ, въ страхъ къ нему заглянула, гдѣ Памела? онъ сказалъ ей, приведи сюда и сама приди съ нею; она возвратясь взяла меня, ноги мои хотя затряслись, но спѣшно туда итти хотѣли, а сердце мое полѣтело къ вамъ, любезные Родители желая равную имѣть съ вами въ жизни долю.

Какъ можно злымъ имѣть такую крѣпость и безстрашіе, что со всѣми не потребными своими дѣлами не боятся, вездѣ показатся, когда не повинные трясутся въ страхъ, взоръ ево суровой прогналъ всю мою смѣлость, которую я збирала въ мысляхъ, сама себѣ говорила, Боже, дай мнѣ силу стать предъ моимъ злобнымъ господиномъ, усмири ево, или укрѣпи меня.

Поди дура увидя онъ меня сказалъ, взявъ очень крѣпко за руку, справедливо тебѣ стыдится должно, понося меня всюду и ругая; изрядно думала я, въ себѣ, мнѣ, или тебѣ стыдится должно, Богъ разсудить насъ. Госпожа Жервисъ, говорилъ онъ ей вы здѣсь сяттѣ, а она пусть стоитъ, коли хочеть. Когда вы видѣли ету дѣвку въ томъ состояніи, какъ вы ее нашли, не думалиль вы что я подалъ ей къ тому такую притчину какой не лзя вреднѣе быть какъ она говоритъ? Скажите мнѣ? Можетель вы быть другова мнѣнія. Конечно она отвѣчала, а сперва тово боялась Сказывалала она тебѣ что я ей здѣлалъ? Чтобъ стоило произвестъ такой шумъ въ домъ, чрезъ которой я бы могъ вредъ имѣть моей славѣ, и какъ вы такъ и всѣ мои служители, умалилибъ конечно должно ко мнѣ почтеніе, расскажите мнѣ что она вамъ сказала?

Суровой видъ ево и спужалъ ее много, но ободрясь отвѣчала ему, она мнѣ сказывала что вы посадя на колени къ себѣ ее цѣловали, а болѣ я ни чево отъ ее не слыхала. Въ тотъ часъ появилась во мнѣ смѣлость, мнѣ кажется госпожа Жервисъ говорила я, уже довольно тово было чевобъ я должна была бояться, когда господинъ вступаетъ въ такіе поступки съ самой бѣдной служанкой, и что изъ тово послѣдовать можетъ какъ вы уже Государь мой весьма ясно намѣреніи свои сказали говоря мнѣ о Лукреціиномъ концѣ несчастливомъ, вы больше сказали нежели бы должно господину съ своею рабою, или бы хотя и съ своей равной, я не могу тово терпѣть, и въ тотъ самой часъ покатились слезы изъ глазъ моихъ ручьями, и тяжкія вздохи пересѣкли рѣчь мою.

Госпожа Жервисъ стала извинять меня и просила чтобъ онъ зжалился надъ бѣдной дѣвкой которая такъ много любить свою славу.

Я ее въ томъ похваляю, онъ отвѣчалъ ей, а что она пригожа, то и въ глаза говорю ей, и чаю быть покорной надѣясь что нестанеть уничтожая презирать мою благосклонность, я не навиху желаніе къ чему ни будь ее принуждать силой, и самъ себя знаю что мнѣ пристойно; признаюсь, что я себя много унижилъ здѣлая знакомство съ такой дѣвкой какъ она, думаю что ей въ томъ не можетъ быть нещастія, и что она сама меня на то поощряла, для тово и играть съ нею сталь не къ стати, нынѣ шутки мои далѣе простиратся не будутъ. Какая подлость любезная Мать отъ умнова человока! вы видите какъ умъ бываетъ въ смятеніи, ежели онъ худые намѣрени защищать принужденъ и свои продерзости обращать въ правость, я почитаю что непорочность много предпочтенна быть должна уму, и самой премудрости, въ дѣлахъ заблуждшихъ.

По томъ я ему сказала, вамъ вольно Государь мой всѣ ваши поступки называть шуткой и игрою, но только такимъ манеромъ играть господину съ своей служанкой весьма не пристойно, зная, безъ мѣрное разстояніе между собою и ею. Слышитель госпожа Жервисъ бездѣлницы сей глупость всегда та она со мной такъ разговариваетъ, и тѣмъ принуждаетъ меня съ собой поступать сурово.

Памела, говорила мнѣ госпожа Жервисъ, будь вѣжлива предъ господиномъ, и не забывай почтенія, которымъ ты должна ему, ты видишь, что онъ изволить издѣваться. Ахъ госпожа Жервисъ! я ей отвѣчала, не сообщайся къ нему бранить меня, очень трудно сохранять почтеніе противъ самаво знатнова мушины, когда онъ самъ себя забудетъ противъ своей служанки. Вотъ еще ето въ прибавокъ говорилъ онъ, я думаю что вы никогда не слышали такого отъ нее сумовбродства.

Государь мой, добродѣтельная Жервисъ сказала, сжался и прости ее бѣдную. въ разсужденіи ее робячества, добродѣтель ей всево милые, и я осмѣлюсь въ томъ поручиться, что она никогда невѣжлива предъ вами не будетъ, ежели вы оставите стращать ее и беспокоить, довольно вамъ видно уже было, какъ много страхъ пронзилъ ее сердце, она тѣмъ не виновата, хотя вы и ни какова ей зла приключить не хотѣли, но одинъ ужасъ уморить ее можетъ. Съ великимъ трудомъ я насилу могла ее привести въ память. Какая притворщица, сказалъ онъ! всѣ уже женскія лукавства знаетъ, они видно съ нею родились. Я вамъ объ ней сказывалъ, только вы ее узнать не хотите; но не то принудило меня передъ себя призвать васъ съ нею, вижу и не имѣю причины бояться, что моя слава можетъ отъ глупости и вранья сей дѣвки претерпѣть много, она вамъ уже о всемъ сказала, и можетъ быть болѣе не правды, а чаю что также къ Отцу своему и Матери писала: ибо не льщу о томъ сумнѣваться по тому, что она каждой часъ сидя пишетъ, такъ же статся и то можетъ, что многимъ другимъ писала, представляя себя вездѣ какъ утренняя заря безъ тучи, и отъ меня за всѣ милости и благодѣянія, какъ отъ дьявола убѣгаетъ. Я тогда сама себѣ подумала, куда какъ мушины не разсудливы и не одумавшись часто сами себя признавають чему достойны. Не могу я, продолжалъ онъ всево тово терпѣть, я

хочу возвратить ее въ ту же бѣдность, изъ которой она извлечена была Бога ради, но чтобъ она боялась вышедъ изъ дому про меня болтать, ругаясь мною.

Сіе намѣреніе обрадовало духъ мой, и я вдругъ бросилась къ ногамъ ево, буди благословенъ Государь мой, говоря ему за тѣ добрые и полезные мнѣ намѣренія, нынѣ я буду щастлива, позвольте мнѣ благодарить вамъ за всѣ ваши ко мнѣ милости, и покойной матери вашей, отъ которой я много нужна и полезнаго научилась, я нынѣ за буду всѣ ваши обиды и вездѣ имя ваше упоминать буду съ истинною благодарностію и почтеніемъ. Богъ всемогущій благословитъ васъ во вѣки.

По томъ вставъ, объята будучи другимъ чувствомъ нежели какъ къ нему, вышла, а вышедъ начела писать къ вамъ, что все щастливо окончалось.

Теперь любезныя родители скоро ожидайте бѣдную вашу Дочь, возвращену къ вамъ съ сердцемъ наполненнымъ радостію и почтеніемъ, вѣрте что я съ вами буду щастлива, такъ какъ бы гдѣ нибудь мнѣ было быть возможно, спать буду въ чердакѣ, какъ и прежде. Прикажите мою маленькую постѣлю приготовить, у меня есть не много денегъ, можно будетъ купить платье пристойное моему состоянію, а не такое, что я здѣсь носила. Просить буду Мумфорду, что бы она мнѣ находила что шить, не бойтесь, чтобы я васъ утруждала ежели только дастъ Богъ здоровье, надѣюсь что онъ меня для васъ не оставитъ, видя что вы во всѣхъ случаяхъ правду и добродѣтель любите, да и люди всѣ васъ за то похваляютъ, я надѣюсь что господинъ мой позволить госпожѣ Жервисъ какой нибудь мнѣ дать видъ, что бы люди не думали что я за какое нибудь худое дѣло отъ нево выгнана изъ дому.

И такъ любезныя родители, ежели можете для меня быть благосклонны, такъ какъ на себя имѣйте надежду, я прошу Бога, и просить буду о моемъ господинѣ, и госпожѣ Жервисъ. Добра ночь, уже позно, скоро меня спать кликнутьъ.

Ваша покорная Дочь.

Можетъ быть, я не буду нынѣшнюю недѣлю для тово, что надобно все бѣлье собрать, и отъ дать съ рукъ на руки другой, и все что у меня такъ какъ у спальни прежде было на рукахъ, отъ пишите ко мнѣ ежели возможно, будете ли вы мнѣ ради, и пришлите съ Иваномъ, онъ ѣдучи назадъ къ вамъ заѣдетъ, а при томъ не сказывайте ему, что я отъ хожу изъ дому всѣ скажутъ что я не молчалива.

ПИСЬМО XVII.

Моя дарагая Дочь.

Добро пожаловать, добро пожаловать, тысячу разъ скажу добро пожаловать для тово, что ты къ намъ въ своей непорочности щастлива возвращаешься, ты при старости нашей будешь помога и утѣшеніе, ни кто не можетъ тебѣ дать то, что мы желаемъ, однако не сумнѣвайся въ томъ, что не

пріятна намъ жизнь будетъ съ тобою, я надѣюсь что мы часъ отъ часу будемъ помалу наживатся, я прилѣжно работать, мать прясть, а ты шить; а все въ одинъ домъ что нибудь да прибудеть, только та бѣда, что Мать твоя худо видитъ, я слава Богу крѣпокъ и силенъ, и всегда такъ могу работать какъ и прежде.

О дорогая Дочь! Я думаю твоя добродѣтель укрѣпитъ мою силу, и придастъ мнѣ здравія, всѣ ты искушеніи и гоненіи свои сокрушила Божіимъ благословеніемъ. Постой, я вспомнилъ о четырехъ Гиняхъ, мнѣ кажется что должно тебѣ отдать ихъ твоему господину? Только я ихъ почалъ, увы! осталось ихъ только три, однакожъ какъ нибудь исправлюсь, одну часть возьму на щогъ своего жалованья, другую у госпожи Мумфортъ займу, я отдамъ какъ за ѣдетъ Иванъ, что бы тебѣ взявъ ихъ отдать было можно.

Хотѣлъ бы я знать, когда ты къ намъ будешь. Мнѣ кажется, Иванъ доброй дѣтина, можнобъ ему тебя проводить, ежели господинъ не запретить.

Когда бы знали въ которой день поѣдешь, Мать бы твоя пошла пять миль тебѣ навстрѣчу, а ябъ десять, или сколько день позволить, надѣюсь на день меня отъ пустять, мы тебя у видя обрадуемся болѣе нежели въ тотъ день когда ты родилася, или такъ сказать, съ такою радостію тебя примемъ какой во вѣсь вѣкъ нашъ не бывало.

И такъ Боже благослови тебя до счастливаго свиданія, мать тоже подтверждаетъ и остались.

Твои ласковыя Родители.

ПИСЬМО XVIII.

Мои дарагіе Родители.

Много благодарствую за показанную вашу ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ милость, стараюсь какъ можно скорѣе окончать дѣла, чтобъ возвратится къ прежней моей долѣ, все премѣнилось отъ того время, какъ господинъ мой меня отпустилъ, я найду васъ съ добродѣтелью и моей непорочностію, какое то будетъ веселье! много несравненно съ тѣмъ, котороебъ я имѣла ежелибъ во грѣхъ къ вамъ появилась. Время мое писать скоро пройдетъ, поспѣшаю для тово о всемъ къ вамъ на писать, что послѣ письма моего было со мною.

Дивилась я, что госпожа Жервисъ не призвала меня ужинать, и боялась, что она не сердиталь, не терпѣливо ждала ее въ спальню, когда она вошла, то мнѣ нѣсколько сердитою показалась. О моя дорогая госпожа Жервисъ я ей говорила, какъ я рада что вы возвратились, и не думаю, чтобъ вы на меня были сердиты. Она сказала что много сожалѣетъ о томъ, что такъ далеко простиралась причина моихъ разговоровъ, о чемъ она и послѣ меня принуждена была съ господиномъ нашимъ говорить много, и сказывала, что онъ сжалился какъ я вонъ вышла, слыша слова мои и прозъбу на колѣняхъ къ вамъ возвратится, также и желаніе всякова добра ево оставляя. Говорилъ, что онъ обо мнѣ разсудить не умѣетъ, и что я ему весьма странна кажусь. Ушлалъ

она? Я, было еще хотѣлъ ей сказать нѣчто, только она такъ странно говорила, что я не могъ пришедъ во удивленіе удержать ее. Госпожа Жервись спросила, не прикажетъ ли онъ вернуть меня; кликну отвѣчалъ, а потомъ, не замай пусть идетъ, для нее то и для меня лутче что бы она вышла изъ дому, я уже съ нею простился, и не знаю кто ее научилъ говорить такъ? Въ жизни моей еще не видывалъ такой упорной дѣвки. При томъ госпожа Жервись мнѣ сказала, что ей запрещено все мнѣ рассказывать, увѣряя меня, что онъ болѣе искушать меня не будетъ, и для тово разсуждаетъ, можно еще жить у него въ домѣ, ежели я только о томъ просить буду, однако подлинно позволить ли онъ она и сама не знаетъ чтобъ я осталась. Госпожа Жервись я ей отвѣчала, изрядные вѣдомости, ни чево не желаю такъ много какъ въ мою прежнюю нищету возвратится, тамъ я не буду столько печали имѣть и страха какъ здѣсь по смерти уже госпожи нашей имѣла.

Госпожа Жервись, сія дражайшая пріятельница заплакала! изрядно свѣтъ мой Памела она говорила, не думаю чтобъ я тебѣ столь мало оказала дружбы, что ты съ великою радостію меня оставляешь, я не имѣла дѣтѣй, которые бь мнѣ тебя милые были, будь въ томъ уверена безъ сумнѣнія.

Я залилась слезами, видя коль дружба ее справедлива, и самая правда, что я многіе видѣла уже той знаки, что мнѣ дѣлать моя дарагая госпожа Жервись? послѣ родителей моихъ васъ первую люблю и почитаю больше всѣхъ на свѣтѣ, большая моя печаль выходя изъ вашева дому та, что съ вами разлучуся; а ежели остатся, знаю что гибѣль моя не избѣжна послѣ бывшихъ нападковъ и угрозеній, въ послѣднемъ ево продерскомъ предпріятіи онъ уподоблялся злему хищнику безъ страху говорилъ ругаясь, что мы хорошую дадимъ матерію писать скаску. Могуль я жить здѣсь безопасно, уже два раза онъ забывалъ честь, не должноль мнѣ отъ третьяго нападку укрыватся, боясь, чтобъ онъ лутчихъ мѣръ не вздумалъ, что бѣдная дѣвка не станетъ такъ много противляться своему господину; а ежели я сама останусь, не подамъ ли тѣмъ ему причину, въ бесчестныхъ ево намѣреніяхъ принять поползновеніе, и нѣсколько тѣмъ находить въ продерзскихъ дѣлахъ своихъ оправданія. Мнѣ кажется когда къ дѣвкѣ станетъ приступать мущина, а она не убѣгаетъ тѣхъ случаевъ которые въ ее суть волѣ, стало тѣмъ болѣ ево поощрять и возбуждать къ смѣлости, которую весьма въ узкихъ предѣлахъ можно держать принудить, и симъ только показывать ему, что она прощаетъ то, что простить не можно, и заставляетъ бесчестные дѣла дѣлать.

Она обнявъ меня говорила, я удивляюсь любезная Памела гдѣ ты такое знаніе и правильное разсужденіе взяла, въ нѣжныхъ твоихъ лѣтахъ ты истинное диво, я тебя всегда любила и любить буду; скажи подлинноль ты вознамѣрилась насъ оставить? Подлинно я ей отвѣчала, видя грозящее мнѣ нещастіе ясно, что иное дѣлать? Съ перва скончаю все по должности моей, и надѣюсь, что вы мнѣ какой нибудь видъ пожаловать изволите, что я не за худые дѣла изъ дому отпускаюсь. Съ радостію она сказала, я тебѣ дамъ такой видъ, какова ни какая дѣвушка въ твои лѣта не имѣла. А я васъ увѣряю говорила ей,

что буду любить васъ послѣ родителей моихъ такъ какъ лутчева друга въ свѣтѣ, что бы со мной ни здѣлалось и гдѣбъ я не была.

Потомъ легли мы съ нею спать, я въ несказанной радости почти не могла ни на часъ заснуть, поутру встала весело къ моей работѣ: господинъ мой думаю на меня великое имѣть сердце, по тому что раза три или четыре, прошолъ мимо меня и не промолвилъ ни единого слова, въ вечеру увидѣвъ меня въ Алѣе сказалъ, чего я ни когда отъ него не ожидала, эта дѣвка всегда мнѣ на дорогѣ встречается; я сколько возможно ближе прислонясь къ стѣнѣ ему отвѣчала, Алѣя такъ широка, что двѣ кареты разъѣдутся, я надѣюсь Государь мой, что не долго буду вамъ на дорогѣ встрѣчатся, чортъ тебя возми, онъ отвѣчалъ свирѣпо сіи слова: бездѣлница, ты принуждаешь меня потерять терпѣніе.

Я затряслася слыша слова ево, и примѣтя что онъ былъ очень печалень, однако зная что скоро поѣду, не много о томъ размышляла, видя что когда мущина намѣренъе злое имѣть, не надобно дивится худымъ словамъ ево.

Ваша покорнѣйшая Дочь.

ПИСЬМО XIX.

Иванъ имѣть нынѣ случай итти въ вашу деревню, я еще пишу къ вамъ и посылаю два письма съ нимъ. Не знаю когда и какимъ манеромъ я поѣду, для тово что госпожа Жервисъ когда показала господину нашему камзолъ которой я шью, тогда онъ сказалъ: очень изрядно, не лутчель чтобъ она здѣсь осталась до тѣхъ поръ пока камзолъ вышьеть.

При томъ я думаю какіе нибудь тайные разговоры между ими были, хотя она мнѣ объ ономъ и ни чево не сказывала, однакожъ постарому ко мнѣ добра, и я ни какова подозрѣнія на нее не имѣю. Да к весьма бѣ то неправильно было, хотя и не обходимо ей должно мстить ему, но чтобъ и не огорчить исполняя всѣ ево правильные повеленія, чтожъ до порочныхъ касается, я знаю что она не за хочетъ ихъ исполнять, имѣя въ себѣ великую добродѣтель и ко мнѣ дружбу. Я поѣду, а она останется, и для тово ей не надобно раздражать своево господина.

Она и еще мнѣ говорила, что бы я просила позволенія въ домѣ остатся, и не быть не учтливой. Что я здѣлала говорю ей госпожа Жервисъ? грубая, повѣса, дура, онъ меня называетъ, и я оное сносить принуждена, подумайте сами, я бы себя никогда не забыла, ежели бы онъ прежде самъ себя не забылъ до самой благопристойности, скажите сами дарагая госпожа Жервисъ? послѣ сего можно ли мнѣ здѣсь жить безъ страха, а потомубъ и желала я узнать что бы вы думали, и здѣлали, ежелибъ были въ моемъ мѣстѣ?

Моя любезная Памела, она поцѣловавъ меня отвѣчала, я не знаю, чтобъ я здѣлала а думаю, что тоже что дѣлаешь ты, только еще я никово на свѣтѣ не знала, ктobъ подобное сему дѣлалъ. Господинъ нашъ человекъ изрядной, богатъ, уменъ и честень, знаю, что поддюжины есть дѣвицы, которые по немъ старають, и за щастіебъ почли, ежелибъ онъ къ нимъ пріютился. Надѣюсь что

онъ тебя Памела очень любить, хотя ты ево и служанка но лутче всѣхъ дѣвиць на свѣтѣ, хотя и старается преодолѣть страсть свою, въ разсужденіи что ты подла передъ нимъ, но думаю ему въ томъ не удастся, и для того онъ печаленъ со всею ево гордостію, думаю что и причина та, для чего онъ тебя отпускаетъ и говорилъ съ тобою сурово, повстрѣчаясь въ саду.

Позволь мнѣ госпожа Жервись, я ей говорила, здѣлать вамъ одинъ вопросъ? Ежели онъ могъ унижить себя любить такую дѣвку какъ я, такъ то и не дивно, (хотя я о такихъ знатныхъ людяхъ и читала, которые съ бѣдными дѣвками любили,) какіе въ томъ ево желаніи? Можетъ быть онъ думаетъ меня найти такъ слабу, что за хочу быть ево любовницей, хотя то и не бесчестить мушину но разоряетъ славу доброй дѣвки: такъ уже повелось на свѣтѣ. Ежелибъ я хотя мало отъ добродѣтели отлучилась, онъ бы всячески сталъ стараться во все погубить меня, или бы видя мое упорство самъ перемѣнился. Я также слыхала, что и злые устаютъ въ злостѣ, и ищутъ исправленія въ своихъ распутствахъ. Тогда надобно будетъ бѣдную Памелу изъ дому выгнать, и отдать ее на ругательство всему свѣту, да и всѣ правильно презирать ее должны. Тотъ, кто не сохранить добродѣтель, достоинъ быть поруганъ.

При томъ же позвольте мнѣ сказать, что хотя бы я и совершенно увѣрена была, что онъ непременно ко мнѣ будетъ ласковъ, и ни когда продолжать милостей своихъ не оставитъ; то я льщусь, что и всегда во мнѣ столько страха Божія будѣтъ чтобъ презирать ево искушеній, и тѣмъ противляться, хотя бы онъ Принцъ былъ: поносныхъ дѣлъ никогда я не навигу, а люблю добродѣтель, и она мнѣ всево дороже, да и любезные мои родители то всегда мнѣ твердили, то потому и не достойна была бы я назваться Дочерью ихъ, ежели бы за хотѣла потерять добрую славу богатства ради, и ево благодѣяніи, и былабъ я всѣхъ хуже въ свѣтѣ молодыхъ дѣвокъ. И для того съ радостію возвращаюсь къ прежней нищетѣ моей, и ставлю, что въ бѣдности безчестія нѣту, хотя и въ трепицахъ буду одѣта, и питаться водою и хлѣбомъ, все лутче нежели какъ здѣсь жить въ страхѣ, или быть любовницей самаго знатнова человѣка.

Госпожа Жервись поднявъ руки къ Небу и въ слезахъ плавая сказала! Богъ благослови тебя любезная Памела, ты великое услажденіе въ горести моей, и какъ могу я подуматъ съ тобою разлучиться?

Изрядно, я ей отвѣчала дозволите мнѣ еще спросить васъ? Вы съ нимъ имѣли разговоры, которые можетъ быть онъ запретилъ вамъ мнѣ пересказать, но на примѣръ, ежели я буду просить позволенія у него здѣсь остатся, думаетель вы, что отъ раскаяся, и о дѣлахъ своихъ сожалѣть о будетъ и ихъ устыдится, я бы думала, что все то ему должно, зная ево высокой родъ и мою подлость, отъ коей я ни чего въ свѣтѣ кромѣ добродѣтели не имѣю; и такъ по совѣсти, скажите мнѣ безъ пристрастно. Правильно ли сіе я думаю, прося чтобъ онъ меня оставилъ съ покоемъ, и далъ жить безопасно.

Увы; любезное дитя, она отвѣчала, не дѣлай мнѣ такихъ вопросовъ, которые меня смущаютъ, я довольно знаю, что онъ о дѣлахъ своихъ сожалѣетъ, онъ тужилъ и о первыхъ своихъ поступкахъ, а о послѣднихъ и очень. Хорошо я ей говорила, я надѣюсь, что будетъ тоже въ третій и въ четвертой разъ, пока

конечно погубить вашу бѣдную Памелу; тогда болѣ причины будетъ ему сожалѣть.

Послушай свѣтъ мой Памела, она отвѣчала, я ни за какія сокровища на свѣтѣ не хочу помогать твоей гибели вѣчной, все что я могу сказать тебѣ, только то, что онъ до сихъ поръ тебѣ ни чево худова не здѣлалъ, нѣчему дивится, что онъ тебя любитъ, хотя ты очень предъ нимъ и подла, однакожь такъ пригожа, что я равной тебѣ не видывала, и не думаю, что бы онъ когда нибудь тебѣ захотѣлъ насиліе чинить.

Вы сказали, я ей говорила, что онъ о прежнихъ ево въ саду поступкахъ каялся, долго ли то раскаяніе было До тѣхъ поръ только, пока онъ нашель меня одну, тогда и хуже еще началъ, да и съ нова сожалѣть сталъ. Ежели такъ какъ вы говорите онъ меня любитъ, и не можетъ себя преодолѣть, то еще и меньше захочетъ противляться своимъ намѣреніемъ злымъ, какъ скоро ему позволить случай. Я читывала, что многіе мущины въ дѣлахъ своихъ устыжались и каялись послѣ, нежели что порочное удавалось здѣлать, весьма были ради. Къ томужь госпожа Жервисъ, ежелибъ онъ не имѣлъ намѣренія погубить меня? Которое давно уже видно, то не сталъ бы удерживать въ своемъ домѣ, и объявлять любви своей; но я льщу себя никогда не впасть въ ево подлоги, что бы онъ мнѣ ни обѣщалъ. Надѣюсь, что Богъ меня всегда утверждать въ моихъ желаніяхъ будетъ, во только всегда будетъ у людей на меня подозрѣніе, и ни кто не повѣритъ, что я надежна на свои силы противляться богатому и достойному дворянину, такому, какъ господинъ нашъ. По тому всякой и будетъ имѣть право ругать меня, да и то не хорошо, что я какъ бы нарочно ищу оправдаться предъ тѣми, которые составляютъ покой души моей и тѣла, то есть противу Бога и моихъ родителей. И такъ госпожа Жервисъ подумайте сами, можноль мнѣ просить, что бы позволилъ остаться мнѣ здѣсь въ домѣ, отъ которова моя должность есть убѣгать?

Изрядно, она отвѣчала, когда кажется онъ самъ желаетъ, чтобы ты вышла изъ ево дому, то я надѣюсь, что для тово только, чтобъ не дойти до своего бесчестія равнаго съ твоимъ. Нѣтъ, нѣтъ госпожа Жервисъ, я ей сказала, я сама о томъ думала, желая имѣть объ немъ хорошее мнѣніе какъ бы и должно, но нахожу тому противное ежели бы онъ точно то намѣреніе имѣлъ, онъ бы меня отпустилъ къ Милади Даверсъ, и не мѣшалъ бы мнѣ у нее быть счастливой, а не такъ, что бы возвратить какъ онъ сказалъ въ прежнюю нищету мою, изъ которой меня извлекла милость покойной ево матери, но онъ думалъ тѣмъ испужать меня, или наказать за несклонность къ ево порочнымъ требованіямъ: сіе довольно кажется, что мнѣ отъ нево милости ожидать не должно, ежели я онымъ не полагаю достойную цѣну.

Госпожа Жервисъ молчала, а я продолжала рѣчь свою тѣмъ уже окончавъ, что мнѣ должно изъ дому вытти, но все мое затрудненіе состоитъ въ томъ какъ мнѣ съ вами разставатся, также и со всѣми въ вашемъ домѣ, по тому, что я всѣми была довольна, и ни какой противности ни отъ ково не видала, вы и они отъ время до время стоить будете всесчастыхъ моихъ вздоховъ, а иногда и слезъ горчайшихъ. И въ тотчасъ я стала горько плакать, весьма то пріятно, что служа

въ такомъ домѣ, гдѣ людей очень много, видѣть отъ всѣхъ ласковость и почтеніе; я могу побожиться, что всѣ меня любили.

Мнѣ должно сказать прежде какъ господинъ Логманъ вашъ дворецкой, ко мнѣ учтивъ, и безмѣрно ласковъ, и очень бы я думаю желалъ для меня быть нѣсколько по моложе, чтобы на мнѣ жениться, и здѣлать наслѣдницей всево своево богатства; вы знаете, что ево всѣ очень богатымъ быть славятъ.

Я тѣмъ не тщеславлюсь, но благодарю Бога и васъ любезные родители, что ево святою милостію и вашимъ мудрымъ наученіемъ, провождаю жизнь свою такимъ манеромъ что всѣ любятъ, одна, кухарка наша которая в ре м е н е мъ бываетъ сурова, сказала при мнѣ, Памела наша такъ себя ведетъ какъ дворянка, то то, что дѣлаетъ хорошее лице на свѣтѣ, хочу знать, что съ нею будетъ послѣ. Она будучи въ кухнѣ не знаю чѣмъ была разсержена, и такъ мнѣ сказала, я тотчасъ услышавъ сіе вонъ вышла, и всегда очень рѣдко хаживала въ кухню, а идучи нѣкогда мимо, услышала, что нашъ казначей говорилъ ей, что за диковинка жена, что ни одинъ человѣкъ отъ тебя безъ зависти хвалы не имѣетъ, что тебѣ здѣлала Памела? Я знаю, что она ни ково не обидитъ. Что я ей здѣлала? Дуракъ ты, она отвѣчала, развѣ только за то вступаешся, что она пригожа, по томъ стали и больше бранится: и слышавъ сіе только сожалѣла, не иного по томъ размышляя о ихъ ссорѣ, а васъ прошу любезные родители на меня не погнѣваются, что и въ письмо сіе вмѣшала враки, и простите

Вашей покорнѣйшей Дочерь.

Я и забыла сказать вамъ, что мнѣ здѣсь жить надобно пока дошью камзолъ, никогда я такъ прилѣжно не трудилась, встаю рано, ложусь позно, и съ великою радостію окончатъ поспѣшаю, и нетерпеливо желаю увидѣтсѣ съ вами.

ПИСЬМО XX.

Любезные мои Родители.

Я къ вамъ не такъ скоро успѣла послать мои послѣдніе письма, какъ надѣялась, для тово, что Иванъ мой не знаю умышлено или нѣтъ посланъ былъ къ Милади Даверсъ вмѣсто Исака, которой всегда къ ней ѣзжалъ; я не смѣла Исаку отдать мои къ вамъ письма, опасаясь много такъ ему повѣрить, хотя и онъ передо мною также учтивъ и услужливъ, а принуждена была ждать, пока Иванъ возвратится.

Можетъ быть мнѣ долго не будетъ случая писать къ вамъ, а знаю, что вы храните мои письма и въ свободные часы ихъ читаете, (такъ мнѣ сказывалъ Иванъ,) что вы по своей милости все то любите, что отъ меня къ вамъ ни пришлется, къ томужъ и мнѣ иногда будетъ мило, прочитатъ ихъ, къ вамъ возвратяся, напоминая какой я опасности подвержена была, и какъ Богъ челоуколюбивый своею милостію меня той избавилъ, и увидѣвъ то наиболѣе могу укрѣплятсѣ въ томъ моемъ намѣреніи и хранить свою добродѣтель, чтобы

худые мои дѣла не на носили мнѣ разсканія, и не заставляли бы послѣ проклинать самое себя осуждая, для всево тово непрестанно и буду писать къ вамъ, сколько мнѣ позволить время, о всѣхъ мнѣ приключеніяхъ и посылать вамъ при оказіи вѣрной, хотя иное и не такъ порядочно будетъ на писано, какъ есть моя должность, но надѣюсь, что вы не примите за не достатокъ моево къ вамъ почтенія.

Я къ вамъ уже описывала мои разговоры съ госпожею Жервись о томъ, что надобноль мнѣ здѣсь остатся, или исполнить предъ принятое мое намѣреніе, и нѣсколько размышляя положила, что бы возвратится къ вамъ любезные мои родители, и жить вообще нищетъ съ вами. Я ни чево не имѣю надѣтъ, чтобъ состоянію моему было прилично, то то будетъ смѣшно, ежели Дочь ваша къ вамъ возвратится въ штофномъ платьѣ, и кружевные на головъ уборы, въ Галанской рубашкѣ, башмаки съ позументомъ и тканые чулки, которые прежде покойная госпожа наша сама носила. И въ то время все то было бы хуже лоскутьевъ крашенинныхъ, для тово, что бы всѣ стали смѣются говоря; посмотрите и въ бѣдныхъ есть такое же тщеславіе, какъ и въ богатыхъ, дочь Андреева какъ ни наряжена, но выгнана изъ дому къ Отцу своему и Матери, куда какъ пристало ей сіе платье живучивъ лачушкѣ; вотъ какими глазами на меня смотрѣтъ будутъ. Я разсуждала когда я изношу хорошее платье, то вить начнужъ носить убогую одежду, будучи къ тому принуждена; то что будетъ зачудо въ такомъ нарядѣ, надѣвъ штофной старой карсетъ, или шлафорокъ съ юпкою шерстеною, какой ета будетъ смѣшной видъ. И для тово вздумала лутче съ начала приличную себѣ надѣтъ одѣжду, и въ ней къ вамъ возвратится. И хотя то мое убогое платье не сравненно будетъ съ тѣмъ, которое я ношу нынѣ, однако и сіе годится мнѣ наряжатся въ праздникъ, а ежели Богъ благословить труды мои и работу, можетъ быть и всегда буду такъ одѣта.

Тихонько, что бы люди не видали, у приворотника нашева Николы у жены и у дочери ево, купила я суровую рѣдинку, которую они сами пряли, и изъ нее сшила кафтанецъ и двѣ юпки, а на обшлага положила изряднова малиноваго полотна, которова у меня былъ остатокъ.

Камлотовая юпка у меня была прежде, купила еще двѣ байковые исподницы, [хотя у меня были и щегольскіе] однако и въ нихъ будетъ тепло, когда войду съ сосѣдками загонять коровъ съ поля по старой своей привычкѣ, заранѣе вразумляюсь быть сосѣдамъ своимъ услужной, что бы всѣ люди у насъ въ деревнѣ такъ ласковы ко мнѣ были, какъ и здѣсь.

Полотна купила Шотлянскова, и сшила себѣ двѣ рубашки, шила ихъ днемъ и ночью такъ, чтобъ люди не видали, и въ остатокъ его еще есть не мало, будетъ и вамъ по двѣ рубашки, я ихъ сошью какъ къ вамъ приѣду, и буду просить отъ сердца принять перьвой мой подарокъ.

У торговца я купила двѣ шапки круглыхъ, и соломенную шляпу, двѣ пары синихъ шерстеньхъ чулокъ, хотя и тольсты, однако я васъ увѣряю, что ко мнѣ пристануть, по тому, что на нихъ бѣлые стрѣлки, еще купила два куска лентъ черныхъ застегивать рукава, и носить на шеѣ: и все то собравъ два дни смотря любовалась. Надобно сказать вамъ, что хотя я и ночью съ госпожею Жервись,

но у меня коморка есть особливая, гдѣ лежать мои пожитки, и ни кто туда не ходить. Вы подумаете, что мнѣ надлежало весьма много копить деньги, что бы вдругъ на купить столько товаровъ, но тому дивится не возможно, по тому, что покойная госпожа моя меня всегда награждала.

Я болѣе потому была принуждена то здѣлать: ибо думала, что буду выслана изъ дому за неисполненіе порочнова приказанія моего господина, вознамѣрясь ни на какія подарки склонностію неотвѣтствовать, разсудила всѣ оныя ему возвратить, когда поѣду, да и для чево то брать чево я не заслужила.

Прошу васъ не беспокоится о четырехъ Гинейхъ, и ни чево не занимать ихъ дополнить, я къ вамъ писала, что они мнѣ даны вмѣстѣ съ серебряными деньгами, такъ какъ правильное наслѣдіе, послѣ покойной госпожи нашей, по тому, что они были въ карманѣ у нее, когда она умерла. А какъ я не имѣя другова награжденія, то и думаю, что довольно заслужила тѣ деньги въ четырнатцать мѣсяцовъ послѣ ее смерти; во время же жизни я имѣла великую заплату: ибо милостивая моя госпожа много меня научила, а сверхъ того очень не рѣдко дарила. Ежели бы она была жива, то ни чево бы тово что нынѣ есть, не бывало, но благодарю Бога, что онъ не допустилъ далѣе до зла, и надѣюсь, что все будешь уже нынѣ къ лутчему обращатся.

И такъ приготова себѣ новые наряды, и ожидаю щастливаго часа въ томъ уборѣ стать предъ вами, и имѣть духъ покойной остаюсь.

Ваша нещастная Дочь.

ПИСЬМО XXI.

Мои любезныя Родители!

Я принуждена была скоро перестать писать къ вамъ послѣднѣе мое письмо, боюсь, чтобъ не зашолъ господинъ нашъ: ибо услышала стукъ, однако то была госпожа Жервисъ, которая вошедъ мнѣ сказала. Я не могу терпѣть Памела, что ты одна всегда. А я ей отвѣчала, что ни чево такъ не боюсь, какъ многолюдной бѣсѣды, у меня и въ сей часъ замирало сердце, думая, что господинъ нашъ идетъ, но радуюсь, что вмѣсто ево увидѣла мою дорогую госпожу Жервисъ.

У насъ были долго съ нимъ, она говорила о тебѣ разговоры, сожалѣю, я ей говорила, что онъ меня признаетъ такъ много нужну, что часто говоритъ обо мнѣ. О не хочу тебѣ она отвѣчала всево сказывать, однако вы ему больше нужны, нежели вы думаете. Или больше нежели я желаю я ей отвѣчала, и съ тово больше ни чево не послѣдуетъ, какъ я буду послѣ не нужна сама себѣ, и ни кому на свѣтѣ.

Ты имѣешь ума больше она говорила, какъ всѣ тѣ дѣвицы, которыхъ я знала, отъ куда тебѣ такая премудрость далася. [Развѣ они дуры, я въ себѣ помышляла, что имѣя случая, достатокъ украшать умъ свой меня не умнѣе;] но мы оставимъ его, отвѣчала я госпожѣ Жервисъ, а скажу только то, что онъ

желаніемъ своимъ подъ вергнуть не можетъ такую дѣвку, какъ я, хотя и умножается ево тщеславіе, но по самолюбію сносить сіе трудно.

Что нибудь да есть, она отвѣчала, но то правда Памела, что онъ очень на тебя сердитъ, бранить себя за то, что къ тебѣ такъ добръ былъ, съ начала говорилъ ласковъ былъ для прозбы покойной своей матери, а по томъ уже и для самой тебя, продолжалъ бы любовь и милость, ежелибъ ты не была сама себѣ непріятельница.

Нынѣ немогу я ей отвѣчала такъ почитать васъ, какъ прежде, видя, что вы стараетесь меня удержать здѣсь, зная какой опасности я подвержена всечасно, Нѣтъ, она говорила, онъ самъ хочетъ что бы вы ѣхали прочь, разсуждая, что ево слава умалится, держа тебя у себя въ домѣ, но любезная Памела! не спрашивай меня о томъ болѣе, я конечно знаю что онъ желаетъ найти хоть одну знатную дѣвицу, которая бы на тебя была похожа, то тотъ часъ бы на ней женился.

Услыша сіе покраснѣлась я какъ огонь, и говорила, ежели бы я была и незнатная дѣвица, да онъ такъ дерзко со мною два раза поступилъ, не знаю пошлала бы я за него. Дѣвица, которая терпѣливо сноситъ такіе нахальствы, не достойна мнѣ кажется быть женою честнова дворянина, и тотъ, которой такъ дерзокъ достоинъ называется дворяниномъ.

Ахъ Памела! ты теперь далече простираешь твою щекотливость! Я ей смиренно на то сказала, нѣчева инова мнѣ госпожа Жервисъ дѣлать, я теперь очень много боюсь; вся моя прозба въ томъ состоитъ къ вамъ наиболѣе, что бы не поминать ни чево такова господину нашему. Зная ево желаніи ожидать великой бѣды мнѣ надлежитъ, для того и иду раздѣлить бѣдное и убогое состояніе съ моими родителями, и жить въ непорочности съ покоемъ.

Она нѣсколько тѣмъ была не довольна что я на ея защищеніе ни какой надежды не имѣю, и въ томъ окончались наши разговоры.

Надѣюсь, что несчастной для меня камзолъ въ два дни вышью, послѣ того мнѣ останется только нѣсколько бѣлья отдать, по томъ увѣдомлю васъ, какъ я къ вамъ поѣду, великіе дожди теперь причиною, что пѣшкомъ итти очень худо. Можетъ будетъ мнѣ мѣсто у торговщика Николы; онъ меня доведетъ за десеть миль отъ сюда, верхомъ я ѣздить не могу, къ тому жъ и не прилично чтобы меня кто провожалъ, послѣ надѣюсь писать къ вамъ болѣе и остаюсь.

Ваша покорнѣйшая Дочь.

ПИСЬМО XXII.

Всѣ наши служители думаютъ, что я скоро поѣду, госпожа Жервисъ всѣмъ имъ сказала, что вы состарѣлись, и безъ меня жить не можете, и для того меня отпускаютъ, однако кажется они не очень тому вѣрятъ, а узнали все такимъ манеромъ: когда я шла по Алѣе въ большой залъ мимо нашева господина, казначей слышалъ, что онъ спросилъ, кто тамъ? Памела я ему отвѣчала, умилосердись говорилъ онъ, долголи тебѣ жить здѣсь? Покудова камзолъ до шью? Государь мой я ему отвѣчала, онъ уже почти вышитъ. Мнѣ кажется онъ

сурово сказала, давно уже вышить можно. Повѣрите государь мой я ему отвѣчала, что всякой день съ утра и до вечера за нимъ сижу, для того, что очень много въ немъ работы, а онъ мнѣ сказалъ для того развѣ что у тебя больше перо въ рукахъ, нежели игла. Мнѣ такая лѣнивица въ домъ не надобна.

Удивился онъ увидя господина Іоанаѳана, что ты здѣсь дѣлаешь: спросилъ ево? Казначей отъ сего оробѣлъ, а я запривыкнувъ къ такимъ словамъ суровымъ залилась слезами, и пошла жаловаться госпожѣ Жервисъ. Эта любовь она отвѣчала, сколько онъ представляетъ разныхъ въ себѣ явленія, а иногда и весьма противные сердечному своему желанію.

Отъ того времени всѣ въ домѣ одинъ по одному часто спрашивали госпожу Жервисъ, какъ это? Зачто мы потеряли Памелу, что она здѣлала? Она имъ тоже отвѣчала что и прежде. Госпожа Жервисъ говорила, повѣрь мнѣ Памела, что ты великую премѣну въ нашемъ господинѣ учинила, изъ самаго веселова и ласковаго челоуѣка здѣлался самой печальной и утрюмой на свѣтѣ, въ твоей одной власти возвратитъ ему прежнее веселье, но я надѣюсь, что ни когда тово не дѣлаешь по ево желаніямъ. Сіи слова отъ единой ко мнѣ милости ея происходили, и довольно значили, что она о намѣреніяхъ ево имѣла худое мнѣніе, а понеже я знала, что ей болѣе моего оныя извѣствы, то наипаче меня и побуждало, скорѣе къ вамъ возвратится.

Между тѣмъ господинъ вашъ пришолъ, говорилъ госпожѣ Жервисъ о домашнихъ нуждахъ, ожидая къ себѣ въ тотъ день гостей обѣдать, а у меня на тотъ разъ всѣ глаза заплаканы были съ ево не милостивыхъ словъ. То какъ скоро онъ вошолъ, я тотчасъ и обернулась лицомъ къ окошку, правильно говорилъ мнѣ отвращаешь ты лице свое злое, радъ бы я былъ и доволенъ, ежелибъ ево когда не видалъ. Госпожа Жервисъ спросилъ у ней, скажи мнѣ долголи ей еще сидѣть за камзоломъ? Я бы Государь мой говорю ему, взяла ево съ собой ежелибъ вы позволили и чрезъ то ваши глаза не будутъ видѣть бѣдной и противно вамъ Памелы.

Госпожа Жервисъ, онъ выслушавъ говорилъ ей, я не думаю чтобъ въ свѣтѣ другой такой звѣрь былъ, какъ сія дѣвка? она всякова обворожитъ, и васъ, которая лутче должна людей знать, заставляетъ признавать себя Ангеломъ. Я хотѣла изъ палаты вонъ выйти думая, что какъ онъ ни сердитъ, однако не захотѣлъ бы довести меня до того, чтобъ я просила позволенія остаться дома. Но онъ сказалъ, постой я тебѣ приказываю, а по томъ взялъ меня за руку. <Текст испорчен>лѣла въ страхѣ, и вскричала, пос<Текст испорчен> государь мой, а онъ такъ сильно давилъ мою руку, что у меня пальцы за болѣли.

Казалось, что онъ хотѣлъ говорить со мною, но вдругъ остановясь, сказалъ: поди вонъ. Я тотчасъ оставя его побѣжала, а онъ остался съ госпожею Жервисъ и много говорилъ съ нею, какъ она мнѣ послѣ сказывала; между прочимъ сожалѣлъ, что онъ говорилъ со мною громко, и тѣ разговоры слышеть господинъ Іоанаѳанъ. Надобно вамъ сказать что господинъ Іоанаѳанъ нашъ казначей, челоуѣкъ старой и постоянной, волосы бѣлые такъ уже какъ снѣгъ, и правду сказать челоуѣкъ достойной. Какъ скоро я вышла, и шла съ лѣсницы онъ со мною повстрѣчался, и взявъ меня тихонько за руку а не такъ какъ

господинъ нашъ, говорилъ, пріятная и дорогая Памела? что это, что я слышалъ? Я много сожалѣю и ежели бы другая была въ вашемъ мѣстѣ, я бы винилъ много. Благодарствую господинъ Іоанаѳанъ я ему отвѣчала, но ежели не хотите потерять своево мѣста, бойтесь какъ увидятъ что вы говорите съ такою дѣвкою какъ я, и заплакавъ горько отъ нево побѣжала что бы не видали какъ онъ сжалился, видя мою бѣдность.

Скажу еще вамъ ласковость ко мнѣ господина Лонгмана нашава дворецкова. Въ одинъ день потеряла я перо, и искала вездѣ долго, но ненашедъ ни гдѣ, пошла въ столовую полату, и просила ево что бы онъ мнѣ далъ бумаги и перья. Съ радостію моя дарагая онъ отвѣчалъ мнѣ, и тотчасъ далъ двенатцать листовъ бумаги; а при томъ говорилъ позволь мнѣ пріятная Памела сказать вамъ, что я слышелъ худые вѣсти, сказываютъ что ты насъ оставляешь, но я льщу себя что тово не будетъ конечно. Государь мой я ему отвѣчала, надѣюсь что я поѣду, но какъ скоро подлинно звать не можно.

Кой чортъ вскричалъ нашъ дворецкой, я никогда такой великой вдругъ перемѣны не видалъ въ нашемъ господинѣ, нѣсколько время уже онъ ни кѣмъ не доволенъ, и мнѣ господинъ Іоанаѳанъ сказывалъ, что онъ и съ тобою говорилъ сурово, ежели бы я не зналъ, что госпожа Жервисъ доброй человѣкъ, я бы подумалъ что она всѣми мутить.

Нѣтъ государь мой, не имѣйте объ ней никогда такихъ худыхъ мнѣніи, она человѣкъ правдивой, и кромѣ моихъ родителей мнѣ ни кто такъ какъ она добра не желаетъ. Ну такъ что нибудь говорилъ онъ, есть еще тово хуже, не самыли вы причиною? Вы очень пригожи и можетъ быть столько же и постоянны? А! не отгадалъ ли я? Нѣтъ господинъ Лонгманъ не думайте ни чево худова, о нашемъ господинѣ, правда что онъ на меня сердить, но можетъ быть я сама подала причину, и для тово принуждена скорѣе итти къ отцу, нежели здѣсь жить въ домѣ. Онъ можетъ быть признаваетъ меня быть неблагодарной; вы знаете государь мой что честная дѣвка всево болѣе на свѣтѣ должна утѣшать своихъ родителей и пристарости ихъ не оставить.

Ахъ безъ прикладная Памела вскричалъ онъ! какой ты имѣешь нравъ, соединенной съ красотою, но я больше многихъ тебя знаю, хотя все слышу и вижу да молчу; да благословить тебя Небо по всюду, гдѣ ты ни будешь. Я пошла отъ нево поклонясь ему низко, благодаря за добрые ево желаніи.

О какъ пріятно, любезные родители имѣтъ отъ всѣхъ людей ласку и не лутчели заслужить отъ всѣхъ хвалу, любя добродѣтель, какъ угождая одному въ ненависть притти ко всѣмъ, и здѣлать себя ненавидиму людемъ здраваго разсужденія и добраго житія, а между тѣмъ остаюсь

Ваша покорнѣйшая Дочь.

ПИСЬМО XXIII.

Севодни у насъ очень много гостей было, господинъ нашъ изрядно всѣхъ угощалъ, и самъ господинъ Іоанаѳанъ и Веніаминъ служила у стола, Исакъ

пришедъ къ госпожѣ Жервисъ сказалъ, что всѣ госпожи идутъ смотрѣть домъ, и намѣрены посмотрѣть меня. Я послѣ свѣдала, что они смѣялись мною нашему господину, мы слышали они ему говорили господинъ Б., что у васъ въ домъ живетъ лутчая изъ всево уѣзду красавица! Мы лстимся ее видѣть и безъ тово не поѣдемъ изъ вашева дому. Не дурна дѣвка, онъ отвѣчалъ имъ. А не такая красавица, какъ вы изволите думать, она была спальницею у покойной матери моей, которая при смерти просила меня ее не оставить, по тому только я ее и держу у себя въ домѣ, она очень молода а молодость всегда пріятна.

Такъ, такъ, одна изъ тѣхъ дамъ ему отвѣчала! Мать ваша хотя и не много вамъ приказала къ ней быть ласкову, однако, красота обыкновенно имѣетъ довольно силы въ себѣ склонить къ ласковости такова человекъ какъ вы: а по томъ и всѣ стали ему мною смѣяться. Онъ хотя и самъ смѣялся съ ними для компаніи, но при томъ говорилъ, я не знаю для чево такъ много о красотѣ ее такъ толкуютъ, по моему мнѣнію, она не есть красавица, но не лзя сказать чтобъ и дурна была, такъ какъ я и прежде говорилъ, но больше ея достоинства состоятъ въ томъ, что она покорна, трудолюбива и вѣрна, и за то ее всѣ въ моемъ домѣ любятъ, а особливо моя домосмотрительвица; вы знаете, что она раздѣленіе въ людяхъ здѣлать умѣетъ, а Лонгманъ и Юннаванъ часто говорятъ, что ежели бы были они молоды то бы подрались за нее охотно, такъ ли Юннаванъ господинъ мой спросилъ обороты къ нему? Правда Государь мой, онъ отвѣчалъ ему, я ей равной ни когда невидывалъ, что и все въ домъ вашемъ тоже скажутъ. Изволители слышать государыни мои сказалъ господинъ нашъ? изрядно они отвѣчали, тотчасъ пойдѣмъ посѣтить госпожу Жервисъ, и надѣмся увидѣть новорожденнаго сего Феникса. Думаю что уже они идутъ, послѣ скажу вамъ больше, я бы желала что бы они не приходили, для чево они кромѣ меня ни чемъ инымъ не издѣваются.

Любопытные тѣ госпожи здѣсь были и возвратились въ покой къ нашему господину, я старалась всячески что бы они меня не видали, и для тово въ кабинетъ ушла, что бы покрайней мѣрѣ не перъвая въ глаза имъ попалась когда пойдутъ. Ихъ было четыре Милади Артуръ, что живетъ въ большихъ бѣлыхъ полатахъ на пригоркѣ Милади Броксъ, Милади Товерсъ, а четвертая думаю графиня, только прозвище такъ мудрено что я забыла.

Казалось мнѣ что вамъ не противно было, когда я еще будучи двенатцати лѣтъ описывала людей не знакомыхъ, и по тому нынѣ не боюсь вамъ наскучить разсказывая каковы они были.

Перъвая Милади Артуръ, для тово что она природою была всѣхъ знатнѣя, хотя и вышла замужъ за простаго дворянина, то есть Есквира, *{Въ Англіи называются Есквиръ всѣ тѣ, которые хотя и отъ хорошей фамиліи, но ни какова голосу въ парламентъ не имѣютъ, и не равняются съ перами Королевства, а сльвуть простыя дворяне.}* она барыня изрядная и стройная, я чаю очень толста будетъ, какъ будетъ постарѣе, теперъ легка и проворна, видъ лица ее пріятенъ, но по мнѣнію моему нѣсколько мужескова имѣетъ, какъ скоро на нее взглянешъ, то узнать можно, что она отъ знатныхъ людей рождена, всѣ ее манеры кажутъ кто она такова, и почтенія себѣ отъ всѣхъ ожидаетъ, во всѣхъ ея

поступкахъ видна нѣкоторая вольность, и видно что она всѣ свои поведенія безъ пороку признаваетъ, сказываютъ что у себя въ домѣ сердита, и часто мужу своему на поминаетъ, что она его благороднѣе, а онъ ей говоритъ что дворенинъ онъ уже старой, а ее фамилія только за два правленія какъ учинена дворянской, но со всѣмъ тѣмъ, какъ пересердится, добра, и когда вздумается то съ домашними своими очень ласкова поступаетъ. Госпожа Жервисъ сказывала что Милади Даверсъ сердитѣе, нежели Милади Артуръ, только другими достоинствами превосходитъ, и несравненно ея чливѣе. Мужъ ея господинъ Артуръ слыветъ честнымъ дворениномъ по мнѣнію людей въ нашемъ околоткѣ, только много испиваетъ, какъ и все наши сосѣди, кромѣ моего господина, которой не имѣетъ сей вредной страсти, о естлибъ онъ и другихъ не имѣлъ также! то сколькобъ для него было нужно, а и мнѣ въ томъ было бы не безъ пользы.

Госпожа Броскъ изрядно фамиліи, только не такъ знатной, какъ она думаетъ, гордой видъ всѣмъ старается показывать, высока, суха, блѣдна и сурова, на всѣхъ съ презрѣніемъ смотритъ, однако сказываютъ добра къ домашнимъ, молчалива и чрезъ то хочетъ слыть женщиною здраваго разсужденія, мужъ ее почитается человѣкомъ благочиннымъ, только любить издѣваться и всегда о женидбахъ толковать непрестаетъ, когда безъ жены ему быть случится; и для тово всѣ говорятъ, что въ немъ умъ есть великой. Сіе мнѣ напомнило пословицу покойной госпожи моей, она говаривала всякой человѣкъ нынѣ почтется за умнова, которой то говоритъ чтобъ другой подумать страшился.

Графиня по мужѣ и по своей природѣ не безъ знати, но нечудноли вамъ слышать? Что я уже о природахъ толькою, но я хотябъ и была знатной фамиліи ни когдабъ тщеславится тѣмъ не стала для тово, что я сама себя знаю. Я читала, одинъ написалъ Стихотворецъ, что едина добродѣтель чинить благородство; но и то правда, что мы бѣдные люди, еще пуще опоены ядомъ тщеславія и гордости; бываемъ хотя въ маломъ счастье, то и научаемся отъ господъ нашихъ: хотя своею природою похвастать не можно, такъ хвастаемъ господской. Я съ моей стороны внутреннѣ смѣюся и самымъ знатнымъ людямъ, которые хвастаютъ лестью и достоинствами прадѣдовъ своихъ а не своими, мнѣ кажется что хотя тѣмъ другихъ и увѣряютъ, но молча сами признаются, что кромѣ тово что отъ знатныхъ людей родилися въ свѣтѣ показатся не съ чемъ. Однако не одумавшись за брела далеко въ разсужденіе, не подумайюе что я отъ самолюбія осуждаю: я знаю къ кому пишу и кому открываю; но возвращаюся къ Графинѣ. Лицомъ она не хороша но такъ умильна, что всякой человѣкъ съ нею не захочетъ разтатся, кажется изъ глазъ ее что увѣрена она въ томъ, будто всѣ ее почитаютъ. Взоры ее быстры и пронизательны и кажется смѣлы и не торопливы, я не знаю для чего нынѣ наши госпожи лутчую красоту лица потеряли ни отъ чего не краснѣясь; да и тому смѣются ежели какая не повинная дѣвка устыдятся покраснѣется, почитая то за обычей деревенской, и называютъ его стыдливимъ не зная какъ жить въ свѣтѣ и обходиться. Я слыхалъ часто такіе между господами разговоры, что и мущины бы стыдились межъ

собою говорить. Но какъ бы они чрезъ то себя умными ни прославляли, я съ моей стороны думаю, что то имъ не дѣлаетъ чести, то-то можно правильно сказать; *отъ избытку уста глаголютъ*. Мужъ ее сказываютъ худова нраву, и ее всѣ несчастливу въ своемъ мужѣ почитаютъ, такіе подлые дѣла дѣлаетъ, что и подумать страшно. Истинно любезные родители я такой счастливой пары ни гдѣ не слыхала какъ вы. Вышняго благодать всякому ниспосылается, но всево со всѣмъ совершеннаго ни кто не имѣетъ, вамъ Богъ далъ спокойство духа и собственное довольство, что кажется несравненно со всѣмъ богатствомъ въ свѣтѣ, безъ сего счастливаго даянія.

Милади Товерсъ всѣхъ ихъ умомъ и замыслами превосходитъ, и всѣ въ сосѣдствѣ дамы и кавалеры съ радостію ищутъ съ ней поговорить. На всякую матерію отвѣчать умѣетъ и хотя бы и пустоту говорила, (я часто слыхала когда она ѣзжала къ покойной госпожѣ моей,) только ротъ откроетъ всѣ смѣются и похваляютъ, и уже готовы потакать восклицая. Къ тому же она знатной природы и для тово зовется Милади, хотя мы простыя люди всѣхъ тѣхъ такъ называемъ, которые живутъ отъ своихъ доходовъ, лицомъ очень не дурна и стройна, всѣ ее черты хороши особливо, а не такъ что бы одинъ отвѣчалъ другому, сіе мнѣ и напомнило то что я читала. Когда славной изъ древнихъ живописецъ Апелесъ, вознамѣрился написать Венеру красотъ богию, то прежде для пробы писалъ съ разныхъ лицъ съ одной женщины ротъ, съ другой носъ, глаза съ третей, лобъ и брови съ четвертой. Всѣ сіи части хотя у всякой на своемъ лицѣ очень хороши казались, а собравшись во единое лице, весьма посредственную красоту представили. Говорили о свадьбѣ ее съ Г. Мартиномъ, что живетъ за маленькимъ перелѣскомъ, только она отказала за то, что онъ живетъ не благочинно, хотя она вольна и смѣла въ разговорахъ, но добродѣтель весьма любить.

Вижу что я много описывая ихъ, теряю время, пора писать какъ они пришедъ посѣтили госпожу Жервисъ.

Вошли они въ нашу спальню съ великимъ шумомъ смѣючися; ибо не знаю, что то имъ идучи Милади Товерсъ сказала, вошедъ одна изъ нихъ спросила, госпожа Жервисъ, все ли вы въ добромъ здоровье? Мы всѣ пришли о томъ провѣдать. Много благодарствую государыни мои: она отвѣчала, не поволите ли садится. Нѣтъ говорила графиня, мы не только за тѣмъ однимъ пришли, но хотимъ еще видѣть ваше диво? Да, подхватила Милади Артуръ, покажи пожалуй Памелу, я уже ее года за два не видала, сказываютъ, что она очень хороша стала.

Я бы желала на тотъ часъ не быть въ кабинетѣ, по тому, что когда я вышла они узнали совершенно, что я слышала ихъ разговоры. Я часто въ томъ искусилась, что стыдливые дѣвки себѣ вредны, по тому, что стараясь торопливость свою скрыть въ большее смятеніе приходятъ.

Безъ сумнѣія отвѣчала имъ госпожа Жервисъ, Памела очень хороша, она здѣсь въ кабинетѣ, пожалуй сюда Памела отвори двери мнѣ сказала. Я вышла но чаю отъ стыда и бѣлки въ глазахъ моихъ покраснѣли. Они всѣ одна на другую взглядывая улыбались, а графиня взявъ меня за руку говорила, ей ей

хвала о красотѣ твоей ни мало не была лесна, не будь стыдлива моя дорогая, ежели бы у меня такое лицо было, я бы никогда не стыдилась.

Право Памела, говорила Милади Артуръ, и я товожъ мнѣнія, для чево въ такомъ смятеніи хотя и все то къ тебѣ пристало, знать что покойная госпожа твоя хорошихъ любила, что тебя взяла къ себѣ въ спальни, и всегда тебя хвалила, а ежели бы теперъ жива была, то бы и похвастала тобой, а отъ такой Госпожи какъ она, уже было бы для тебя много.

Полно государыня моя, сказала ей госпожа Броксъ, развѣ вы думаете, что такой послушливой и покорной сынъ какъ сосѣдъ нашъ, не будетъ то любить, что мать ево любила. Я чаю не безъ славно и ему имѣть такую у себя служанку, даромъ что онъ за столомъ не то говорилъ, и сказавъ сіе съ лукавствомъ на меня смотрѣли, что мнѣ весьма было противно.

Милади Товерсъ съ обыкновенно смѣлостію говорила, нѣтъ Памела, я не могу тожъ сказать что они говорили, ежели бы у меня мужъ былъ, а ты бы была служанка, я бы не хотѣла что бы вы были съ нимъ подъ одной кровлей. Всѣ сему захохотали. Я бы знала, что на сіе отвѣчать, только вѣдая, что они знатные госпожи умолчала. Многіе знатные госпожи думаютъ, что имъ уже все говорить позволено, а другимъ только слушать. Какое прекрасное лицо говорила графиня, не нѣмалъ она, или только говорить глазами? О плутовка потрепавъ меня по щекѣ сказала, ты знать на то родилась что бы многихъ губить или самой погибнуть.

Не дай Боже, я отвѣчала государыня моя ни тово ни другова, позвольте мнѣ выгнати, званіе мое самой себя запрещаетъ мнѣ долго быть въ вашемъ присутствіи, зная какъ мало я тово достойна. И по томъ поклонясь имъ ниско, пошла вонъ: Милади Товерсъ на то сказала изрядная отговорка, а госпожа Броксъ вскричала! посмотрите какая талія, я отъ роду такой хорошей не видала, конечно она не простова роду; и долго она меня хвалила. А я болѣе тому обрадовалась когда ушла отъ нихъ: такъ что голосу ихъ уже было не слышно.

Возвратясь они къ нашему господину обо всемъ сказали, но не думаю чтобъ мнѣ дѣлало то честь, и для тово умолчать хочу во все, боюсь чтобъ тѣмъ болѣе бѣды мои не размножились, и для тово отъ сюда поскорай хочу уѣхать.

Въ будущей четверкъ отъ севоднищнова неделя, надѣюсь меня отпустить, работа моя окончалась, о чемъ господинъ мой очень тужить. Мнѣ было бы ево очень жаль ежелибъ я не думала что онъ меня въ свой сѣти уловить хочетъ.

Весьма то удивительно что ненависть съ любовію смѣжна, но сія любовь вредная, не похожа на любовь истинную и непорочную; она отъ ненависти такъ далеко какъ тѣма отъ свѣту. Когда ненависть моя умалится, тогда прудерзская страсть ево еще болѣе умножится можетъ, видя меня слабу и не воздержну! Ежели непорочность не произведетъ дружбы и почтенія, то поможетъ ли не потребное житіе, когда пройдутъ пріятели и сердце къ сромному не постоянству своему возвратится. Амонъ когда изнасиловалъ Тамару, то такъ ее послѣ возненавидѣлъ что и выгналъ съ безчестіемъ. О какъ я счастлива тѣмъ, что меня выгоняютъ изъ дому, съ любезной моей

непорочностью, пускай она во вѣкъ будетъ со мною, не буду надѣяться на себя много, и не стану вѣрить словамъ моихъ искусителей; надѣюсь на всевышняго Бога, онъ мнѣ въ томъ поможетъ. Не погнѣвайтесь, что я въ вашихъ письмахъ всечастные мои молитвы упоминаю, отъ васъ научилась я мои любезныя родители, и въ нищетѣ живучи любить васъ и добродѣтель; наша нищета мнѣ дѣлаетъ славу и вашимъ, поступкамъ слѣдовать стараюсь.

Послѣ обѣда надѣну новое свое платье, давно хотѣлось мнѣ его обновить, госпожа Жервисъ какъ увидитъ, будетъ дивится, для того что я безъ нее одѣнусь. Иванъ когда возвратится, послѣ обо всѣмъ писать къ вамъ буду, а то боюсь что онъ рано завтра поѣдетъ а между тѣмъ остаюсь

Ваша покорная Дочь.

Не теряя время поспѣшите меня въ стрѣтить, я не знаю какимъ манеромъ я поѣду, велико будетъ несчастіе если не найду средства къ вамъ до ѣхать; можетъ быть господинъ нашъ позволить Ивану проводить меня, мнѣ можно съ нимъ ѣхать, онъ человѣкъ честной вы его знаете, и онъ очень васъ любитъ, а можетъ быть и госпожа Жервисъ вразумитъ его.

ПИСЬМО XXIV.

Любезные мои Родители.

Пока здѣсь я поживу, къ вамъ писать непрестанно буду, хотя бы ни чего дѣла не было. Знаю, что вы веселитесь моими письмами по вечерамъ. Иванъ мнѣ про то сказывалъ, а при томъ и то сказалъ, что вамъ говорилъ о помѣшателствѣ, которое по отъѣздѣ моемъ приключится можетъ.

Радуюсь что мы ему не сказали причину, которая меня гонитъ изъ дому, пусть догадываются сами а не черезъ насъ. Господинъ мой послѣ показанныхъ мнѣ отъ него обидъ со всѣмъ переменился: и я начинаю и сама вѣрить, что онъ меня любитъ, но старается сколько можно скрывать любовь свою, а какъ не знаетъ инымъ чемъ то скрыть, то на меня и сердится всечасно.

Не подумайте что мнѣ то пріятно. Болѣе сожалѣю нежели тщеславолюся, я довольно о себѣ хорошева мнѣнія, но жаль того что такой знатной человѣкъ снизвелъ себя въ любовь ко мнѣ, и мною потерялъ свой покой, и отъ всѣхъ домашнихъ себѣ почтеніе, пора мнѣ писать къ вамъ о моемъ новомъ нарядѣ.

Послѣ обѣда, пошла я въ чуланъ свой, и запершись одѣвалась. Надѣла круглую шапочку съ зеленой лентой, юпку шертеную, башмаки черныя, простые чулки толстые, которыхъ мнѣ долго не изъ носить, на шею нитку бисеру съ черной лентой, серги свои вынула вонъ, и взявъ въ руки соломенную шляпу съ лентами голубыми, шла къ зеркалу веселяся, и долго собою любовалась, могу сказать истинну, что никогда я себѣ такъ хороша не казалась.

Какое то великое веселье человѣку, хотябъ и съ высокой степни въ прежнее свое состояніе со славою и непорочностію сойти. Я сама въ томъ

искусилась довольно, и знаю что смягченное и покорное сердце ни чемъ много опѣчалено быть не можетъ, какимъ бы манеромъ колесо фортуны ни вертѣлось.

По томъ пошла искать госпожу Жервисъ, на лестнице въ стрѣтилась со мною служанка наша Рахиль, и очень ниско мнѣ поклонясь усмѣхнувшись прошла мимо, а я радовалась что она меня не узнала. Госпожу Жервисъ нашла въ нижнемъ залѣ, она сидя шила рубашку: какъ вы любезныя родители подумаете о томъ! Что и она меня не узнала. Встала съ стула, какъ скоро меня увидѣла и снявъ очки говорила какая вамъ есть нужда до меня. Я не могла отъ смѣху удержатся. Какъ! сударыня, говорю ей вы меня не узнали, а она во удивленіи осматривая меня съ ногъ и до головы сказала, куда какъ Памела ты меня удивила, что за нарядъ? Для чево такъ убралася: а въ тотчасъ пришелъ и господинъ нашъ и видя меня къ себѣ спиною думалъ что я чужая, и пришла за какой нибудь нуждой, оборотясь тотчасъ вонъ вышелъ, и не слыхалъ тово что госпожа Жервисъ спрашивала, не имѣеть ли онъ чево ей приказать. Послѣ она меня осматривала, также и всѣ мое платье, ись просила для чево я такъ убралася? Я ей сказала что не имѣя пристойнова платья къ моему отъѣзду оно себѣ купила, и вздумала за ранѣе въ немъ ходишь, чтобъ люди видя узнали, какъ я довольна и покорна опредѣленной мнѣ долѣй, и нищету съ моею добродѣтельно бѣдственной не почитаю.

Никогда я тебѣ подобной не видала она мнѣ сказала, однако Памела сіи твои приуготовленія ко отъѣзду, меня много пѣчальтъ, видя что ты въ правду меня покидаешь, какъ мнѣ съ тобою раставатся будетъ любезная Памела? Тогда позвали ее къ господину. Я вонъ вышла въ свою спальню и она къ нему пошла въ покой. Гдѣ онъ сказалъ ей что намѣренъ ѣхать въ графство Линкольнъ на нѣсколько недѣль, а можетъ быть и у сестры своей побываю, по томъ говорилъ ей скажи пожалуй чья дѣвка въ простомъ и хорошемъ такомъ нарядѣ говорила съ вами? Она усмѣхнувшись спрашивала не ужъ ли онъ ее не знаетъ? Нѣтъ онъ отвѣчалъ ей я и не видывалъ такой, знаю подлинно что у прикащиковъ моихъ дочери такъ хорошо и чисто не ходятъ, да и ее я въ лицо не видалъ. Ежели вы прикажете говорила госпожа Жервисъ сюда ее кликнуть я тотчасъ пошлю за нею, изволь посмотрѣть она гараздо лутче нашей Памелы.

Я очень была тѣмъ не довольна, что она напросилась меня показать ему, и чрезъ то много я не счастья претерпѣла какъ вы изъ слѣдующаго усмотрѣть изволите. Не лъзя статся онъ отвѣчалъ ей чтобъ она была Памелы пожалуй приведи ее сюда.

Госпожа Жервисъ пришедъ ко мнѣ сказала, что не обходимо надобно итти къ нашему господину, но токмо не открывай ему лица говорила, пусть теперъ узнаеть самъ онъ тебя когда не узналъ, видя тебя въ залѣ.

Ахъ госпожа Жервисъ я ей говорила! что вы здѣлали, для чево доводите меня до такихъ поступокъ, которые ни ему ни мнѣ не приличны: надобно итти она отвѣчала, довольно что я сказала не открывай лица. Я пошла за нею безпамяти, думая однакожъ что хотя не теперъ но послѣ онъ меня увидитъ же.

Вошедъ къ нему въ покои молча поклонилась ниско, знаю совершенно что онъ какъ скоро взглянулъ, то узналъ меня, только такъ лукавъ, какъ дьяволь! Подступя ко мнѣ взялъ за руку и спросилъ чья ты моя дарагая? Не сестраль Памелы по тому что очень на нее похожа? Только въ твоей простой одежде еще ее кажешся лутче.

Я въ превеликомъ смятеніи хотѣла ему отвѣчать, но онъ обнявъ меня говорилъ, ежелибъ то сестра твоя была я бы не осмѣлился съ нею такъ поступать, а тебя мой свѣтъ поцѣлую, твоя воля хотъ и асердисся.

Государь мой я вскричала, полно издѣвается я сама Памела. Не лъзя статся онъ мнѣ отвѣчалъ цѣлуя, ты въ двое лутче Памелы можноль мнѣ имѣть непорочной смѣлости нѣсколько съ тобою, въ разсужденіи съ обоихъ сторонъ беспристрастія, Памелѣ ябъ никогда не здѣлалъ столько чести. Я таковыхъ изъ дѣвокъ отъ него никогда не ожидала. А госпожа Жервисъ казалась весьма смущенна раскаясь въ своихъ поступкахъ: тотчасъ вырвавшись я отъ него побѣжала въ спальню въ грусти не сказанной.

Онъ поговоря нѣсколько съ госпожею Жервисъ, сталъ кликать меня, поди сюда плутовка; о Боже мой думала достойна ли я сего званія, смѣешь ли ты такъ мною издѣваться. Я былъ намѣренъ во всѣ тебя мерскую презирать, а ты вымышляешь притворствомъ привлекать на себя мои взоры, и хочешь лукавствомъ ослѣпить меня....

Въ тотчасъ терпѣнія у меня болѣе уже не стало, обратясь къ нему сказала. Напрасно государь мой меня тѣмъ упрекать изволите, я со всѣю моею подлостію и нищетою не на вижу притворства, и лукавства также не имѣю, а стараюсь какъ бы убѣгать отъ васъ, а не привлѣкать ваши взоры. Кой же чортъ, вскричалъ онъ на что такъ нарядилась, чево чрезъ то и сказать за хотѣла? Ищу Государь мой я ему отвѣчала правльнаго и честнаго дѣла, когда меня взяла покойная Мать ваша въ свои услуги, и по ее милости здѣсь находилась, то и носила платье, которое она мнѣ пожаловала, нынѣжъ возвращаюсь къ родителямъ моимъ, мнѣ уже здѣшнія наряды не приличны, и не могу надѣть ихъ, и для тово купила себѣ сіе платье пристойное моему состоянію, въ немъ я буду всегда весела и нарядна, живучи съ родителями моими.

Въ тотчасъ онъ схватилъ меня руками, и вдрукъ толкнувъ отъ себя, говорилъ госпожѣ Жервисъ, выведи пожалуй отъ меня сію злодѣйку, не могу терпѣть, и не убѣгать ее присутствія. Нѣтъ, постой какъ мнѣ ее выгнать?... По томъ вдругъ обернувшись ко мнѣ говорилъ, поди вонъ злая.... нѣтъ постой.... Возвратися.... Я думала что онъ взбѣсился, не знала что дѣлать, пошла вонъ, а онъ за мною, и взявъ меня подъ руки ввелъ опять въ полату; и такъ давилъ руку, что еще и теперъ синѣ. Полно государь мой, умилосердись я ему кричала, я поѣду когда угодно.

Онъ же подошедъ къ кресламъ селъ власно какъ обезумленной, устремя на меня взоръ свой. Мнѣ тогда казалось, что ево смятеніе больше моево было, по томъ оборотясь къ госпожѣ Жервисъ говорилъ: я вамъ сказаль, чтобъ она опомнилась и раскаялась о всѣмъ томъ поношеній, которое я претерпѣлъ ее ради безъ винно. Правда Государь мой она ему отвѣчала, хотя вы мнѣ и не

однажды на нее жаловались, только Памела ни чему тому виновною себя не признаваетъ? Видитель, вскричалъ онъ, какое то упрямство, а со всѣмъ тѣмъ вамъ кажется, что она во всемъ права, изрядно взглянувъ на меня говорилъ, хочу еще себя унижить даже до снисхожденія, тебѣ непременно остатся должно у меня въ домѣ, пока я повиваюсь съ моею сестрою. Слышитъ ли она, что я говорю? Слышишь ли болванъ? можноть тебѣ отвѣчать и показать благодарность. Вы меня такъ испужали я ему отвѣчала, что мой языкъ говорить не можетъ, а при томъ бѣру смѣлость, испросить у васъ послѣднюю милость, повѣрте государь мой, что больше милости вашей ко мнѣ быть не можетъ, какъ получу позволеніе ваше, скоряя мнѣ возвратится къ отцу моему. Что за дура! Вскричалъ онъ, не лутче ли тебѣ будетъ служить Милади Даверсъ сестрѣ моей?

Съ радостію бы государь мой я имѣть ту честь желала, только вы сами мнѣ сказали, что я опасности великой подвержена буду отъ ее племянниковъ, или сама прельщу ихъ. Проклятая! помолча нѣсколько сказалъ онъ, слышитель госпожа Жервисъ, какъ она меня упрекаетъ, гдѣжъ видана такая грубость. Тфу, тфу Памела! госпожа Жервисъ мнѣ сказала, стыдися въ правду что затѣяла.

Услыша сіе залилась слезами и въ горести говорила, нынѣ вижу ясно, что мое несчастіе совершается, ни кому на свѣтѣ напрасно досаждать я не умѣла, но со всѣмъ тѣмъ въ невинности чинять меня виновной, уличаютъ не воздержностью тайны, которая наводитъ мнѣ великой гнѣвъ отъ моего господина, не хотятъ болѣе держать въ домѣ, а когда время пришло возвратится къ родителямъ моимъ, и мое на то есть желаніе не отпускаютъ. О государь мой! чемъ я провинилась, за что такъ не милосердо со мною поступать изволите, власно какъбы съ какою не потребною, что я у васъ украла? Какъ злая отвѣчалъ онъ, что ты у меня украла. Подлинно украла проклятая. Что государь мой я у васъ украла? Вы судьи здѣсь въ уѣздѣ, пошлите меня въ темницу, велите судить меня, и естли сыщется что я украла, велите казнить мѣня.

Вы дознайтесь сами, что я словъ ево не разумѣла, и весьма тому была не рада, когда мнѣ ихъ истолковали; что ето дѣлается со мною! Я тогда думала, что будетъ, естли меня и всѣ воровкой признавать будутъ! Какъ мнѣ къ родителямъ моимъ показатся, естли будутъ меня тѣмъ попрекать, или покрайней мѣрѣ подозрѣніе имѣть стануть. Позвольте мнѣ государь мой спросить васъ? И не гнѣвайтесь за то безъвинно? Я никогда въ мысляхъ не имѣла почтеніе мое къ замъ умалить, и естли въ чемъ проступилась, для чево ваша домостроительница не выгнала меня, такъ какъ прочихъ. Ежели Анна, Рахиль и другіе служанки въ чемъ проступятся, то никогда не удостоиваете знать вину ихъ, для чего о моихъ стараетесь быть извѣстны? Ежели я не больше ихъ проступилась, для чево со мною поступаете суровѣе? Лутче бы меня вдругъ изъ дому выгнать, и тѣмъ все окончатъ, стоюль я того, чтобъ господинъ вашъ для меня трудился, и сердился на такую подлую дѣвку?

Слышитель госпожа Жервисъ онъ вскричалъ! Слышитель какъ дерзостно она меня вопрошаетъ? Безпутная говорилъ мнѣ, или ты не знаешь, что мать моя приказывала тебя не покинуть, не дѣлалъ ли я всегда тебѣ въ домѣ передъ

другими отмѣну? Можетъ ли въ тебѣ такъ велика быть не благодарность, чтобъ благодареніями моими мнѣ упрекать, ставя ихъ въ обиду.

Я тогда сама себѣ подъ носъ шептала, а онъ между тѣмъ примѣтя, непремѣнно за хотѣлъ знать, что я говорила. Какъ много сему ни противилась, но принуждена была сказать. Изрядно государь мой, когда вамъ знать то угодно, то я говорила, что покойная мать ваша никогда вамъ не приказывала простирать обо мнѣ стараніе даже до кабинету въ саду, и до ея уборной палаты, вы и сами скажете, что то было нѣсколько дерзновенно, и тѣмъ я ево такъ разсердила, что принуждена была вонъ бѣжать. Госпожа Жервись сказала, что я много счастлива тѣмъ что ушла изъ глазъ ево.

Въ сей часъ господинъ Іоанафанъ прислалъ ко мнѣ записочку, въ которой была написано берегись дарагая Памела, Рахиль слышала что господинъ нашъ сказалъ, госпожѣ Жервись, которая за тѣбя вступилась, не говори больше госпожа Жервись, поди, я такъ хочу силою или лаской, какъ скоро прочтешь сіе, не мешкавъ сожги. Боже мой, что мнѣ дѣлать! молитесь Богу любезные родители о вашей несчастной дочери: госпожа Жервись меня спать кличетъ, уже одинатцать часовъ било, я ей обо всѣмъ выговорю, она сему причина хотя совершенно и не повинна, я увѣрена, что она ни какова худова вымыслу не имѣла; въ великомъ нынѣ я безпокойствѣ и думаю что она меня за смѣлость мою журить станетъ.

Любезные родители, вы сами знаете, что власть и богатство не требуетъ стряпчихъ, Жервись бѣдная неможетъ прожить безъ помощи нашего господина, и правда что должить онъ ее очень много, за тѣмъ желаю вамъ сонъ пріятной, можетъ быть пошлю завтра къ вамъ сіе письмо, а статся можетъ и не пошлю; но всегда тѣмъ оканчиваю, что я непременно

Ваша покорнѣйшая Дочь.

ПИСЬМО XXV.

Любезные мои Родители!

Позвольте мнѣ принести вамъ горестную жалобу на свою злую участь, ни какое животное такъ несчастливо не бывало, ни суровости такой не терпѣло какъ ваша несчастная Памела; сердце мое разрывается на части, не могу писать какъ должно, не могу и оставить. Кому мнѣ открыть мое сердце лутче какъ вамъ, но въ злой печали теряется умъ мой, о злой господинъ кой! не могу болѣ ево вспомнить безъ презрѣнія! но вы нестрашитесь моею бѣдою, надѣюсь, и лицу себя сохранить мою добродѣтель, и если огорченія позволятъ, скажу обо всѣмъ вамъ: нѣтъ ли какова камисара, или судьи, чтобъ могъ меня извлечь изъ сего дому? И избавить страшной руки моего гонителя, я могу присягать въ ево нападкахъ, но увы онъ самъ всѣхъ силнѣ! Онъ самъ одинъ здѣсь судья, все Вышній меня отъ него защититъ, зная правость моего сердца!

Иванъ севодни по утру поѣхалъ, я съ нимъ письма послать не успѣла, а болѣ ни ково не вижу кромѣ госпожи Жервись, Рахели и одново человекъ,

которова я ненавижу, ужъ всѣхъ начала бояться, и ни кому не вѣрю. Много мнѣ писать къ вамъ страннаго, что мнѣ отъ вчерашняго вечера случилось. Записка господина Іоанаѳана и суровость моего господина великое наносятъ мнѣ безпокойство. Какъ скоро я пришла къ госпожѣ Жервисъ, злой господинъ закрался въ ее кабинетъ, гдѣ у нее лежатъ книги, я ни мало въ томъ не сумнѣвалась хотя всегда отъ перваго ево искушенія по вечерамъ туда и заглядывала, но въ сей несчастной вечеръ въ горести своей и не думала, что мнѣ всево нужнѣ сія осторожность.

Пришедъ, съла я на постелю, а она по другую сторону, и стали раздѣваться, она сидѣла отъ стороны кабинета, гдѣ вредное сердце ядомъ гибели упивалось. Госпожа Жервисъ мнѣ говорила, за что такъ Памела на меня сердита, что и говорить не хочетъ? Самая правда, я ей отвѣчала глупобы мнѣ было то отъ васъ скрывать, вы видѣли сколько я претерпѣла отъ тово что вы меня привели къ нашему господину, человѣкъ такой какъ вы, которой все то совершенно могли предвидѣть и знать, что для меня вредно, да и для ево не пристойно. Ктожъ ето думалъ моя дарагая Памела, она мнѣ отвѣчала. Нѣтъ нѣтъ я ей вскричала а тово и не думала что онъ слышитъ. Сатана всегда готовъ пакость творить, его по всякъ часъ надобно бояться. Вы видѣли съ начала какъ онъ осматривалъ новой мой нарядъ, притворяясь будто не зналъ меня, чтобъ взять больше смѣлости со мной, а какъ скоро открылъ что знаетъ, началъ бранить и упрекать, а вы тутже госпожа Жервисъ пронзали мое сердце, говоря, тфу тфу Памела, и тѣмъ ево болѣе поощряли.

Ахъ Памела, она мнѣ отвѣчала, я никогда не думала ево поощрять, хотя я тебѣ и не сказывала прежде, но когда ты меня принуждаешь твоими словами, то вѣдай, что отъ того времени какъ ты со мною совѣтывала, я всячески старалась отъ намѣренія ево отвращать, хотя онъ мнѣ много обѣщалъ и въ награжденіе. Знай, что онъ тебя безмѣрно любить, и уже не достанетъ силъ ему страсть сію преодолѣть, я радовалась тому что о записочкѣ господина Іоанаѳана ей ни чего не упомянула для тово, что я во всѣхъ стала сумнѣваться, но что бы узнать госпожи Жервисъ склонность, спросила ее, чтожъ вы мнѣ теперь совѣтуете дѣлать? Вы видите, что онъ хочетъ, что бы я жила у сестры ево. Я тебѣ скажу безъ пристрастно любезная Памела она мнѣ отвѣчала, надѣясь на твое постоянство въ томъ, что ты ни кому не откроешь, господинъ нашъ часто просилъ меня склонить тебя, чтобъ ты просила у ево позволенія остаться здѣсь въ домѣ.

Позвольте мнѣ, я сказала госпожѣ Жервисъ пресѣчь речь вашу, и я вамъ скажу, для чево не хочу я просить ево объ ономъ, и то оное происходитъ не отъ гордости во отъ любви къ добродѣтели; ибо онъ уже два раза намѣревался поколебать мою добродѣтель. Вы же говорите, что онъ страсти своей не можетъ противляться, хотя всегда и кается о своихъ поступкахъ. Онъ отпустилъ самъ меня, но всегда ругаетъ, думая устрашить и склонить къ своимъ желаніямъ вреднымъ. Признаюсь, что мнѣ жаль потерять такое хорошее мѣсто, и съ радостию осталась въ семъ домѣ, ежели бы не видала опасности своей ясно;

первое я васъ люблю, также и всѣмъ домою довольна, а и ево бы любила и почитала такъ какъ господина, ежели бы онъ также какъ господинъ добродѣтельной поступалъ со мною, а то зная намѣреніи ево и слыша какъ онъ самъ признавался, что одолѣть страсть свою не можетъ: то по сему и разсудилось, должноль мнѣ просить здѣсь остатся, будучи увѣрена, что онъ безъ новыхъ предпріятій меня не оставитъ, и можетель меня обнадѣжить, что онъ въ насиліе не употребитъ своей власти, отъ которой бѣдная и беспомощная дѣвка принуждена будетъ только собственной своей силой противляться. И по сему не подамъ ли я ему конечнаго поводу гнать себя, и размножать свои происки злые. Подумай государыня моя, можноль мнѣ не только просить позволенія здѣсь остатся, но и подумать прежде, пока сама себя возненавижу. Не можно, самую правду ты говоришь свѣтъ мой Памела, она мнѣ отвѣчала, во всѣхъ твоихъ разсужденіяхъ правость; и всѣ твои поступки видны, севоднишние разговоры, которыхъ ты, я очень рада что не слыхала, запрещаютъ мнѣ просишь тебя, чтобъ ты осталась здѣсь въ домѣ, а желаю истинно скоряе тебя видѣть въ безопасномъ закрытіи, то есть у твоихъ родителей, ежелижъ Милади Даверсъ захочетъ тебя къ себѣ взять, то и отъ нихъ можешъ къ ней ѣхать такъ, какъ отъ сюда.

О госпожа Жервисъ я ей вскричала! благодарна, Богъ воздастъ тебѣ за добрые совѣты, данныя такой бѣдной дѣвкѣ, которую бѣды и печали окружая, грозятъ отъ всюду, но скажите мнѣ что онъ говорилъ, когда я отъ васъ вонъ вышла?

Онъ очень былъ на тебя сердитъ, она отвѣчала, и хотѣлъ знать что я о томъ думаю, я ему сказала и въ томъ признаваюсь, что твоего дерзновенія нѣсколько было. Онъ меня самъ къ тому принудилъ я говорила, ежелибъ я добродѣтель мою такъ не любила, ни когдабъ столь не была предъ нимъ дерзновенна; а при томъ подумайте сами не правдуль я говорила о кабинетѣ въ саду? И о уборной палатѣ. Можноль бы тебѣ она мнѣ говорила, что нибудь сказать другое, когда онъ спросилъ что ты шептала. Не могу я отвѣчала ни въ чемъ солгать безъ крайней нужды, но оставимъ то, я вижу, что вы не ево партіи, и сами говорите, что мнѣ здѣсь остатся есть великая опасность, вы не повѣрите какъ я оставить желаю домъ сей, пусть буду во рву, наполненномъ водою, или въ пустыняхъ не проходныхъ жить по всюду скитаясь. Я сама вижу, сказала она, сколь много для тебя здѣсь опасности, и правду сказать Памела, я не удивляюсь что онъ много тебя любить, можно сказать безъ лести, что ты хороша надъ мѣру, и ни когда такова пріятна не казалась какъ севодни въ новомъ твоёмъ нарядѣ, къ тому ты насъ всѣхъ удивила собою, по тому, что я чаю отъ страха появился на лицѣ твоёмъ видъ прелестной? Ежели такъ, я ей отвѣчала, то брошу въ огонь все свое платье, мнѣ хочется быть всему тому на противу.

По томъ я спросила? Госпожа Жервисъ не слыхалиль вы какова шуму въ вашемъ кабинетѣ? нѣтъ глупинькая, она мнѣ отвѣчала, такъ уже страхъ въ тебя вкоренился, что тебѣ чудится по всюду. Ей, ей, мнѣ послышалось. Но она сказала можетъ быть кошка, только я ни чево не слыхала. Отъ чего я по словамъ ее не много упокоилась, а она приказала мнѣ спать ложитя, и велѣла

посмотрѣть запертыя двери? Я ихъ осмотря, хотѣла заглянуть въ кабинетъ, но не слыша больше шуму, думала напрасно послышалось, сѣла на кровать и стала со всѣмъ раздѣваться; госпожа Жервись со всѣмъ уже была раздѣта, и мнѣ говорила, чтобъ поскорѣй ложилась, и не мѣшала ей заснуть.

Я сама не знаю отъ чево сердце мое въ страхъ и безпокойствѣ трепеталось, думала, что записочка господина Иоанаѳана, и сказанья отъ нее слова тому были причиной, и какъ я осталась въ одной уже исподницѣ, вдрукъ услышала шумъ въ кабинетѣ, ахъ, что ето вскричала, и вскоча съ постели въ кабинетъ лишь только заглянула, о ужасное видѣнїе! Господинъ нашъ изъ него идетъ въ своемъ парчевомъ шлафоркѣ! госпожа Жервись не бойтесь, онъ говорилъ, вамъ ни чево худова не будетъ, ежели не станете кричать, а не такъ, то увидите, что я здѣлаю съ вами, и подошедъ къ постели обнялъ меня руками сказавъ, поди госпожа Жервись въ верхъ, и запрети служанкамъ, чтобъ они на крикъ ее не бѣгали, я ей ни чево не здѣлаю. Для Бога, я вскричала! госпожа Жервись не оставляй меня въ рукахъ ево! разбуди всѣхъ въ домѣ. Не бойся мой свѣтъ, она отвѣчала, я не тронусь съ мѣста, и тебя не оставлю, дивлюсь государь мой, ему говорила, вашимъ поступкамъ, и ухватя меня твердила, не бойся, я не допущу васъ говорили ему зло приключить сей не повинной, и къ защищенїю ее жизни, своей не пожалѣю, вы можете найти таковскихъ, а сію добродѣтельную дѣвку не старайтесь погубить напрасно. Онъ будучи въ несказанномъ гнѣвѣ, грозилъ тотъ же часъ изъ дому ее выгнать. Не надобно выгонять, она ему отвѣчала, я и сама не хочу болѣе жить въ вашемъ домѣ, сохрани Богъ только до завтра бѣдную Памелу, мы съ нею обѣ пойдемъ вмѣстѣ. Позволь мнѣ Памела говорилъ онъ, сказать тебѣ мою правость. Нѣтъ Памела, госпожа Жервись сказала не слушай словъ ево, пока онъ тебя не оставитъ и не сядетъ на стулѣ. Пусть вонъ выдетъ, я говорила, ежели что говорить хочетъ пусть говорить завтра; а какъ скоро я опомнилась отъ страху, нашла руку ево у себя въ пазухѣ; закричавъ воздохнула, и обомлѣла сидя! а онъ другою рукою держалъ меня за шею, Госпожа Жервись обѣими руками за меня ухватилась, и слыша, что я оледѣнела, такъ она мнѣ сказывала послѣ, кликала Памела! Памела! а пр томъ, что есть мочи закричала, ахъ умерла! Бѣдная Памела! и подлинно была почти мертва, не знаю и не помню, что въ тотъ часъ было! А когда часа черезъ три я опомнилась, то и увидѣла себя на постелѣ. Госпожа Жервись по правую, а Рахиль по лѣвую сторону оно меня стояли, а проклятой гонитель кой уже давно ушелъ изъ спальни, я такъ была тому рада, что съ нуждою глазамъ своимъ могла повѣрить. Госпожа Жервись, и ты Рахиль, скажите мнѣ говорила я? Однихъ ли васъ вижу? И ужъ ли безопасна? Гдѣ я была, и что со мною дѣлалось? Не бойся дорогая Памела, Жервись мнѣ отвѣчала, не бойся, ты подлинно жалка, и я никогда человѣка въ такомъ горестномъ состоянїи, какъ ты, не видала.

Я узнала тогда, что Рахиль ни о чемъ не знала, по томъ услышала, что какъ скоро Жервись закричала, то мой злой господинъ тихонько оставя меня вышелъ, будто изъ своей спальни зашолъ въ дѣвичью палату, гдѣ слыша крикъ, отъ котораго всѣ они тряслись, приказалъ имъ бѣжать скорѣе, и смотрѣть что

за шумъ у насъ въ покояхъ, будучи же вонъ просилъ госпожу Жервись, что бы молчала, обѣщая всѣ простить ее досады. Служанки пришедъ въ низъ перебудили и мушинъ, которые спятъ въ лакейской Госпожа Жервись имъ сказала, что я за не могла, а какъ скоро стало мнѣ по легче, она ихъ всѣхъ спать послала, оставя одну Рахиль съ собою, но я думаю, что они всѣ дознались, хотя говорить и не смѣютъ.

Когда я вздумаю о сей своей напасти и ево наглыхъ поступкахъ, то вся кровь во мнѣ леденѣтъ! хотя госпожа Жервись меня и увѣряла, что онъ ни чево худова не дѣлалъ, но по чему я знала, бывъ въ безпамятствѣ и страхѣ, по томъ одумалась и узнала, что Богъ единъ защищалъ мою не порочность.

Сперва я думала, что госпожа Жервись подкуплена, и хочетъ меня уловить, нынѣ же вижу, что она меня избавила совершенно, безъ нее я бы пропала, о чемъ и она о томъ печалится не мало, что бы со мной было ежели бы она вышла вонъ по ево приказу! ужъ бы онъ конечно двери заперъ, и тогда то бы погибла на вѣки ваша бѣдная Памела! Теперь надобно мнѣ отдохнуть, глаза со слезъ опухли и голова болитъ очень: ибо сіе ево покушеніе мнѣ всѣхъ злѣе, о если бы возможно мнѣ скорѣе изъ руки хищнаго сего господина убѣжать, молитесь любезные родители Богу,

О вашей огорченной и покорной Памелль.

ПИСЬМО XXVI.

Мои любезныя Родители.

На другой день въ десять часовъ я проснулась, всѣ люди въ домѣ обо мнѣ сожалѣли, и желали что бы я выздоровѣла скорѣе, всякой приходя спрашивалъ если мнѣ легче? Вредный господинъ нашъ очень рано уѣхалъ на охоту сказавъ, что завтракать домой будетъ, такъ и пріѣхалъ.

Въ одиннатцать часовъ пришолъ въ нашу спальню, имѣя грозной видъ, котораго я очень испугалась, закрывъ лице свое передникомъ, заплакала горько. Госпожа Жервись говорилъ онъ, я не знаю какъ мы теперь узная другъ друга вмѣстѣ жить будемъ? Я знаю она отвѣчала, что обѣимъ намъ пристойно, и беру смѣлость сказать вамъ. Много сожалѣю что вы безчеловѣчно обидѣли сію бѣдную дѣвку въ моей спальнѣ, а какъ болѣе не желаю жить въ вашемъ домѣ, хотя со всемъ потеряю свое счастье, для того и прошу позвольте намъ обѣимъ оставить домъ вашъ? Я пойду вмѣстѣ жить съ Памелою. Съ радостію онъ отвѣчалъ ей, что скорѣе тѣмъ лутче; она между темъ стала плакать, а онъ сказалъ, вижу, что всѣ въ домѣ любятъ сію дѣвку противъ моей воли. Простота ее причиной, госпожа Жервись на то отвѣчала она всево тово достойна, и я никогда не думала чтобъ покойной госпожи моей приказаніе нарушить, и злобно губить того человѣка, которова защищать должно. Не говори о томъ госпожа Жервись онъ сказалъ ей, я не хочу слушать; Памела умѣетъ притворятся и обмирать тогда, когда за хочетъ, вашъ проклятой шумъ причиною, отъ котораго я не зналъ что дѣлать, я отнюдь не намѣренъ былъ

вамъ досаждать а только себѣ тѣмъ здѣлалъ больше худова, моя слава уже и такъ отъ вашего крику страждетъ. Я васъ Государь мой говорила госпожа Жервись ни о чемъ не прошу кромѣ, что бы приказать господину Лонгману поскорѣе считать меня и отпустить изъ вашего дому, а Памела надѣюсь получить позволеніе въ будущей четверкъ ѣхать такъ какъ она намѣрена.

Я во все то время не могла ни говорить ни на ково взглянуть, такъ меня присутствіе его устрасило; очень сожалѣла что госпожа Жервись ради меня теряетъ хорошее свое мѣсто, но надѣюсь что они помирятся.

Очень изрядно, онъ отвѣчалъ ей, велите Лонгману щотъ дѣлать, такъ скоро какъ вамъ надобно, я велю сюда быть госпожѣ Жевкесь, (домостроительница ево въ графствѣ Ленкольнѣ) на дѣюсь она все то исполнить что вы дѣлали. Я всегда Государь мой дѣлала то что должно, и даже до сего времени не видали вы моего не послушанія, и ежели бы вы соотвѣтствовали своей природѣ и чести... Пожалуй онъ перервавъ рѣчь ее сказалъ, не тверди мнѣ о томъ, что я самъ знаю лутче, я думаю никогда вамъ не подалъ причины быть мною не довольнымъ, и всегда объ васъ буду старатся, хотя вы тайну мою и не такъ сохранили какъ мнѣ было надобно; и ей разтвердили такъ что она меня боятся стала больше, нежели ей есть причина. Государь мой она ему сказала, вчерашніе ваши поступки довели меня до того, въ чемъ я и не имѣю раскаянія, да и подлинно я бы была не достойна видѣть Солнце, ежели бы захотѣла помогать въ вашихъ не справедливыхъ предпріятіяхъ противъ сей бѣдной дѣвки. Еще таки госпожа Жервись онъ говорилъ напрасно вы меня ругаете, я ей никакова зла не здѣлалъ, и довольно что нынѣ мнѣ она на мои глаза не надобна, я по воле покойной матери моей и для ее памяти хочу съ вами дружески растатся, но прежде объ подумайте съ какою смѣлостію вы со мной говорили, я бы отмстить вамъ потщился, естли бы не зналъ, что мнѣ подлинно не прилично было прятатся въ кабинетъ вашъ, можно мнѣ было знать за ранѣя слышавъ ваши разговоры, что я поруганъ буду. Я надѣюсь Государь мой она ему на то отвѣчала, что вы не возбраните въ четвергъ ѣхать Памелѣ. Вы всегда стараетесь о Памелѣ; когда хочеть пусть ѣдетъ, что мнѣ нужды! Эта злая дѣвка приключила мнѣ много безпокойства, но я нынѣ все то преодолѣю и болѣе помнить объ ней не буду. Нынѣ за меня сватають невѣсту, и севоднишное утро съ тѣмъ присылали да и я готовъ на то склонится, и для того особливо хочу чтобъ ни кто не вѣдалъ о всемъ томъ, что здѣсь происходило, я васъ теперь увѣряю, что о Памелѣ думать больше не буду.

Я всплеснувъ руками взглянула на Небо обрадуясь слыша слова ево, хотя знаю ево къ себѣ вредна, но за милость покойной матери ево, желаю ему всякихъ благополучій.

Теперь Памела, онъ говорилъ, меня тебѣ нечево боятся. Скажи мнѣ для чево такъ подняла руки къ Небу? Видно тебѣ то пріятно, что я говорилъ? Дай мнѣ руку? Я ему подала руку сквозь передникъ, онъ взявъ подавилъ ее тихонько и не такъ какъ прежде. Для чево такъ дурачишься? Открой лицо твое покажи мнѣ какова ты послѣ вчерашнихъ твоихъ разговоровъ? Нѣчему дивится, что ты меня стыдишься, такъ много помрача мою славу,

Сии слова пронзили мое сердце въ разсужденіи не праведныхъ упрековъ, но слыша что онъ намѣренъ меня оставить въ покоѣ, не вытерпя вскричала, Боже мой какая перемѣна! для чево бываютъ смягченны и покорны тѣ въ своей невинности, когда другіе себя пороками вѣнчаютъ.

Послѣ того я пошла въ свою спальню и стала писать письмо къ вамъ, хотя и печалилась о ево нареканіи, но радуюсь очень, что онъ женится скоро, и во все оставляетъ свои намѣреніи худыя. Нынѣ начинаю льстится, что всѣ на меня гоненіи скончались, ежели не такъ то надобно чтобъ моя доля во вѣки была весьма не счастлива! но чтобъ со всемъ всѣхъ искушеній убѣждала, тово подумать не смѣю пока къ вамъ не пріѣду, мнѣ кажется что въ такой великой страсти разкаяніе и исправленіе такъ скоро быть не можетъ. Но Богъ можетъ вдругъ обратить ево къ познанію и вложить въ сердце добродѣтель и жалость, однако еще не со всѣмъ буду вѣрить, и хотя знаю что вамъ печально, но имѣя occasiō послала все что написала и осталась

Ваша покорнѣйшая Дочь.

ПИСЬМО XXVII.

Мой любезныя Родители!

Я рада что въ послѣднемъ письмѣ не звала васъ къ себѣ на встрѣчу, и Иванъ мнѣ сказалъ что вы не будете, обнадежа, что я найду способъ быть у васъ. У прикащика нашего бради есть одноколка, надѣюсь онъ мнѣ ее дастъ, а кареты получить не можно, да къ тому жъ оно и не прилично по моему состоянію, я лутче найму, даромъ что у меня не много денегъ отъ покупокъ осталось, но надѣюсь госпожа Жервисъ меня оными ссудить, или господинъ Лонгманъ. Но вы конечно будете думать какъ заплатить оныя, да я и сама не люблю должна быть ни кому, всевожъ болѣе я рада тому, что вы встрѣчаютъ меня не будите: ибо я точно день отъѣзду моево же знаю, а по видимому чуть не пробудуль еще здѣсь дней восемь. Бѣдная Жервисъ къ четвергу изготвится не можетъ, а хочеть безмѣрно со мною ѣхать вмѣстѣ.

Куда я буду счастлива когда при ѣду къ вамъ любезныя родители, и укроюсь отъ всѣхъ нападковъ, хотя онъ нынѣ ласковъ и смиренъ предо мною, и кажется не таковъ сердитъ какъ прежде. Вчерась принесли къ нему богатое платье: ибо онъ намѣренъ ѣхать въ Лондонъ къ торжеству, наступающему въ день рожденія Королевскаго, всѣ говорятъ, что ево хотятъ здѣлать Перомъ. А я больше желаю, чтобъ ево здѣлали честнымъ человѣкомъ, хотя и всѣ ево такъ признавають, только ко мнѣ, по моему нещастію, не таковъ кажется. Какъ скоро платье надѣлъ, то прислалъ за мною. Памела, когда я пришла къ нему сказалъ мнѣ, ты очень хорошо дѣлаешь себѣ платье и наряжаешься изрядно, но скажи мнѣ каково и мое и ко мнѣ присталоли? Я очень мало отвѣчала ему, или со всѣмъ не знаю ни чево въ нарядахъ, однакожъ какъ мнѣ кажется платье ваше хорошо очень!

Камзолъ ево весь выкладень былъ кружевомъ золотымъ, и все къ нему очень пристало. Но что онъ по томъ здѣлалъ, то уже я немогла болѣе хвалить ево плятиѣ. Для чево ты не носишь говорилъ онъ мнѣ старова твоего платья? (Ибо я отъ того время какъ надѣла все ходила въ моемъ новомъ нарядѣ) хотя къ тебѣ и сіе пристало! вотъ мое платье, государь мой, я ему отвѣчала, и то только одно своимъ могу назвать, что нужды въ какое бы платье такая дѣвка какъ я ни одѣлась. Ты очень чиновна Памела, говорилъ мнѣ и злопамятна, полно дурачиться и сердится за малую бездѣлку, повѣрь мнѣ, что вы съ дурай Жервисъ своимъ крикомъ меня болѣе на пужали нежели я васъ. Ежели вы боялись отвѣчала я, чтобъ служители ваши не видали не милосердія вашава къ бѣдной дѣвкѣ, которая подъ вашимъ покровомъ, и по волѣ матери вашей, мучительную жизнь терпитъ, то для чево не боялись Бога всемогущаго, которой всевидецъ, и предъ нимъ мы всѣ равной отвѣтъ въ дѣлахъ своихъ дать должны, и всѣ будемъ въ равномъ достоинствѣ.

Онъ взявъ меня за руки съ видомъ нисколько сердитымъ говорилъ, вотъ разумно разсудила, мнѣ кажется годишься по нужде въ проповѣдницы, какъ мой священникъ умереть въ Линкольнѣ, я тогда на тебя надѣну рясу, и ты въ ево мѣстѣ будучи больше заставишь себя слушать. Я бы желала отвѣчала я ему, что бы ваша собственная совѣсть, проповѣдывала вамъ справедливость, тогда не надобенъ бы былъ вамъ проповѣдникъ. Полно Памела, оставимъ наши разговоры, которые болѣе не въ модѣ, я только за тѣмъ звалъ, чтобъ показать тебѣ мое платье, и сказать, что бы по желанію госпожи Жервисъ была здѣсь пока она пробудеть. Ахъ, нѣтъ, Государь мой, я ему вскричала! я бы давно рада уѣхать изъ вашава дому.

Какъ ты неблагодарна говорилъ онъ! я думаю, что очень будетъ жаль каждому, видѣть тебя съ твоимъ прекраснымъ лицомъ и нѣжными руками въ работѣ тяжкой и грубой когда возвратишься къ отцу своему въ деревню. Я по совѣтую госпожѣ Жервисъ въ Лондонѣ нанять для себя домъ, гдѣ и тебѣ содержала какъ дочь свою, ты очень хороша, то какъ скоро провѣдаютъ, всегда будетъ людей толпа въ вашемъ домѣ, и ты скоро разбогатѣть можешь. Сія ругательная издѣвка пронзила мое сердце, глаза мои залились слезами, и я вырвавъ у него руку, говорила плача и въздыхая; государь мой, я никогда такой издѣвки отъ васъ не ожидала, сіи слова весьма сходны съ прежними вашими поступками, которые я забывать начинала. Воля твоя, хоть сто разъ сердися, я не могу молчать, отвѣчалъ онъ, я уже преодолѣлъ свою слабость, и когда вы отъ меня изъ дому съ госпожею Жервисъ итти собрались, то я до тѣхъ поръ пока пробудете, не такъ какъ моихъ служанокъ, но какъ гостей у себя держать буду. Вы говорите и думайте, что хотите; а мнѣ кажется Памела, презирать тебѣ всево того, что я сказалъ, такъ много нѣзачто. Вижу, что ты понятіе о добродѣтели имѣешь весьма баснословно, и не сумнѣваюсь, что ты въ томъ не побѣдимую Героинею будешь: но моя дарагая Памела, говорилъ съ видомъ ласковымъ и лукавымъ! подумай о изрядномъ случаѣ себя прославить, рассказывая всякой день госпожѣ Жервисъ, о клятвахъ и объ обѣщаніяхъ, какіе тебѣ молодцы молодые стануть приносить, то по сему и довольную матерію будешь имѣть

составить письмо къ отцу твоему и матери; и точно могу тебя увѣрить, что то лутчее средство будетъ вести жизнь свою, вышедъ изъ моего дому. Изрядно государь мой употребляйте умъ свой мнѣ въ совѣтъ, но повѣрте, ежелибъ мы оба были равны, вы бы не смѣли такъ меня ругать, а теперъ пользуясь своею знатностію и богатствомъ, весьма не къ стате вооружаетесь противъ подлости и нищеты моей. Скажите по совѣсти мнѣ, пристойноль то не только состоянію вашему, но покрайней мѣрѣ богатому вашему платью.

Куды какъ Мать моя благоразсудна, онъ сказалъ, въ намѣреніи со мной поцѣловатся. Я въ смущеніи будучи вырвавшись у него говорила, поди прочь хотябъ ты не вѣдомо кто былъ, я не хочу минуты жить въ твоёмъ домѣ и слышать такіе разговоры, пойду къ послѣднему мужику жить въ деревню и буду моими нѣжными, по твоимъ словамъ руками, носишь лутче землю, нежели живучи здѣсь слышать ваши разговоры.

Когда я послалъ за тобою, въ тотъ часъ былъ очень весель, говорилъ онъ мнѣ, но не возможно долго быть веселу съ такой грубіянккой какъ ты, но со всѣмъ тѣмъ прошу пока здѣсь будешь, не будь такъ сурова и печальна, всѣ люди думаютъ что тебѣ отъ сюда итти не хочется. Ежели такъ, я ему отвѣчала, то они всѣ да и вы увидите что я буду, сколько мнѣ возможно, веселой казатся.

Изрядно говорилъ онъ, я сіе примѣчать буду, радуюсь, что хотя въ маломъ ты послушаешь моего совѣту въ первой разѣ. Въ первый разѣ я отвѣчала, вы мнѣ и совѣтъ такой дали, которому послѣдовать можно. Я бы желалъ говорилъ онъ чтобъ ты на отвѣтъ такъ скоро была какъ на отъѣздъ твой, и по томъ за смѣялся. Я вырвавъ у него руку, вонъ вышла, а идучи думала, пора ему женится, безъ тово ни какой честной дѣвкѣ въ домъ у него прожить не можно.

Ей, ей, любезные родители, онъ великой волокита, вы знаете какъ человѣку не трудно того достигнуть, если только сперва не осторожно погрузился въ распутство. Куды какъ бы покойная госпожа моя о томъ не печалилась, если бы она жива была и все то видѣла, но тогда онъ былъ воздержнѣе, хотя еще и при ней полюбилъ меня, какъ мнѣ сказывала госпожа Жервисъ, и намѣрень былъ мнѣ то объявить. Подумайте о безпутствѣ молодыхъ людей! ей, ей, я думаю скоро будетъ конецъ свѣту, всѣ молодые дворяне въ сосѣдствѣ таковы и всѣ избаловались, но что же отъ того и происходитъ, господинъ Мартинъ, что живетъ за перелѣскомъ въ три мѣсяца трои крестины у себя имѣлъ а отъ всѣхъ трехъ дѣтей одному онъ отецъ, другому ево кучеръ, а третьему ловчей. Однако онъ ни чево имъ за то не здѣлалъ, да какъ и здѣлать, они послѣдовали поступкамъ своего господина: а и еще такихъ вокругъ насъ много, часто бывають у нашева господина и съ нимъ ѣздятъ на охоту, есть чему уже тутъ научится, я думаю они ево больше портятъ, о Боже мой! выведи меня скоряе изъ сего гибельнаго мѣста.

Однако и то надо молвить, какіе то непотребные и женщины, не ищутъ тово, чтобъ убѣгать а сами мущинамъ подають поводъ съ ними поступать нахально, и заставляють думать, что мы всѣ равны во нравахъ. Увы! въ какомъ мы нынѣ живемъ слабомъ вѣкѣ! въ диковину ставятъ, коли которая противляется въ любви; думаю право для того мущины такъ к смѣлы, а я за то

плутовка, грубіянка, и еще сама что не знаю, но какъ ни ругай, и быть такою не хочу. Я истинно не знаю, какіе происки и хитрости употребляютъ мущины, къ совершенію своихъ предпріятій, буду только разсуждать сколько можно въ защищеніе сихъ бѣдныхъ, которые подвергаются искушѣніямъ, и сожалѣть о ихъ участи, а объ моей чрезъ сію печальную исторію, какимъ опасностямъ я подвержена была, и съ какимъ оскорбленіемъ убѣгала уже. Извѣстны вы вотъ въ какую опасность въ вергаются бѣдные дѣвки, которые хотятъ жить чесно и любятъ добродѣтель, а особливо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди Бога не боятся, вы видите, что я нынѣ въ разсужденіи въ мѣшиваюсь и правильное съ неправымъ разобрать стараюсь и надѣюсь, что то нужно

Вашей покорнѣйшей Дочерь.

ПИСЬМО XXVIII.

Мои любезные Родители!

Иванъ мнѣ сказалъ, что вы плакали послѣднее мое письмо читая. Я сожалѣю, что онъ сіе примѣтилъ для того, что всѣ въ домѣ догадываются, что со мной происходитъ, а мнѣ и то прискорбно, что меня искушали хотя я и противлялась. Иванъ думаю будетъ имѣть худое мнѣніе о вашемъ господине или о комъ другомъ въ нашемъ въ домѣ.

Госпожа Жервисъ останется по прежнему въ своемъ мѣстѣ, я рада, что она имѣетъ добраго господина, а онъ вѣрную и прилѣжную смотрительницу въ домѣ. Господинъ Лонгманъ представилъ ему сколь она вѣрна и смотрительна была во все свое время, и какъ ее щеты сходны, а не такъ какъ щеты госпожи Жервисъ въ домѣ ево Линкольскомъ, и такъ ее хвалилъ, что господинъ нашъ примемъ весело позвать госпожу Жервисъ, и мнѣ сказать что съ нею взойти можно. Я думала что новые вымыслы есть меня огорчить, и сказать мнѣ что госпожа Жервисъ со мной не ѣдетъ, однакожъ я о томъ не весьма печалилась, рада будучи и одна уѣхать, хотя знала, что мнѣ многобъ было чести имѣть сотоварищемъ такую честную госпожу. Какъ скоро госпожа Жервисъ со мною вошла, то онъ сказалъ ей: госпожа Жервисъ, господинъ Лонгманъ сказалъ мнѣ, что въ вашемъ щотѣ ни чево кромѣ доброй вѣрности не видно, то я и намѣренъ тебя у себя удержать ежели хотя мало раскаетесь въ своихъ досадныхъ мнѣ словахъ, въ которыхъ совершенно не было должнаго у васъ мнѣ почтенія. Она чрезъ то пришла въ смятеніе и не знала при господинѣ Лонгманѣ, что отвѣчать, зная, что тому всему я причина: надобно мнѣ признаться при васъ говорилъ господинъ Лонгманъ, что отъ того время какъ я знаю домъ нашего господина, никогда такова порядку, союзу и дружбы не бывало, какъ во время вашего смотренія, я бы желалъ, чтобъ домъ Линкольской въ такомъ же былъ порядкѣ. Не говори о томъ болѣе сказалъ господинъ нашъ, госпожа Жервисъ можетъ остаться естли ей угодно, и обратясь къ ней подалъ пять Гиней, прими говорилъ сей подарокъ, я вамъ обѣщаю всякой годъ давать постольку же

сверхъ определеннаго жалованья, только пожалуй содержи домъ мой такъ, какъ содержала.

Она ему благодарила, и оборотясь на меня посмотрѣла въ намѣреніи сказать нѣчто. Я думаю что онъ узналъ ее мысли и говорилъ, господинъ Лонгманъ я люблю за достоинство награждать, но не могу тѣхъ видѣть, которые не хотятъ себя здѣлать милости моей достойными, а при томъ смотрѣлъ на меня прилѣжно; Памела говорилъ можетъ также здѣсь остаться съ госпожей Жервись, зная, что они другъ друга любятъ. Госпожа Жервись такъ ее любить какъ дочь свою, отвѣчалъ Лонгманъ да и всѣ ее любятъ нелестно ибо она тово достойна: полна господинъ Лонгманъ, сказалъ ему господинъ нашъ, вижу, что и старики также красотою прельщаются какъ и молодья, хорошее лице многіе недостатки покрываетъ, когда только ласково и учтиво льстить умѣетъ. Позвольте мнѣ государь мой сказалъ ему Лонгманъ, весь околотокъ я думаю тоже скажетъ въ похвалу Памелы.... Господинъ нашъ, пресѣкши рѣчь ево сказалъ, не говори о Памелѣ, повѣрь мнѣ, что бы я не позволилъ ей жить здѣсь, не для тово одново, что она противъ меня не учтива и дерзновенна, но для тово, что она о всѣхъ дѣлахъ въ домѣ моемъ происходящихъ пишетъ. Сожалѣю, старикъ сказалъ ему.... Однако не говори болѣе онъ твердилъ я знаю что честь и слава моя уже такъ основаны, что я не тужу о томъ что говорятъ и пишутъ, но сказать правду только чтобъ нешло сіе далѣе, я вздумалъ жениться, вы знаете что молодые жены выбираютъ кого хотятъ въ служанки, и для тово Памелѣ здѣсь жить не къ статѣ, въ прочемъ она изрядная дѣвка только по смерти матери моей нѣсколько грубіяновата стала, да и тако вздорна, что на одно мое слово по десяти отвѣчаетъ, чево и терпѣть не могу, а къ томужь и не долженъ, самъ ты знаешь господинъ Лонгманъ!

Безъ сумнѣнія Государь мой онъ отвѣчалъ ему, во мнѣ кажется странно, что сіе дѣвушка будучи столь смирна и учтива противъ всякова, досаждать можетъ тому, кому она наиболѣе должна казать почтеніе. Мнѣ и самому говорилъ господинъ мой сіе удивительно, сказать правду, всѣ сіи грубости происходятъ по причинѣ ссоры вашей съ госпожею Жервись.

Я очень говорить хотѣла, только не знала чемъ начать, видя господина Лонгмана, а госпожа Жервись взглянула на меня и пошла къ окошку, скрывая свое безпокойство которое она меня ради терпѣла. На конецъ я осмѣлилась и ему сказала, вамъ Государь мой есть воля говорить, что хотите, а я только на то отвѣчаю, что всегда за васъ буду молить Бога.

Господинъ Лонгманъ хотѣлъ говорить, но такъ много загрустился, что чуть стоя не плакалъ. Господинъ нашъ съ видомъ ругательнымъ, говорилъ для чево Памела предъ нимъ не хочеть показать себя такою какова ты есть? Увѣрь ево и докажи что я сказывалъ правду, покажи хотя мало своей дерзости прежней. Не достоинъ ли онъ былъ любезные родители того, чтобъ я въ то время выговорила всю правду, но я удержалась, а, сказала только, вольно вамъ издѣваться надъ бѣдной дѣвкой, которая какъ вы сами знаете умѣлабъ вамъ отвѣчать только не смѣетъ. Для чево притворяешся сказалъ онъ говори какъ можешъ грубѣе въ присутствіи господина Лонгмана, я вѣрю, что ты со всею

своею невѣжливостію не можешь что нибудь вредное чести моей сказать: а только хочу оправдаться предъ всѣми служителями моими, которые тебя любятъ, въ томъ, что ты изъ дому идешь не имѣя ни какихъ напатковъ и озлобленія, кромѣ что я грубостію твоею бывалъ раздражаемъ, оставляя то, что ты меня въ письмахъ поносила совершенно. Государь мой, я тово не стою, что бы вы въ поступкахъ своихъ со мною, старались оправдаться предъ вашими служителями, а рада тому только, что госпожа Жервисъ осталась къ своему мѣстѣ, о себѣ же знаю, что я не достойна быть въ вашемъ домѣ, а при томъ осмѣлюсь сказать, что и не желаю.

Что это, закричалъ господинъ Лонгманъ дарагая Памела? Не говори етова, мы всѣ тебя не лестно любимъ, стань на колѣни и проси прощенія у господина; госпожа Жервисъ и я именемъ всѣхъ служителей за тебя просить же будемъ прощенія, и чтобъ позволилъ тебѣ остаться здѣсь по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ какъ женится изволить.

Нѣтъ господинъ Лонгманъ, я не могу о томъ просить, и хотябъ позволили, остаться не желаю, единое мое желаніе чтобъ въ прежнюю нищету къ родителямъ своимъ возвратится, хотя всѣхъ васъ люблю, но жить здѣсь не хочу болѣе. Что это, вскричалъ старикъ снова! я не думалъ чтобъ такъ было, стараясь ввести госпожу Жервисъ въ прежнюю милость къ нашему господину. Я льстилъ себя, что сей день обрадуетъ всѣхъ насъ въ двое купно исходатайствуя и тебѣ прощеніе.

Видитель господинъ Лонгманъ онъ сказалъ ему правду словъ моихъ, чаю никогда ты не думалъ столь много быть гордости и не покорства въ сей дѣвкѣ.

Госпожа Жервисъ мнѣ послѣ сказала, что она дале не могла терпѣть не справедливаго руганья мнѣ безъ винно, и боясь чтобъ не сказать тово, за чтобъ онъ на нее вѣчно осердился вонъ вышла. Я хотѣла слѣдовать за нею, но господинъ нашъ поймавъ меня, говорилъ, постой Памела, покажи грубость твою совершенно? Знаю, что умѣешь ее исполнить только что зачнешь говорить.

Государь мой я ему отвѣчала, когда то надобно, чтобъ ваша знать подлостью моей оправдалась, я не хочу чтобъ слава ваша во мнѣнии людскомъ по вредилась, а ябъ тому была причина, и для тово прошу васъ на колѣняхъ, (и въ тотъ часъ стала предъ нимъ на колѣни,) и признаюсь, что я виновата была, и еще благодарна противъ такова милостиваго господина. Я упряма, грубіянка, и болѣе не заслужила какъ выгнать меня изъ дому безъ милосердія, и ни чемъ не могу оправдаться, признавшись не достойной жить въ вашемъ домѣ, и для того не прошу и не хочу остаться. Богъ благослови васъ, и васъ господинъ Лонгманъ, и госпожу Жервисъ и всѣхъ служителей въ домѣ, я пока жива, буду объ васъ молиться, и по томъ встала, во въ горести своей такъ ослабѣла, что принуждена была на ево креслы оперется.

Старикъ сердешной плакалъ еще моево пуще, и въ слезахъ говорилъ, кто видалъ на свѣтѣ сему подобное, я не могу терпѣть видя сіе. Пожалуй государь мой прости ее бѣдную? Она во всемъ признавалась виновной, но признавшись

прощенія получить хочеть, могу сказать по совѣсти, что я о томъ не знаю, что подумать.

Господинъ нашъ самъ помалу смягчился, и вынявъ платокъ свой обернувшись къ окошку и приложивъ его къ глазамъ своимъ сказалъ, долголь Этава будетъ, на томъ погода говорилъ поди вонъ, (удивительное совокупленіе противностей) и знай, что далѣе уреченного числа здѣсь не будешь.

А государь мой говорилъ ему доброй старикъ сей! сжальтесь! кой лядъ, вы всѣ молодые господа имѣете стальное сердце, я вамъ кленусь что мое все таетъ въ сокрушеніи, я никогда такъ много жалости не чувствовалъ. Поди вонъ, господинъ мой сказалъ мнѣ, поди долой съ гласъ моихъ, не могу болѣе тѣбя видѣть, иду государь мой я отвѣчала такъ скоро, какъ мнѣ можно.

Истинно любезные родители такъ у меня голова, кружилась что я по стѣнкѣ насилу могла до дверей дойти, какъ же скоро до оныхъ дошла то думала что уже то послѣднее мое видѣніе съ ужаснымъ моимъ господиномъ, обернувшись къ нему поклонилась очень низко, и сказала, Богъ съ вами государь мой, прости господинъ Лонгманъ; и пришедъ чрезъ галерею въ большую залу сѣла на стулъ не было больше силы ити далѣ.

Я вамъ отдаю на волю, любезныя родители, разсуждать о всемъ томъ, по своей волѣ, не могу писать болѣе сердце мое стѣсненное въ печалѣхъ замираетъ. Когда меня отпустятъ, милосердый Боже! до веди меня въ простой шалашъ тотъ, гдѣ я родилась, тамъ главные пѣчали будутъ мнѣ въ радость, въ сравненіи всево тово что я терплю здѣсь, сжальтесь и молитесь

О вашей несчастливой Дочери.

ПИСЬМО XXIX.

Не могу перестать писать къ вамъ хотя знаю, что скоро поѣду, все нынѣ окончила, что мнѣ надобно было исправить въ домѣ, ожидаю непрестанно щастливаго часу къ вамъ отѣхать. Госпожа Жервисъ сама напомнила, что у меня отъ покупокъ не можетъ много остатся денегъ, и для тово отдавала мнѣ двѣ Гиней и съ тѣхъ пяти, что господинъ подарилъ ей, и зная, что ей самой нужда оплачивать старые долги за дѣтей своихъ не взяла, и благодарила за добросердечіе ее и милость.

Сожалѣю, что очень мало денегъ у меня нынѣ, но знаю, что вы не будите тужить о томъ и по своей ко мнѣ милости больше будете рады, что я къ вамъ возвращуся, а возвратясь буду у васъ работать прилѣжно, но все въ вашемъ сосѣдствѣ такъ бѣдны, что не надѣюсь найти свою работу шить, бѣлье, или цвѣтами, а можетъ быть другъ нашъ Мумфортъ мнѣ сыщеть изъ какова нибудь богатова дому работу, она многіе дома знаетъ.

Видите вы сами какъ мое состояніе печально въ превратной моей фартунѣ, вы знаете, что покойная госпожа моя любила музыку и танцы, и признавая меня на то удобну, научила пѣть и танцовать, часто заставляла предъ собою

пѣть пѣсни полѣвые и псалмы, научила меня также шить золотомъ и цвѣтами и всегда что я ни дѣлала, она похваляла.

Но что то все нынѣ мнѣ поможетъ. И я теперь такъ какъ читала Фабуду, которую вамъ здѣсь отъ слова до слова прилагаю.

„Муравьи всегда кормъ свой выносятъ зимою въ свѣтлой день на Солнце, голодная стреказа, пришедъ къ нимъ просила, чтобъ они дали ей пищи, они отвѣчали, что съ великимъ трудомъ чрезъ все лѣто работая оную себѣ заготовляли, я в сама не гуляла говорила имъ стреказа, и во все хорошее время пѣла пѣсни; очень изрядно муравьи ей отвѣчали, зимой и питайся тѣми пѣснями, что пѣла лѣтомъ.

Вотъ такъ быть можетъ и со мною, пѣсни и танцы меня не накормятъ, сумнѣваюсь, чтобъ я годилась и въ простые игры деревенскія. Плясать въ караводѣ минаветы, и контротанцы, думаю между моими будущими подругами не годятся, истинно страшусь подумать чемъ я буду питаться, не лутчели бы меня научить шить платье, печь хлѣбы, и ходить за скотиной; но надѣюсь что ежели стануть учить меня, скоро научусь только бы до тѣхъ поръ не скучилось, пока стану учиться. Благодарю Бога что я понятна и прилѣжна, и могу все перенять скоро, что меня наиболѣе утѣшаетъ, ни что честное мнѣ не кажется подло, можетъ быть съ перва нѣсколько и покажется трудно, но несчастье моему сердцу ежели оно возгордится, однакожъ я ево подвергну и принуждать буду покорится моему состоянію иль пусть трѣснетъ.

Я читала, что одинъ Епископъ осужденъ былъ згорѣть въ огнѣ, который похотѣлъ съ перва отъ вѣдать каково будетъ ему терпѣть, положилъ на огонь сперва свой палецъ. Равно и я здѣлала пробу, когда Рахиль вышла изъ кухни, моуль чистить кострюли и посуду, и взявъ оную чистила, и видѣла; что со временемъ не будетъ трудно, хотя и ободрала дресвою руки.

А ежели по счастію иглою найду работу, то не надобно будетъ работать другое, ежели не найду, надѣюсь, что приучу руки свои; хотя будутъ красны и тверды, исполнять согласную жизни моей работу, теперь надобно перестать мнѣ, слышу нѣкто идетъ.

Анна пришла сказать нѣчто отъ госпожи Жервисъ, постой, еще идетъ Рахиль наша.

Маленкой шумъ страшитъ меня, такъ какъ въ фабулѣ крысы городовые и полевые. Есть что мнѣ вамъ рассказывать по вечерамъ будетъ зимою, ежели можно будетъ достать книгъ мнѣ читать, то лыщу себя дѣлать вамъ много забавы у огня сидя: вотъ для чево я сказала и тужила что мало со мною будетъ денегъ.

Я намѣреніе свое исполнила, севодни послѣ обѣда собравъ все свое платье и бѣлье въ три узла развязала, и пришедъ сказала. Госпожа Жервисъ севодни понедельникъ, а въ четвергъ я отсюда поѣду, и хотя я увѣрена, что вы обо мнѣ худова мнѣнія не имѣете, однако что бы никто послѣ не могъ сказать, что я увезла чужое, прошу пересмотрѣть мою рухлядь, вы извѣстны, что я только то одно беру съ собою, что правильно и своимъ назвать могу,

Изрядно говорила она, а я не зная ее замыслу, почитая всегда доброю, но не могу благодарить узнавъ въ чемъ ее намѣреніе состояло, понеси въ зеленую палату, я тамъ пересмотрю все. Съ радостію я ей отвѣчала, куда прикажешь, мнѣ бы казалось вамъ можно, туда сходить гдѣ оно собрано, по томъ велѣла я принести въ палату, куда она приказала.

Какъ скоро я вышла она послала сказать вашему господину съ чемъ я къ ней приходила, подлѣ той палаты былъ кабинетъ съ стеклянными дверми завѣсомъ завѣшенъ, гдѣ у нее лежатъ конфекты и прочіе припасы тому подобныя, тутъ намѣреніе ее было показать нашему господину какъ я осторожна, и смягчить ево гнѣвъ напрасной, и принудить меня взять съ собою всѣ мнѣ данныя пожитки, которые бы я могла продать и имѣть хорошіе денги въ помощь нашей нуждѣ; но я ихъ никогда взять не хотѣла, и ничево не знала, что онъ пришедъ спрятался въ кабинетъ, можетъ быть онъ вошелъ въ то время, какъ я пошла звать госпожу Жервисъ. Она мнѣ послѣ сказала, что онъ спрячется у нее просилъ дозволенія; когда она сказала о моей прозбѣ, безъ того бы ей обмануть меня было трудно, она знаетъ, что я еще и прежнева кабинету не забыла.

Когда она вошла въ палату я ей говорила, вотъ госпожа Жервисъ первой узелъ я ево развяжу предъ вами, вотъ платье и бѣлье, что покойная госпожа наша мнѣ пожаловала, и при томъ благодарила при всякомъ словѣ поминая мать ево за ее ко мнѣ милости, вотъ говорю я всѣ подарки госпожи моей.

Посмотримъ теперъ подарки милостиваго и добродѣтельнаго господина нашего, они мнѣ всегда кабинетъ на поминають. Она слыша сіе разсмѣялась и говорила, полно Памела издѣвается, говори далѣе. Тотчасъ я отвѣчала, будучи весела и не думая что онъ слышитъ, вотъ подарки, достойныя хвалы нашего господина, вынимая ихъ одинъ по другому.

По томъ обратясь къ третьему узлу, вотъ государыня моя, третій узелъ бѣдной Памелы, онъ очень бѣденъ противъ двухъ перьвыхъ, вотъ спальной кафтанчикъ шерстяной, что я нашивала по утрамъ, онъ мнѣ, пріѣдучи домой, опять годится, вотъ каламенковая юпка и пара чулокъ, которые я сама купила, и соломенная моя шляпа съ лентами голубыми, вотъ остатокъ Шотланскаго полотна на четыре рубашки, двѣ отцу, а двѣ матери, такіежъ какъ на мнѣ, вотъ еще четыре рубашки, одна товоже полотна а другіе полутче, но такъ изношены, что мнѣ ихъ здѣсь оставить стыдно, принесу домой къ отцу моему на что нибудь онъ годятся, вотъ двѣ пары башмаковъ, позументъ я съ нихъ споровъ выжгу и продамъ, такъ деньги пригодятся въ нуждѣ, еще есть двои или трой пряжки старые серебряныя.

Чему вы смѣтаетесь госпожа Жервисъ я ей говорила? Вы такъ какъ день въ Апрѣлѣ и плачете и смѣтаетесь вмѣстѣ, смотрите мою рухлядь. Вотъ платокъ бумажной, которой я сама купила, былъ и другой, да не знаю гдѣ, а вотъ онъ съ новыми перчатками, вотъ Фланелевая новая исподница, а другая на мнѣ такаяжъ, а здѣсь въ узольку выбойчетыя лоскутыя и остатокъ шолку, годится мнѣ ежели буду счастлива и найду работу, шить обшлага въ деревнѣ, какая бѣда сама не думала, что у меня такъ много пожитковъ.

Вотъ госпожа Жервисъ, вы видѣли все мое богатство, теперь я сяду и скажу вамъ что я намѣрена здѣлать.

Раскажи свѣтъ мой покороче, она отвѣчала мнѣ, боясь что бы я не раскропоталась на нашево господина, въ чомъ она мнѣ послѣ сама признавалась;

Вотъ въ чомъ оно состоитъ я ей отвѣчала, это дѣло совѣсное и нужное, прошу ежели вы меня любите дать мнѣ волю выговорить. Я ни какова не имѣю права удержатъ у себя подарки госпожи моей для того, что она мнѣ пожаловала ихъ въ такомъ разсужденіи, что бы я въ службѣ ея ихъ износила, для ея чести, нынѣжъ меня изъ дому гонять, то подумайте сами, что мнѣ ихъ у себя въ деревнѣ носить не къ статѣ, вся деревня збѣжится на меня смотрѣть. А подарки нашего господина и того пуще: вы знаете съ какимъ умысломъ они имъ подарены были. Они назначены цѣною моего безчестія; то ежели я ихъ у себя оставлю, думаю ни гдѣ щастлива и спокойна не буду, вы сами разсудите, что когда я волѣ и намѣренію ево послѣдовать не захотѣла, къ чему пристало, имѣть у себя ево хищнова предпріятія задатки. И такъ почести и посовѣсти и по всѣмъ правамъ мнѣ ни чево не должно взять, изъ сево злобнаго узла:

Вотъ мои третій дорогой узолъ милой товарищъ въ нищетѣ моей, свидѣтель добродѣтелей моихъ и честныхъ поступокъ, моглалъ бы я достойна быть послѣдней въ тебѣ нитки, ежели бы съ моею непорочностію расталась, которая во всю мою жизнь надѣюсь меня будетъ славить увѣнчая честію, да и въ послѣдней часъ смертній представить мнѣ не малое утѣшеніе, когда все богатство и тлѣнные сего свѣта прикрасы изъ чезнуть, и не будутъ стоить валяющейся тряпицы въ навозъ. И въ тотъ часъ обняла съ истинною лаской узолъ съ собственными моими пожитками.

Госпожа Жервисъ я ей говорить продолжала, (а у ней въ то время какъ я говорила слезы изъ глазъ текли ручьями,) хочу еще просить у васъ совѣту: вы помните, что госпожа моя имѣла четыре Гинеи въ карманѣ когда умирала, которые мнѣ господинъ нашъ отдалъ, и я ихъ послала къ родителямъ моимъ, нынѣжъ слышу, что они изъ нихъ нѣсколько на свои крайніе нужды издержали; однакожъ онѣ хотя послѣднюю скотину, или своя бѣдныя пожитки продадутъ но ко мнѣ ихъ пришлютъ. То и прошу васъ сказать мнѣ по справедливости свое мнѣніе: должноль мнѣ назадъ ихъ возвратить, и думаетель что я три года служа безъ жалованья покойной госпожѣ нашей, ихъ заслужила? Я не говорю, что бы мои малые услуги стоили ее ко мнѣ чрезвычайной милости, но все то, чему она меня ни учила, въ нынѣшнемъ состояніи пользоваться мнѣ не будетъ, лутче бы меня научишь грубую дѣлать работу, къ ней я нынѣ должна, уже буду непремѣнно привыкать, ежели только найду себѣ мѣсто: вы знаете чему дѣвка въ чужомъ домѣ подвержена бываетъ, единое сіе напоминовеніе мнѣ не сносно. И такъ по моему мнѣнію кажется, что оныя Гинеи даны не даромъ, прочіе же ея подарки всѣ здѣсь оставляю, а что меня кормили, то кажется я за то служила. Науки мои щитать не станемъ, они мнѣ нынѣ болѣе вредны, нежели нужны становятся, ежели бы жива была госпожа наша, то и она была бы сему согласна, сверхъ же всево того, скажите мнѣ? Послѣ смерти ея, отъ господина нашего во

все время не заслужила и четырех Гиней кроме пищи, также, худова сево платья, которое вы на меня видите, скажите по правде и без пристрастно? Не допуская милостию своею польстить мне и нарушить истинную справедливость.

Увы! любезная Памела, она мне отвечала, ты меня дѣлаешь безсловесной, поверь мне, что не будет больше обиды нашему господину, какъ то, если ты оставишь здѣсь ево подарки, пожалуй возьми все ихъ съ собою буде не хочешь ево озлобить.

Что мне нужды госпожа Жервисъ я ей сказала, я уже привыкла терпѣть отъ него ругательство и брани напрасно, я ему ни чемъ не досадила, и впредь всегда молить буду Бога за ево здоровье, желая всякихъ ему счастливыхъ случаевъ. Чтожъ касается до подарковъ ево, я ихъ не заслужила, къ тому же и на что мне взять съ собою, носить ихъ въ деревнѣ будетъ не возможно; надѣюсь на милость Божию, и думаю что дневная пища мне всегда будетъ, а больше ни чего на свѣтъ не желаю, а могу питаться хлѣбомъ и водою и быть довольна, воды я вездѣ найду много, а хлѣба если не могу достать моими трудами, буду жить такъ, какъ живутъ небесные птицы, растущими въ лѣсахъ и поляхъ плодами. Сладше мне будетъ сія пища простая, нежели хорошая и вкусная но растворенная грѣхами. Всего болѣе беспокоятъ меня четыре Гинеи, скажи госпожа Жервисъ? умиласердись, должноль мне ихъ воцвратишь господину?

Нѣтъ дарагая Памела, она мне отвечала, ты ихъ заслужила, хотя одинъ только камзолъ считать, которой ты вышила... Нѣтъ! сказала я перервавъ рѣчь ее не думаю что бы работа за камзолъ тово стоила, считайте все бѣлье, которое я шила, и подумайте стоитъ ли хоть все то четырехъ Гиней? Стоитъ она отвечала. Считайте же мою пищу, и старое платье, которое я беру съ собою. Конечно стоитъ, свѣтъ мой, она сказала. Изрядно я обрадуюся отвечала, теперь я щаслива и богата такова какъ быть желала. Пожалуй госпожа Жервисъ? Не говори о томъ ни кому пока я поживу здѣсь, чтобъ узнавъ оное господинъ нашъ неосердился, и покрайней мѣрѣ, далъ мне изъ дому своего выѣхать съ покоемъ. Оставляя всѣ причины моихъ печалей сердце мое я думаю надорвется съ вами прощаясь.

Еще мне надобно сказать вамъ, какъ господинъ нашъ въ послѣдній разъ поступалъ со мною при господине Лонгманѣ... Поди пожалуй Памела, сказала она, не давай окончатъ рѣчи моей, скоряй въ мою спальню, тамъ лежатъ на столѣ письма принеси ко мне ихъ, я тебѣ покажу нужное. Я пошла, но узнала послѣ, что то было дѣлано умышленно, дабы въ то время какъ я выду по говорить ей обо мне съ господиномъ. А онъ между тѣмъ и успѣлъ сказать ей, что намѣренъ былъ раза два, или три выскоча обнять меня, но удежался не хотя опечалить, а при томъ тужилъ о томъ, что слова мои слышалъ. Я не нашедъ на столѣ ни какихъ писемъ такъ скоро возвратилась, что спина ево мне видна была какъ онъ выходилъ изъ залы, что видя испужавшись бросилась къ дверямъ и заперла ихъ вынувъ ключъ вонъ. Ахъ госпожа Жервисъ обернувшись къ ней вскричала! что вы дѣлали со мною! Вижу, что нѣтъ человѣка на ковобъ мне надѣяться было можно отъ всюду меня окружаютъ нещастія, гдѣ найдешь бѣдная Памела

друга? Когда уже госпожа Жервисъ бѣды тебѣ ищетъ. Но она меня съ клятвами увѣряла, что ни какова худова намѣренія не имѣла, и сказала правду, что господинъ нашъ слыша мои слова не одинажды плакалъ. Просила меня чтобъ я перестала на нее сердиться, и при томъ увѣряла, что то произведетъ успѣхъ хорошей, видя что мои разговоры ево къ жалости а не ко гнѣву склонили; но когда я, о Боже мой, выду изъ сего дому, гдѣ уже нѣсколько мѣсяцовъ безпокойнымъ духомъ мучусь. Кличуть меня въ низъ принуждена все покинуть, посмотримъ что послѣдуетъ.

Съ вашею печальной и покорной Дочерью?

Госпожа Жервисъ весьма надежна, что мнѣ дадутъ карету къ вамъ доѣхать, хотя то мнѣ и не пристало, но наши жители чрезъ то увидятъ, что меня не збезчестіемъ выгнали изъ дому, походная карета изъ Линкольна возвратилась, думаю, что мнѣ въ ней будетъ ѣхать; а здѣшняя очень богата и нарядна.

ПИСЬМО XXX.

Любезные Родители!

Хотя я надѣюсь, что сама мое письмо привезу къ вамъ, однако все таки писать не стану. Когда у васъ буду жить, надѣюсь нѣчево будетъ писать, да и время на то не будетъ. Севодни среда я думаю завтра очень рано выѣхать. Я имѣла нынѣ еще новые искушенія, хотя не такъ дерзновенны какъ прежде, но отъ товоже человѣка.

Вчера съ Господинъ нашъ возвратяся съ поля, прислалъ за мною, я пошла въ превеликомъ страхѣ, бояся брани за мои смѣлые разговоры, вознамѣрясь самымъ раболѣпствомъ смячить ево сердце. Пришедъ къ нему, стала предъ нимъ на колѣи говоря, заклиная васъ самою тою надеждою, которою вы имѣете получить оставленіе грѣховъ своихъ, и ради покойной госпожи моей, вашей матери, которая при послѣднемъ концѣ испуская духъ въ вѣчной покой, не оставитъ меня просила. Простите мнѣ вину мою, покажите мнѣ послѣднюю милость чево я больше не желаю, дайте мнѣ съ миромъ вытти изъ вашева дому, и что бы мой смущенный духъ хотя на малой часъ былъ упокоенъ, дайте мнѣ съ честію въ домъ вашемъ со всѣми простится, и не отпустите съ пронзеннымъ сердцемъ отъ злой печали.

Онъ поднялъ меня съ такую лаской, какой я отъ него ни когда не видала и говорилъ: затвори двери Памела, и поди въ мой кабинетъ, я хочу съ тобой поговорить безъ издѣвокъ. Какъ возможно, государь мой, я ему отвѣчала, отхватая себя руками? Сотвори милость позволь мнѣ вонъ итти. Богомъ тебѣ клянуся говорилъ онъ, что я тебѣ не покажу противности ни малой, затвори двери и поди за мною.

Сказавъ сіе, вошелъ въ кабинетъ свой, которой наполненъ книгами и изрядными картинами, хотя ево и называютъ кабинетъ, но то была палата превеликая въ садъ окнами, и къ ней галлерейя вся въ стеклахъ, я затворила

двери но не знала слѣдовать ли за нимъ, или нѣтъ въ кабинетъ. Онъ отворя опять двери говорилъ, повѣрь мнѣ хотя не много, ты должна имѣть надежу слыша мои клятвы. Я пошла за намъ трясучися въ страхъ и шла очень тихо, поди чтоли, онъ вскричалъ, можноли послушать? А государь мой я отвѣчала! зжался надо мною, избавте меня несносныхъ печалей, полно онъ сказалъ, полно я тебѣ повторяю мои клятвы. По томъ сѣлъ въ крѣслы взявъ мою руку, продолжалъ рѣчь свою: не думай Памела чтобъ я имѣлъ намѣреніе худое, отъ сего часа я тебе повторяю мои клятвы, и желаю, чтобъ ты нѣсколько была благодарна за милость, которую я тебѣ хочу оказать. Ты имѣешь умъ и разсужденіе изрядное, и по тому нетрудно узнать, что я во всемъ моемъ тщеславіи, не могу одолѣть безприкладной моей къ тебѣ любви. Взгляни на меня любезная Памела; я тебѣ признаюсь въ самой истиннѣ что люблю тебя нелестно, всѣ мои суровости къ тебѣ, были совѣсти моей противны, надѣясь хотя страхомъ тебя заставить желаніи мои исполнять; ты видишь что я говорю откровенно, не употребляй и ты противъ моего простосердечія, сродныхъ хитростей вашему полу.

Я будучи въ несказанномъ смятеніи не могла промолвить ни одного слова, онъ видя, что я не могу ему отвѣчать, тотчасъ перемѣнилъ рѣчь свою и говорилъ, скажи мнѣ Памела? Въ какомъ состояніи отецъ вашъ? Я знаю что онъ хотя и бѣденъ но честенъ. Отъ того время какъ мать моя насъ къ себѣ взяла поправилъ ли онъ свое состояніею

Сіи слова мало по малу привели меня въ прежнее состояніе, такъ государь мой я ему отвѣчала онъ и теперъ бѣденъ и честенъ, чемъ я наиболѣе себя и славлю Постою говорилъ онъ, ежели ты сама не будешь препятствовать, я родителей твоихъ счастливыми учинить могу. Государь мой, я ему отвѣчала, онъ нынѣ такъ счастливы, какъ больше быть не могутъ, ежели за вашу къ нимъ милость, добродѣтель бѣдной дочери ихъ заплачено быть можетъ.... Пожалуй не говори мнѣ такихъ словъ, которые пронзаютъ мое сердце, я ни какова зла съ тобой учинишь не хочу. Не говори пожалуй государь мой, я ему отвѣчала можно мнѣ уже бояться? Нѣтъ говорилъ онъ, повѣрь мнѣ, что мое желаніе подать помощь Отцу твоему безъ всякой тебѣ обиды. Пожалуй скажи спросила я? Какимъ образомъ то статся можетъ, и я всячески буду вымышлять оказать вамъ мою благодарность безъ нарушенія совѣсти моей и постоянства, но что можетъ такая бѣдная дѣвка какъ я вамъ здѣлать? Не преступя должности своей главной.

Я желаю, онъ началъ продолжать рѣчь свою, чтобъ ты здѣсь еще осталась на нѣделю или на двѣ, и противъ меня чтобъ была ласкова и учтива, я такъ велико имѣю къ тебѣ снисхожденіе, что принужденъ о томъ просить.... Но я видя изъ лица твоего противное моему желанію, начинаю сожалѣть, что много предъ тобой себя унижилъ, но при томъ однакожъ весьма доволенъ за твои поступки: вчерась при господинъ Лонгманъ, когда я говорилъ тебѣ сурово, ты не старалась оправдаться, хотя мнѣ нѣсколько было и досадно, слыша изъ кабинета твои разговоры. Но тѣмъ наиболѣе принудила меня себѣ дивится, и видѣть столь много достоинствъ, какихъ я ни въ одной дѣвицѣ еще не видалъ въ

жизнь мою. Весь домъ мой вмѣсто зависти, не сказано тебя любить. И такъ имѣя къ тебѣ почтеніе, которое и докажетъ чево ты со временемъ будешь достойна. А всѣво болѣе меня убѣдили твои письма, изъ которыхъ я многіе читалъ самъ, и видѣлъ какой пріятный слогъ, и чистое въ самой простотѣ изъясненіе, также острыхъ замысловъ довольно много въ разсужденіи твоихъ лѣтъ, полу и природы. Все сіе совокупно заставило меня любить тебя чрезвычайно. Нынѣ дарагая Памела когда уже я открылъ тебѣ мое сердце, пожалуй побудь здѣсь двѣ недѣли, пока я исправлюсь въ дѣлахъ моихъ, ты увидишь, что о томъ не для чево будетъ тужить.

Я оледѣнела, почувствуя, что сердце мое смячатся начинало; о государь мой ему говорила! спаси бѣдную дѣвку, которая не только говоришь, но и взглянуть на васъ безъ стыда и страха не можетъ. Но что хотите погубить меня вѣчно? Пожалуй отвѣчалъ онъ послушайся, хотя повесели меня, что здѣсь останешься. Я пошлю Ивана ко Отцу твоему что бы онъ со мною повидался, здѣсь, или въ полѣ близъ вашей деревни. Нѣтъ государь мой я говорила, не могу на сіе согласится, сотвори милость пусти меня завтра такъ какъ я уже заключила, оставте предпріятіи противу такой бѣдной, которая во всѣмъ бы волямъ вашимъ повиновалась не разлучая я съ добродѣтелью; и кромѣ васъ ни кому бы на свѣтѣ покорна быть не хотѣла. Можешь, онъ сказалъ ежели захочешь, добродѣтель твоя въ томъ не мѣшаетъ, да я и самъ ее помрачать не желаю. Возможноль я отвѣчала ему, мнѣ вамъ государь мой повѣрить, видя довольно причинъ противныхъ погубить бѣдную дѣвку? Но о Боже милосердый! Ты единъ мой помощникъ спаси меня въ часъ сей, и дай дойти сохранно въ шалашъ моихъ любезныхъ родителей, тамъ только жить могу спокойемъ. Тогда онъ вскричалъ о злая и немилосердая доля! ужъ ли я не могу истинными моими клятвами увѣрить тебя. Въ чомъ увѣрить государь мой? Я ему сказала, толи только что бы я на двѣ недѣли еще у васъ осталась въ домѣ, что послѣ тово со мною будетъ? Проклинаю мое богатство и свою знатную природу, говорилъ онъ, они препятствуютъ тебѣ мнѣ вѣрить! Сія тщеславная гордость умножаетъ твое сумнѣніе, которое я опровергнуть непремѣнно потщуся, останься прошу тебя, ты увидишь, что оно будетъ уничтожено.

Въ тотъ часъ сердце мое такъ затрепѣтало, что я почти обезумѣла, и начала творить молитву, *отче нашъ*. Не хочу говорилъ онъ, Памела, слышать твоихъ молитвъ, теперь вижу, что можетъ изъ тебя быть набожная черничка.

Но все сіе не возбранило мнѣ вскричать громко! *И не введи мя во искушеніе но избави мя отъ лукаваго*. О Боже! взявъ онъ меня въ руки, говорилъ, побудь свѣтъ мой двѣ недѣли, ты увидишь, что я для тебя здѣлаю, теперь оставляю тебя на часъ одну, подумай хорошенько, ты видишь, что я злова намѣренія не имѣю. Вотъ теперь изрядно, я сама себѣ говорила.

Когда онъ вышелъ, меня разные мысли начали смущать, иногда вздумаю, что худова не будетъ хотя и останусь, для тово, что госпожа Жервисъ будетъ со мною, но въ страхъ вспомню, по чему мнѣ знать что еще я и сама здѣлать въ состояніи, хотя сопротивлялась ево суровости, будучи устрашаема, но могуль сопротивляться покорности в любви? Не знаю, едина только надежда на

помощь того же Вышняго, онъ обѣщаль мнѣ сама себѣ размышляла родителей моихъ изъ нищеты вывести, хотя сіе обѣщаніе всево болѣе мнѣ и пріятно, но польстясь на то не навесить бы себѣ пагубу конечную; что ему больше можно сего мнѣ здѣлать? Знатность природы ево ни до чего допустить, клянеть свою гордость и тщеславіе, надобно конечно, чтобъ онъ ума лишился, или тѣмъ наилучше злое свое намѣреніе исполнить уповаеть, безъ товобъ онъ ни когда не сталъ такъ говорить со мною. Можетъ быть симъ средствомъ честь мою похитить вздумалъ, инагожъ онъ мнѣ ни чего не обѣщаль. Но двѣ недѣли не много, увижу что будетъ, и какъ онъ противъ меня поступитъ ежели здѣсь останусь. Съ другой стороны видя безмѣрное разстояніе между имъ и мною, думаю, что мнѣ ни какой нѣтъ надежды, къ томужъ у же онъ нынѣ мнѣ открылъ и любовь свою, которую безъ сумнѣнія подтверждать станеть часто, то можетъ быть мнѣ и силъ не достанетъ сопротивляться. Ежели же ево желанія непорочны, для чего онъ не говорилъ въ присутствіи госпожи Жервисъ: въ тотчасъ ужасной кабинетъ престалъ мнѣ въ мысли, и вспомнилъ какой я опасности въ немъ была подвержена, то и заключила, что ему не трудно удалить госпожу Жервисъ и всѣхъ служанокъ, и гораздо меньше время употребить на мою гибель, нежели просить остатся. По чему и вознамѣрилась непременно ѣхать къ вамъ, и поручить себя Божію смотренію. Какую я должна имѣть благодарность Творцу своему за милость, что вложилъ мнѣ сіи мысли, ибо вы послѣ усмотрите сами что со мною было.

Въ самой сей часъ какъ я пишу, Иванъ ко мнѣ прислалъ сказать, что онъ къ вамъ ѣдетъ, и для того, только то принуждена послать что написала, надѣюсь завтра принять ваше благословеніе въ счастливомъ вашемъ жилищѣ и сказать остатокъ, между тѣмъ буду всегда

Ваша покорнѣйшая Дочь.

ПИСЬМО XXXI.

Любезные мои Родители!

Не перестаю еще писать къ вамъ, хотя совершенно уже надѣюсь, что сіе письмо сама привезу, и веселится буду ево предъ вами читая, вспомня отъ какой опасности избавило меня Вышняго провидѣніе. Я къ вамъ уже писала такое намѣреніе взяла, о счастливое намѣреніе! истинную имѣю причину такъ ево называть. Господинъ мой скоро ко мнѣ въ кабинетъ возвратясь говорилъ, не сумнѣваюсь Памела, чтобъ вы не хотѣли меня одолжить много и не остались здѣсь на двѣ недѣли. Я не знала какими словами отвѣчать ему; но не много подумавъ сказала, прошу прощенія государь мой, прости бѣдную и печальную свою служанку, не лъзя статся, чтобъ я была достойна отъ васъ такой милости, котораябъ собственной моей должности небыла противна, отпустите меня къ моимъ родителямъ спокойно. А говорилъ онъ, ты такая дура какой я еще не знаю, я тебѣ сказалъ, что съ Отцомъ твоимъ самъ увижусь, ежели ты хочешь, завтра пошлю за нимъ въ моей дорожной коляскѣ, и скажу ему, въ чемъ мое

противъ ево и тебя есть требованіе. Позвольте мнѣ я сказала ему васъ спросить, что изъ тово будетъ? Знаю великое ваше богатство, и что вы ихъ счастливыми здѣлать можете не сумѣваюсь но чево все то мнѣ стоитъ будетъ. Вы такъ будете счастливы, отвѣчалъ онъ, что больше желать не можете, я вамъ обѣщаю, возми вотъ теперъ кошелекъ мой въ немъ пятьдесятъ Гинеи, всякой годъ и отцу твоему буду давать постолькужъ, и опредѣлю ево сверхъ тово къ такому мѣсту, гдѣ онъ въ годъ столькожъ или больше нажить можетъ, я бы далъ тебѣ и больше, а также и ему, да боюсь, чтобъ не поставили мое намѣреніе въ худое. Возмите государь мой ваши деньги я ему отвѣчала назадъ, надѣюсь, что отецъ мой также не возьметъ, пока не будетъ знать чемъ ему заслужить ихъ. Изрядно Памела, продолжалъ онъ мнѣ говорить, на примѣръ ежели я сыщу честнова человѣка, которой тебя на вѣки можетъ здѣлать госпожею, пойдешь ли за мужъ? Не хочу государь мой, я ему отвѣчала. Тогда я ево злой умысель хотя и съ познала, но видя себя въ рукахъ ево, разсудила за лутчая притворится. Вы такъ хороши, говорилъ онъ, чтобъ гдѣ ни была вездѣ будешь въ опасности, вездѣ сыщутся такіе, которые похитить твою добродѣтель будутъ стараться, мнѣ же развѣ не исполнять повелѣніе покойной матери моей, то не надобно о тебѣ и попеченія имѣть, хочу дать тебѣ хранителя чести и не порочности твоей, пускай ты будешь безопасна, я уже имѣю на примѣтѣ честнова и доброва человѣка, которымъ ты будешь довольна.

О злой и безчеловѣчной я сама себѣ говорила! какой это вредной инструментъ для погубленія человѣческаго роду, но скрывала сколько можно свое негодованіе, боясь ево, съ мѣста тронутся; за ково вы изволите думать меня выдать? Я спросила. За молодова господина Виліамса отвѣчалъ онъ, которой у меня Капеланъ въ графствѣ Линкольнскомъ, онъ можетъ тебя учинить щастливою. Знаетъ ли онъ государь мой, намѣреніе ваше? Я спросила. Нѣтъ моя дорогая, и въ тотъ часъ ускорилъ поцѣловать меня, (въ то время ласковость ево казалась мнѣ самой отравой). Красота ваша продолжалъ онъ и достоинства, съ превеликою радостію заставятъ ево принять отъ меня безцѣнной сей подарокъ и милость, которую я къ нему показать хочу. Изрядно государь мой я говорила еще довольно есть время о томъ подумать, да оноежъ и не помѣшаетъ ѣхать мнѣ къ моимъ родителямъ, на что мнѣ здѣсь остатся, доброе ваше намѣреніе и милость могутъ меня наитить и у Отца моего также какъ здѣсь. Я хочу чтобъ Господинъ Виліамсъ и весь свѣтъ купно знали, что нищеты моей не стыжуся.

Тогда онъ еще хотѣлъ поцѣловать меня, но я уклонясь говорила, ежели уже я должна думать о господинѣ Виліамсѣ или о комъ другомъ, то сія смѣлость вамъ государь мой не пристойна. Изрядно говорилъ онъ такъ остатся на двѣ недѣли я пошлю за женихомъ и Отцомъ твоимъ, а между тѣмъ велю приготавливаться, хочу, чтобъ свадьба ваша была въ моемъ домѣ. Между тѣмъ прими сіи деньги и пошли къ Отцу своему въ знакъ моей милости, увѣря ево, что я васъ всѣхъ счастливыми учинить желаю. Пожалуй мнѣ государь мой часа два время о томъ подумать. Но онъ мнѣ говорилъ: нужда есть мнѣ ѣхать сей часъ со двора, то я и хочу знать твое намѣреніе скоряе; отпиши объ ономъ къ

Отцу твоему, и пошли деньги, Иванъ отвезеть ихъ ежели изволишь. Изрядно государь мой, я вамъ скажу скоро: скажи же говорилъ, и еще поцѣловавъ меня отпустилъ.

Я не сказанно обрадовалась вырвавшись изъ ево когтей ужасныхъ. Я къ вамъ пишу для того, чтобъ вы обо всемъ обстоятельно знали; намѣреніе мое ѣхать ежели будетъ можно есть непремѣнное. О злой проклятой и нечестивой человѣкъ! Вотъ какіе сѣти приуготовлены бѣдной вашей Памелѣ, вся кровь ледѣнеетъ вспоминая какую вервь безчестія и грѣховъ во всю жизнь мою мнѣ протянули. Вы можете дозваться, что онъ съ начала хотѣлъ меня ласкою прельстить, господинъ Вилиамсъ думаю тогда только ему пришелъ въ голову, какъ онъ меня одну оставляя ходилъ другую палату, чтобъ вздумать какимъ лутче средствомъ меня обмануть скорѣе, но злости и лукавства ево такъ были мрачны, что и въ ясномъ свѣтѣ трудно было ихъ рассмотретьъ.

Какъ скоро пришла я въ мою спальню, вздумала къ нему на писать письмо убѣгая всячески, чтобъ мнѣ ево не видать, и на писавъ слѣдующее предъ дверьми ево спальни положила.

«Государь мой и почтенный господинъ.

«Учиненное мнѣ отъ васъ обѣщаніе наиболѣе меня увѣряетъ, что мнѣ въ домѣ вашемъ жить не къ статѣ, а принуждаетъ скорѣе къ моимъ родителямъ возвратится, не для того чтобъ совѣту ихъ просить съ разсужденіи господина Вилиамса, но мое намѣреніе къ нимъ ѣхать и съ ними вмѣстѣ жить, и оно такъ твердо, что ни кто премѣнить не можетъ. И такъ государь мой, нижайше благодаря за всѣ ваши милости, ежели позволите я завтра поѣду; госпожа Жервисъ мнѣ сказала, что вы хотѣли пожаловать мнѣ честь здѣлать и отпустить въ своей каретѣ, но я то за ненадобное признаваю, думаю нанять тѣлегу у Николая, и льщусь, что вы не будите за сіе намѣреніе гнѣваться на ту, которая будетъ всегда.»

Ваша нижайшая и послушная служница.

«Что касается до пятидесяти Гиней, совершенно знаю, что Отецъ мой вѣчно меня не проститъ ежели приму пока не узнаетъ, какъ я ихъ заслужила, а мнѣ вовѣки вамъ заслужить не можно.»

Послѣ того прислалъ онъ ко мнѣ госпожу Жервисъ и велѣлъ сказать, что когда я захотѣла ѣхать, онъ не удержитъ, и карета готова, но только послѣ тужить я буду о томъ: ибо онъ во всю жизнь свою ни какова старанія обо мнѣ уже болѣе имѣть не будетъ. Я о томъ и не печалюсь лишь бы только вырватся изъ ево дому, я бы была очень счастлива, любезные родители, ежели бы могла вамъ подать помочь, сохраняя мою непорочность.

Не могу понять для чево Иванъ, которой я думала, что съ моимъ послѣднимъ письмомъ уже поѣхалъ, теперь еще только ѣдетъ, и прислалъ ко мнѣ спросить не будетъ и къ вамъ какой посылки? Я окончала сіе письмо для того, чтобъ по скорѣе послать къ вамъ.

Теперь приутопляюся къ отъезду, иду со всѣми прощатся, послѣ обо всемъ раскажу вамъ словами, какъ буду имѣть счастье васъ видѣть и остаюся

Ваша покорнѣйшая Дочь.

Прибавлю только то, что господинъ мой прислалъ ко мнѣ съ госпожею Жервись пять Гиней, они меня учинили богату, онъ какъ прислалъ ко мнѣ съ нею, то я оныя и приняла смѣло, при томъ же велѣлъ сказать, что онъ уже болѣе не хочетъ меня видѣть, и чтобъ ѣхала какъ хочу; кучеръ которой изъ графства Линкольнскаго приѣхалъ назваченъ вести меня. Господинъ мой такъ сердитъ, что до кареты ни кому не велѣлъ меня проводить, однако ему все таки хуже а не мнѣ, что все узнаютъ.

Иванъ долго дожидался письма моего, ибо, хотѣла оба запечатать вмѣстѣ, но онъ сказалъ, что первое далеко спрятано и обѣщаль оба довести къ вамъ въ цѣлости. Этотъ Иванъ такой доброй и честной дѣтина, то я въ похвалу его не могу сказать довольно, я бы ему съ радостію отдала Гинею, будучи теперь богата, только знаю, что онъ не возьметъ ни чево. О подаркахъ госпожи моей и ево, о которыхъ, сказала, что съ собою взять не хочу не говорить ни чего, но онъ мнѣ далъ разумѣть, что скоро за мною ихъ пришлютъ, ежели пришлютъ, о Боже! какъ твоею благодатію Памела будетъ богата! хотя носить ихъ будетъ и не можно, но я ихъ продамъ, чтобъ были у насъ деньги на нужду, теперь много есть мнѣ передъ отъѣздомъ дѣла, за тѣмъ и окончеваю.

Здѣсь надобно примѣчать, что искушеніи прекрасной Памелы еще не миновались, но самыя еще строгіе придутъ въ то время, когда она въ безопасности быть чаяла, и льстилась возвратится съ радостію къ Отцу своему и Матери. Господинъ ее видитъ, что ничемъ уловить добродѣтель ее не можно, не хотя безъ пользы оставить страсть свою, воспріять странное, намѣреніе послать ее въ свой домъ, которой онъ имѣлъ близъ Линколна, въ надеждѣ, что заключеніе строгое, въ которомъ онъ ее содержать велитъ, принудитъ ее на желаніе его склонится. И для тово велѣлъ оттуда быть кучеру не имѣя надежды на другова, которой также какъ и прочіе служители въ домѣ любилъ и почиталъ Памелу. Тайно приказалъ кучеру сіе исполнить, и подъ видомъ гнѣва за не учтивыя противъ себя поступки, всѣмъ служителямъ запретилъ ее провожать. Какъ скоро сѣла она въ карету, кучеръ миль съ пять ее везъ дорогою къ отцу ее, а потомъ повернись прямо поѣхалъ въ Линкольнъ.

Надобно в то знать, что доброй ее и честной Иванъ, по воли своего господина вмѣсто тово, что бы возить къ отцу ее письма, отбиралъ а отдавалъ своему господину, которые онъ всегда читывалъ, а чрезъ то зналъ всѣ ея переписки. И такъ бѣдная Памела со всѣхъ сторонъ была окружена бѣдами; въ продолженіи сей исторіи усмотрѣть можно, какіе вредныя лукавства мущины могутъ вздумать къ совершенію своихъ желаній безъ человѣчныхъ и вредныхъ, и сколько хорошія и добродѣтельные женщины должны ихъ бояться и остерегаться, а особливо когда власть и богатство согласно вооружатся на не порочность и нищету.

Надежитъ сказать и то, дабы лутче узнать слѣдствіе письма сего, что господинъ ее не послалъ послѣднихъ трехъ писемъ къ Отцу ее и Матери. Первое, въ которомъ она описывала, какъ господинъ ее слышалъ изъ кабинету ее разговоры о пожиткахъ, другое какъ онъ просилъ ее

<Отсутствуют две страницы>

«будеть. Надѣюсь, на меня вы ни какова подозрѣнія имѣть не можете, не взирая на то, что она къ вамъ часто писала о моихъ съ нею невинныхъ издѣвкахъ, распространя ихъ обширнѣе моихъ мыслей, которые въ самой неповинности, простительны молодымъ людямъ, и которые выросли вмѣстѣ и давно другъ друга знаютъ; и такъ могу васъ увѣрить, что гордость и клевета мнѣ не знакомы.

«И какъ она упражняся всегда въ писаніи и въ письмахъ, надѣюсь свои интриги съ тѣмъ духовнымъ вамъ открыла, но не знаю, принялись вы то заблаго; нынѣ я узналъ, что онъ хотѣлъ за нею ѣхать до вашей деревни, и безъ сумнѣнія въ страсти своей неразумной на дорогѣ женясь, оба бы не счастливыми во вѣкъ учинилась, я надѣюсь принудить ее любовника открыть глаза, познать свою пользу, и не женится до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи пропитатся съ женою; ежели же наживетъ хлѣбъ, и тогда захочетъ женится, я съ моей стороны съ радостію дозволю.

«Я отъ васъ инова отвѣту не ожидаю, кромѣ, что вы обо мнѣ имѣете доброе мнѣніе, и надежду на мое честное слово такъ какъ я есмь

Вашъ доброй пріятель.

«Я узналъ, что слуга мой Иванъ, переносчикъ былъ вашихъ писемъ, въ которыхъ такъ много меня поносили, онъ скоро узнаетъ мое отмщеніе: ибо не сносно терпѣть такому человѣку, какъ я, отъ служителей своихъ несправедное поруганіе.

Не трудно узнать, что письмо отъ такова знатнова человѣка, бѣдныхъ Стариковъ ввело въ крайнее безпокойство, не знали что дѣлать, хотя ни мало о невинности Дочери своей не сумнѣвались, но думали, что какіе нибудь злые съ нею производятъ слѣдствія, иногда помышляли, что нѣтъ ни чево такого, чтобъ имъ было опасатся, иногда признавали любовь на ее затѣянную, не получая послѣднихъ отъ нее писемъ, которые бы все то могли опровергнуть.

Для лутчаго успокоенія вознамѣрился сей добросердечной старикъ самъ итти къ ее господину, и прося бѣдную жену свою извинить ево предъ откупщикомъ деревни, въ тотъ же вечеръ поздо пошелъ къ ево замку, и цѣлую ночь идучи, пришолъ по утру такъ рано, что еще ни кто не проснулся и сѣлъ у воротъ въ намѣреніи дожидатся или увидѣтъ ково нибудь въ домѣ.

А какъ увидѣлъ конюховъ, которые вели поить лошадей, то самымъ жалкимъ голосомъ спросилъ ихъ, гдѣ Памела? И что съ нею здѣлалось? Они ево за безумнова признавая отвѣчали, что тебѣ старой хрычь до Памелы дѣла, по сторанись чтобъ не раздавили тебя лошади? Гдѣ господинъ вашъ? Спросилъ еще бѣдной старикъ. Не сердитесь господа мои, я и такъ чуть живъ съ печали.

Напрасно трудился, отвѣчалъ ему одинъ конюхъ, господинъ нашъ ни когда къ воротамъ не ходитъ. Я не нищій, говорилъ онъ имъ, и ни чево отъ вашава господина не требую кромѣ Памелы, о любезное дитя! о дражайшая Памела!

Я думаю, одинъ изъ конюховъ говорилъ, онъ Отецъ дѣвицы Памелы? Истинно Отецъ, отвѣчалъ старикъ имъ проливая источникъ горькихъ слезъ, и поднявъ руки къ Небу продолжалъ, гдѣ дитя мое, гдѣ Памела? какъ гдѣ Памела, отвѣчалъ ему одинъ конюхъ, она къ тебѣ поѣхала, давно ли ты изъ двора? Вчерась вечеру онъ отвѣчалъ, и всю ночь шолъ сюда.

Господинъ нашъ дома говорили они, только еще не проснулся, слава Богу вскричалъ старикъ! надѣюсь позволено мнѣ будетъ скоро ево видѣть. А конюхи просили ево, чтобъ онъ шолъ отдохнуть въ конюшнѣ, куда онъ пришедъ сѣлъ на приступкѣ утирая слезы, и такъ тяжело вздыхая что, всѣхъ предстоящихъ привелъ въ жалость.

Какъ скоро проснулись люди, всѣ въ домѣ провѣдали, что Отецъ пришолъ къ Памелѣ, служанки хотѣли ево привести на кухню, но госпожа Жервись поскорѣ сошла въ нижнюю залу, и велѣла ево къ себѣ привести.

Онъ ей сказавъ причину своей печали, и прочелъ полученное письмо отъ ихъ господина. Она слушая залилась слезами, но желая скрыть свое беспокойство, не могу говорила она удержатъ слезы, видя васъ въ такой печали, но надѣюсь, что вы оной не будете имѣть причины бояться, я думаю, что дочь ваша въ безопасномъ мѣстѣ.

Вижу государыня моя, что вы сами не извѣстны, что съ ней здѣлалось? Ежелибъ доброе противъ ее намѣреніе было, не возможнобъ статся чтобъ такая добродѣтельная и честная госпожа не знала, а то вижу, что вы надѣялись ей у меня въ деревнѣ быть.

Господинъ мой, она отвѣчала никогда служителямъ своимъ намѣреній не открываетъ, однако вамъ не должно на него имѣть подозрѣніе, когда уже онъ далъ честное свое слово. Видите сами, что онъ не можетъ имѣть худова умыслу, для того, что отъ того времени ни начась отъ сюды не отлучался и ни куды ѣхать не намѣренъ. О Боже мой! вскричалъ онъ, еще мнѣ есть утѣшеніе, но лишъ хотѣлъ еще продолжать рѣчь свою, какъ господинъ дома провѣдая сошолъ въ шлафрокѣ къ нимъ въ залу.

Что ты господинъ Андревсъ, говорилъ ему! Что ты о государь мой вкрячалъ ему бѣдной старикъ! умились надо мною, возврати мнѣ Дочь мою? Для чево отвѣчалъ ему господинъ, я думалъ, что уже васъ объ ней успокоилъ довольно; получилъ ли ты мое письмо, что я послалъ къ вамъ? Получилъ государь мой, оно меня сюда и привело я цѣлую ночь пѣшкомъ шолъ. Бѣдной человѣкъ, сказалъ господинъ Б... Съ притворною жалостію! я истинно сожалѣю, Дочь ваша много у меня въ домѣ на дѣлала страннова шуму, и ежелибъ я зналъ, что тебѣ такъ ее жаль, ябъ прямо послалъ къ тебѣ въ деревню, мое намѣреніе только въ томъ, чтобъ оказать ей и вамъ благодареніе и чтобъ вы сами послѣ благодарили; она совершенно въ безопасности господинъ Андревсъ я тебя по чести увѣряю, я ни изъ чево на свѣтѣ не хочу ее обидѣть, какъ вы думаете, госпожа Жервись? Я думаю, что конечно нѣтъ государь мой, она отвѣчала, вы

думаете, что конечно нѣтъ подхватя сердечной старикъ и я также, однако государь мой, сотвори милость, отдай мнѣ дочь мою я больше не прошу, и буду старатся, что духовные люди къ ней подбѣгать не будутъ.

Лондонъ отсюда очень далеко отвѣчалъ господинъ Б. Я не могу тотчасъ ея къ тебѣ привести. Какъ государь мой, говорилъ Андревсъ за чѣмъ послали бѣдную мою дочь въ Лондонъ? За тѣмъ говорилъ, что я не хотѣлъ ея несчастья, повѣрь мнѣ, что ей ни какова тамъ нѣтъ страху, и жить, будетъ въ довольствіи, вы сами скоро отъ нее чрезъ письма услышите, что она тамъ въ честномъ мѣстѣ у знатнова Епископа въ домѣ, и будетъ служить женѣ ево пока все минется.

По чему мнѣ знать, государь мой, правдаль это! отвѣчалъ Андревсъ. Какъ говорилъ господинъ Б... Показуя, будто осердился, ты сумнѣваешься въ моемъ словѣ. Не думаешь ли, что я имѣю какіе умыслы худые противъ дочери твоей. И какъ лъзя тому статся, что бы и такіе дальные труды употребилъ ко исполненію своихъ предпріятій, развѣ ты не знаешь, съ кѣмъ говоришь?

Не гнѣвайся государь мой, старикъ говорилъ ему, вы знаете, что дочь родителямъ мила, скажите мнѣ имя тово Епископа у которова она въ домѣ? Я пойду въ Лондонъ босыми и дряхлыми ногами, и буду тогда весель, когда увижу бѣдную Памелу.

Я думаю Андревсъ говорилъ онъ, что ты также наслышался басней, какъ дочь твоя, или совсѣмъ изъ ума выжилъ, можноть вѣрить моему слову, я тебѣ еще повторяю, что ни какова зла дочери твоей не желаю, подумай прилѣжно кто я, и кто ты! О Государь мой, говорилъ Андревсъ, простите меня, что я такъ докучливъ, но что изъ тово худова, что бы сказать мнѣ, имя тово господина, у ково она живетъ въ домѣ. Что это, отвѣчалъ господинъ Б... За чѣмъ ты пойдешь къ такому великому человѣку въ домъ, съ твоимъ глупымъ страхомъ. Грубость твоя мнѣ навести можетъ обиду, будешь ли тѣмъ доволенъ, что дочь твоя чрезъ недѣлю, или ближе, если она не залѣнитса, отпишетъ къ тебѣ, что все ей въ пользу, и живетъ изрядно, не имѣя ни какой опасности боятса. Ежели такъ, то совершенно будетъ отвѣчалъ онъ, не малое утѣшеніе въ моихъ печалехъ. Изрядно говорилъ господинъ Б... Хотя и не могу ручатся, что можетъ быть она и залѣнитса, однако госпожа Жервисъ ежели она къ вамъ писать будетъ, не забудте послать письмо къ нему съ нарочнымъ. Много благодарствую государь мой, сказалъ старикъ, надобно мнѣ имѣть терпѣнье недѣлю, которая покажется годомъ.

Я вамъ божуся, говорилъ господинъ Б... что ея вина будетъ, ежели она къ вамъ не отпишетъ, я ей точно приказалъ къ вамъ писать, для моей собственной славы, и при томъ обѣщаю, что не поѣду до тѣхъ поръ ни куда, пока вы не получите отъ ней такова письма, которое васъ успокоитъ. Богъ заплати вамъ государь мой, говорилъ Андревсъ, ежели это правда, *аминь*. Вы видите отвѣчалъ господинъ Б, что я въ правдѣ по вашему желанію не боюсь сказать *аминь*. Госпожа Жервисъ говорилъ ей, угости мнѣ этова человѣка, какъ возможно лутче, и при томъ тихонько приказалъ дать ему двѣ Гинеи, чтобъ труды ево были не вовсе напрасны, и также сказать, что онъ можетъ ежели

хочетъ у него въ домъ письма дожидатся, чтобъ самъ свидѣтельствовалъ милость и добрыя ево намѣренія, и что онъ не ѣдетъ для того изъ дому.

Сердечной старикъ обѣдалъ съ госпожей Жервись, и былъ гораздо спокойнѣе, нежели пошелъ изъ своей деревни, въ надеждѣ скоро получить отъ любезной своей дочери письма, взявъ же данные деньги, пошелъ домой съ терпѣніемъ, ожидать вѣдомости пріятной.

Госпожа Жервись и всѣ въ домѣ очень сожалѣли о учиненномъ подлогѣ надъ бѣдной Памелой, она и дворецкой съ крайнею жалостію и учтивствомъ говорили о томъ господину Б... Но принуждены довольствоваться были совершеннымъ обнадеживаніемъ всеобще о чистотѣ и правости ево предпріятій. Госпожа Жервись не весьма тому повѣрила, зная ево затѣи про молодова духовнаго.

Недѣлю спустя послѣ отъѣзду Памелы, всѣ друзья ее нѣсколько были спокойны, получа чрезъ незнакомаго челоуѣка письмо къ госпожѣ Жервись, послѣ будетъ сказано, какимъ образомъ Памела принуждена была написать ниже слѣдующее.

Моя дарагая госпожа Жервись.

«Я весьма искусно обманута, вмѣсто того, чтобъ меня отвезть къ родителямъ моимъ, Робертъ меня привезъ въ такое мѣсто, которое мнѣ именовать запрещено, но со всѣмъ тѣмъ не сурово со мной поступаютъ; я для того пишу къ вамъ, чтобъ вы къ Отцу моему и Матере о томъ сказать послали, они надѣюсь чють живы съ печали, я живу изрядно, и всегда буду за помощію Божію ихъ покорная и добродѣтельная Дочь такъ какъ

Ваша печальная услужница
Памела Андревсъ.

«Мнѣ не позволено ни числа ни мѣста означать здѣсь, только мнѣ тягостна нищета моя, она причиною всѣхъ страховъ моихъ и печалей. О моей дружбѣ я васъ увѣряю, купно и всѣхъ въ домѣ, простите и молитесь Богу о бѣдной ПАМЕЛѢ.

Госпожа Жервись сіе письмо всѣмъ домашнимъ показала, и хотя оно не совершенно отняло боязнь о Памелѣ, но не мало успокоило ихъ въ страхѣ, а господинъ Б... Показывалъ свое удивленіе, какимъ образомъ письмо пришло въ домъ. Госпожа Жервись послала сіе письмо къ Отцу ее и Матере, которые сперва думали, что то написано фальшиво, но разсмотря почеркъ узнали ея руку, радовались потому, что жива Дочь ихъ, и совѣтовали со всѣми своими сосѣдями, что въ такомъ случаѣ дѣлать, но всякой боясь власти и богатства господина Б... не смѣлъ ни чего инова присовѣтывать, крсмѣ что просить Бога, что бы онъ единъ заступилъ ихъ неповинность, что и самъ наконецъ за лутчее признали, видя изъ письма, что она не у Епископа въ домѣ, такъ какъ имъ

сказано, и положили въ слезахъ просить Бога, что бы онъ пресѣкъ всѣ умыслы злые.

Мы ихъ оставимъ молится, а сами возвратимся къ Памелѣ, и къ тому журналу, которой она будучи во уединеніи писала; надѣясь какой нибудь найти случай переслать къ своимъ родителямъ, что видно во всякомъ письмѣ ее какое окончаніе бѣдамъ своимъ чаяла, и благодарность Богу, спасаясь отъ гоненій несправедливыхъ. Желая, тогда изслѣдовать свои поступки и въ нещастіи радоваться, ежели найдетъ ихъ съ закономъ и добродѣтелями согласныхъ, или раскается и сожалѣтъ противное видя, а чрезъ то подать примѣръ всѣмъ тѣмъ, которые честь и не порочность суетнымъ вещамъ предпочитаютъ.

ПИСЬМО XXXII.

Должно мнѣ писать къ вамъ, объявляя нещастную мою долю, хотя и нѣтъ, надежды, что бы вы мои письма могли получать. Нынѣ пришло время писать, плакать, бояться и молится Богу. Какая мнѣ осталась надежда, видя себя осужденну быть жертвою преступника Божія закона и правъ естественныхъ. О Боже милосердый! отпусти грѣхъ мой, и во отчаяніе меня не введи, Ты единъ знаешь, что рабъ твоей полезно, но не терпи и того, что бы созданіе Твое страдало съ выше человѣчества. На Твою власть имѣю надежду. Каково ни бѣдно нынѣ мое состояніе, но знаю, что я не подала ни какой причины къ сему заключенію, и не отъ тщеславія и гордости навела бѣду себѣ.

Но надѣюсь, что Богъ подастъ мнѣ крѣпость снести мое нещастіе, и избавить отъ гонителя. Но прошеніе и молитвы мои колеблютъ страхъ и ужасъ, отъ которыхъ лишаюсь почти ума и памяти. О любезные родители! совокупите свои молитвы съ моими! но увы, какъ могу вамъ дасть знать о моемъ бѣдственномъ страданіи! нещастная ваша Памела погибаетъ, и можетъ быть погибнетъ прежде, нежели вы будете извѣстны.

Злость и гордость съ лукавствомъ ослѣпляютъ знатнаго дворянина, на толь дана власть человѣку, чтобъ Вышняго противляется волѣ, и искать опровергнуть уставы чести къ своему оправданію, и употреблять богатство къ пагубѣ неповинныхъ.

Я буду вамъ писать все, что случилось мнѣ до нынѣ, но не знаю, какъ къ вамъ переслать мои письма. Ивана больше нѣтъ, тово честнова человѣка, которой нашивалъ въ вамъ мои письма. Видно, что меня строго и до тѣхъ поръ содержать будутъ, пока мой немилосердый господинъ, окончитъ свои Богу противныя предпріятіи. Однако буду писать всякой день, что мнѣ случится, въ надѣждѣ какимъ нибудь образомъ удастся переслать печальные къ вамъ мои письма, но вы хотя и получите, что пользоваться будетъ, кромѣ что умножать скорбь вашу и безпокойство? Увы! что могутъ такіе бѣдные люди какъ вы здѣлать людямъ богатымъ и властнымъ, которые вознамѣрились губить непорочность.

Но что ни будетъ, я писать стану все то, что думала сама вамъ разсказать словами, льстясь чрезъ нѣсколько часовъ принять отъ васъ благословеніе, избавясь всѣхъ моихъ бѣдъ и печалей. Начну повѣствованіе мое отъ того часа, какъ писала послѣднее письмо къ вамъ, и продолжать буду до тѣхъ поръ, пока будетъ оказія послать къ вамъ, хотя оной и не надѣюсь какъ я уже вамъ доносила. На канунъ желаемаго мною дня, то есть въ Среду, просталась я со всѣми домашними. Съ обѣихъ сторонъ съ не малой жалостію, мужчины и женщины всѣ плакали, со мной разлучаясь. Всѣ хотѣли мнѣ дать малые подарки въ знакъ ихъ дружбы, но я ни чево не взяла отъ людей мнѣ равныхъ. Одинъ господинъ Лонгманъ съ слезами принудилъ меня взять Голанское полотно, серебряную табакерку, и кольцо золотое, просилъ, чтобъ я помня ево дружбу носила, и при томъ говорилъ, Богъ никогда такую честную и добродѣтельную дѣвицу, какъ вы не оставитъ, и хотя теперъ ѣдешь къ родителямъ своимъ въ прежнюю нищету и бѣдность, но благодать Вышняго не допустить васъ терпѣть дальнюю нужду, она наградитъ со временемъ вашу справедливость хотя я и не доживу до того, чтобъ былъ благополучія вашего свидѣтель.

О дарагой мой господинъ Лонгманъ! я ему говорила, вы меня богату и горду учинили, прошу еще здѣлать мнѣ милость, думаю хотя нужды и не будетъ мнѣ ежечасно въ письмѣ упражняться, но однако пріѣдучи домой должность есть отписать къ госпожѣ Жервисъ также и къ вамъ, и поблагодарить за всю вашу ко мнѣ милость и того ради покорно прошу одолжить меня нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, не много сургучу и перьевъ.

Слава Богу, что тогда вздумала выпросить у него бумаги, безъ товобъ мнѣ здѣсь нѣначемъ писать было. Смотрительница моя женщина суровая и злая, не далабъ мнѣ ни полулиста. Нынѣ главная моя забава въ томъ, что могу писать, писемъ квамъ хотя и не могу пересылать, но пишу однакожъ, что мнѣ вздумается. Она не знаетъ, что у меня есть бумага въ запасѣ, но дабы не потерять порядку моихъ писемъ, то возвращусь опять къ моему отъѣзду.

Господинъ Лонгманъ мнѣ мнѣ больше сорока листовъ почтовой бумаги, дюжину перья, бутылочку чернилъ, и три палки сургучу, все оное завернула я въ трубочку и спрятала. Государь мой, я ему говорила, вы меня со всѣмъ обогатили, чемъ я воздамъ вамъ? Однимъ поцалуемъ дарагая Памела, отвѣчалъ онъ, я ево съ радостію поцаловала, нѣтъ ни чево, онъ человѣкъ уже старой и доброй.

Рахиль и Дана плакали горько со мной прощаясь, Женета женщина угрюмая и Сицилія проливали также слезы, и говорила, что за меня молить Бога будутъ, но боюсь, что бѣдная Женета не привыкнетъ и за себя довольно молится. Она поистиннѣ жалости достойна. Артюрь садовникъ, Робертъ кучеръ, и другой товожъ имени кучеръ изъ Линкольна, которой назначень везти меня, много учтивости мнѣ казали, и у всѣхъ на глазахъ слезы были видны. Сіе мнѣ казалось удивительно въ кучерѣ новомъ, надобно, чтобъ онъ доброй совѣсти человѣкъ былъ, для того, что меня зналъ очень мало, но послѣ

узнала отъ чево надобно ему было быть печальну, зная всѣхъ больше, что ему приказано обмануть меня, и быть несчастія моего орудіемъ.

Прочіе трое лакеевъ, Гендрихъ, Исакъ и Веніаминъ, конюшіе и конюхи всѣ тужили. Однимъ словомъ уже и послѣдній бѣдной Томасъ, что на кухнѣ посуду чистить, и тотъ купно со всѣми обливался слезами, также и всѣ служители въ вечеру собрались со мной прощатся, зная, что на утру всякому будетъ недосужно, всѣ цаловали мою руку, я сама цаловалась съ служанками, просила Бога, чтобъ ихъ милостію своею не оставилъ, и благодарила за всѣ ихъ ко мнѣ милости и дружбу. По томъ принуждена была скорѣе ихъ оставить, нежели думала, не имѣя болѣе силы съ ними прощатся. Гендрихъ всѣхъ былъ суровѣе, а тогда возрыдая плакалъ, а бѣдной Иванъ еще отъ васъ не возвратился. Господинъ Іоанаванъ во время сего прощанія не имѣлъ силы на ногахъ стоять, я вамъ хотѣла больше объ немъ сказать но мой духъ теперь занятъ другими печальными приключеній.

Госпожа Жервисъ во всю ночь плакать непереставала, и по неотступной своей прозбѣ склонила меня дать ей слово, когда господинъ нашъ поѣдетъ въ Лондонъ во время збору Парламента, или въ другой домъ свой, чтобъ къ ней пріѣхать погостить на недѣлю, хотѣла дать мнѣ денегъ только я разсудила лутче не брать.

Въ четвергъ по утру съ великой радостію я проснулась, и очень удивилась, что Иванъ не возвратился; ибо я намѣрена была и съ симъ добрымъ дѣтиной простится и благодарить за всѣ его услуги, но думая, что господинъ послалъ ево куда нибудь далѣе, просила другихъ, чтобъ ему поклонялись.

Когда госпожа Жервисъ пришедъ ко мнѣ съ жалоснымъ видомъ сказала, что карета съ четырьмя лошадыми вести меня готова, то я и со всѣмъ моимъ желаніемъ къ вамъ возвратится, такъ оробѣла, что чуть не упала на землю.

Господинъ мой въ верьху былъ, и не спрашивалъ чтобъ меня увидѣтъ, чему я много радовалась, но злодѣй зналъ, что я больше впаду въ ево руки, о Небо! защити меня отъ ево злости и пагубныхъ предпріятій. Всѣмъ въ домѣ запрещено было меня провожать, однако они всѣ стали въ густой алее и на меня смотрѣли. Господинъ нашъ смотрѣлъ изъ окна, какъ я садилась въ карету, Гендрихъ отнесъ въ карету мою свяску съ платьемъ, нѣсколько хлѣбцовъ, конфектовъ, и шесть бутылокъ Кагорскаго вина отъ госпожи Жервисъ, которая принудила меня взять говоря, что когда я къ тебѣ приѣду въ деревню, то было бы намъ что выпить, простясь я въ сѣняхъ, оставила госпожу Жервисъ, плачущую горько.

Когда пришла къ каретѣ, увидѣла моего Господина въ шлафрокѣ у окна стоящаго, я воздѣвъ руки на небо три раза ниско ему клонилась не промолвивъ ни одного слова, онъ мнѣ также поклонился и обрадовалъ меня тѣмъ много, по тому, что я не признавала еще къ себѣ отъ него во все презрѣнія, по томъ сѣла въ карету въ слезахъ утопая, и съ нуждою могла обмоченымъ слезами платкомъ моимъ дать знать кучеру, что бы ѣхалъ. Онъ увидя сіе тотчасъ поскакалъ, а я сидя думала, что скоро васъ любезныхъ моихъ родителей увижу.

И какъ уже по мнѣнію моему на половине дороги мы были, кучеръ остановился лошадей кормить, и сказалъ, что половину дороги переѣхали, мнѣ разсудилось, что уже время отереть мои слезы и думать объ радостномъ съ вами свиданіи, но увы льстилась тѣмъ напрасно! тщетно представляла себѣ вашу радость видя меня съ добродѣтелью отъ всѣхъ нападковъ возвращенну, выгоняла изъ мыслей моихъ печаль и сожалѣніе, разлучаясь съ добрыми друзьями, ибо былабъ я не благодарна, чтобъ не тужить о такихъ людяхъ, которые меня любили беспристрастно.

Въ восьмомъ часу я поѣхала отъ туда, и ѣдучи мимо кирки видѣла, что уже два часа по полудни, удивленіе мое чрезвычайно стало велико, видя, что больше ѣдемъ, то больше всѣ мѣста мнѣ не знакомы; что это сама себѣ говорила? ѣдучи такъ рѣзво можнобъ было дватцеть миль уѣхать, или кучеръ конечно дороги не знаетъ!

Онъ остановясь сталъ на всѣ стороны смотрѣть, власно, какъ бы не знаетъ, куда ѣхать, конечно говорю ему господинъ Робертъ Ты прошибся другою дорогою? Недалеко, не далеко говорилъ онъ, спрошу кто встретится, тудаль ѣду? Пожалуй спрости повѣрнѣе, я ему говорила, между тѣмъ онъ даль лошадямъ корму, а я подала ему булку и двѣ рюмки вина; съ полчаса погода опять поскакалъ онъ, что есть мочи, я такъ погружена была въ мысляхъ о моихъ опасностяхъ, отъ которыхъ думала избавилась, также о оставшихъ друзьяхъ моихъ, и радостномъ свиданіи съ вами, что не думала и о дорогѣ. Но когда Солнце лучи свои стало скрывать, тогда я стала выходить изъ задумчивости моей, какъ изъ темной тучи. Увидѣла, что кучеръ непрестанно бичемъ лошадей гонить, и они уже въ такомъ были потѣ, какъ вода отъ сильнаго волненія бѣрега покроетъ пѣною, отъ чего пришолъ на меня великой ужась. Спросила кучера куда мы ѣдемъ? онъ называя себя не счастливымъ, сказывалъ, что много миль въ сторону проскакалъ напрасно, а теперь напалъ на прямую дорогу и думаетъ къ вечеру доѣхать. Я боясь новаго несчастія и къ томуужь утомясь: ибо много ночей не сыпала, говорила ему, господинъ Робертъ, не доѣзжая насъ, естъ деревня не лутчель остановится, видите, что ночь спѣшно наступаетъ. *Боже спаси меня грѣшную*, сама себѣ говорила, боясь, что ушедши сильной руки господина моего не вспастъ бы въ руки ево служителю будучи наединѣ, а и не думала о дьявольскихъ сѣтяхъ для меня сплетенныхъ. Мы въ полчаса пріѣдемъ, Робертъ отвѣчалъ мнѣ, Отецъ вашъ живетъ сей деревни, которую вы видите, съ милію. Можетъ быть, я ему говорила, ибо я давно въ сей странѣ не бывала, однако повѣрь мнѣ, что мѣста здѣшніе ни мало съ тѣми несходны, которые я прежде сево во кругъ нашева жилища видала.

Онъ казался весьма печалень и ѣдучи мили съ двѣ отъ той деревни остановился, близъ одного дому, и сошедъ съ козелъ говорилъ, надобно здѣсь начевать? Уже поздно; я самъ не знаю куда за ѣхалъ. Боже милосердый я въ себѣ помышляла! спаси меня отъ бѣдъ не повинную, что уже наконецъ со мною будетъ.

Жена, Дочь, и служанка прикащикова вышли къ намъ, одна изъ нихъ говорила, что такъ господинъ Робертъ приѣхалъ позно да еще и съ госпожей? Вопросъ сей меня устрасилъ надъ мѣру, и вспоминая прежніе напасти залилась слезами. Знаетель вы госпожа моя я ее спросила ей господина Б... въ графствѣ Бетфортъ? Лукавой кучеръ хотѣлъ не допустить, чтобъ мнѣ отвѣчали; но дѣвка простая и глупая разсмѣясь, говорила, спрашиваетъ знаемъ ли мы господина Б... безъ сумнѣнія знаемъ, Отецъ мой у него прикащикъ. О Небо тогда я вскричала! теперь я погибла, теперь погибла не избѣжно, проклятой человѣкъ говорила кучеру, для чево такую надо мною здѣлалъ гибѣль, злой инструментъ не достойнова и вреднова господина? Совершенно сударыня, я сожалѣю отвѣчалъ онъ что мнѣ дали сію комиссію исполнить, но какъ возможно мнѣ было отрицатся, выберите себѣ лутчее средство, здѣсь вы найдете людей къ себѣ ласковыхъ и учтивыхъ, я васъ увѣряю, что вы будете безопасны. Пусти меня изъ кареты, я говорила пойду пѣшкомъ въ ближнюю деревню, даромъ, что поздо, а не хочю здѣсь остатся.

Безъ сумнѣнія, государыня моя говорила прикащица васъ здѣсь содержать будутъ изрядно, вы здѣсь лутче покой найдете нежели въ деревнѣ. Какой покой я отвѣчала, уже онъ давно отъ меня отнять, теперь во все гибну, и во все пропадаю. Умилосердись надо мною разсуждая по своей Дочери. Скажи мнѣ не здѣсь ли господинъ нашъ, нѣтъ, ей, ей, ево здѣсь нѣтъ, она сказала, а въ тотъ часъ вышелъ и прикащикъ, мужикъ чиновной и учливой, онъ показался мнѣ человѣкъ доброй, и говорилъ со мною очень учтиво, стараясь всячески меня успокоить. Я видя, что нѣтъ помощи ни откуда, принуждена была къ нему вытти. Жена ево проводила меня въ верхъ въ лутчія покои, и объявила, что я могу ими повелѣвать и быть госпожею. А во все время пока у нихъ буду ни кто безъ моего приказу ко мнѣ ходить не будетъ. Я бросилась за мертво отъ страху и трудовъ на постелю въ горести не сказанной.

Дочь ихъ принесла мнѣ письмо, которое имъ отдалъ кучеръ, я увидѣла печать и руку не достойнаго нашего господина. Подписано оно было *дѣвицъ Памель Андревсъ*, оно для меня было лутче ежели бы онъ самъ былъ, но что дѣлать надобно повиноватся судьбѣ.

Я начала отдохнувши, думать, что въ руки привезена людей честныхъ, лукавства въ поступкахъ ихъ было не видно, и казалось что моя несчастная доля къ жалости ихъ больше склоняетъ. Прикащица принесла мнѣ стаканъ воды врачевой, я его выпила безъ супротивленія будучи на слабости превеликой, и сѣла въ креслы. Они принесли мнѣ двѣ свѣчи большихъ, а въ каминѣ огонь расклали, и просили ежели что мнѣ надобно будетъ, чтобъ постучала, тотчасъ ко мнѣ придутъ, и по томъ оставили меня одну. Время было довольно мнѣ разсуждать какъ сурово рокъ мой меня гонитъ, и читать данное мнѣ письмо, но съ начала не могла смотрѣть глазами, такъ смятеніе мое было велико, а опамятуясь, распечатавъ слѣдующее читала.

Дарагая Памела!

«Чрезвычайная страсть, которую я къ вамъ имѣю, и ваше супротивленіе оной не отвѣтствовать, принудили меня употребить такое средство, которое безъ сумнѣнія много вамъ приключать можетъ страха и безпокойства, въ томъ прости меня дарагая, что я здѣлалъ. Главной святости клятвами себя заклинаю, что будутъ содержать васъ честно не дайте страху своему принудить васъ до такихъ дѣлъ, которые вашей славы и моей чести будутъ вредны, мѣсто то, гдѣ вы получите сіе письмо, есть мое владѣніе, люди тамъ должны быть противъ васъ особливо честны, услужны и учтивы. Дороги вашей тутъ будетъ половина до того мѣста, гдѣ я намѣренъ содержать васъ до тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые дѣла исправлю, которые подадутъ вамъ обо мнѣ со всѣмъ другое мнѣніе, нежели то, которое вы по моимъ, противу васъ поступкамъ имѣете, и докажетъ, что я ни какова намѣренія худова не имѣю, вы будете тамъ госпожа такая, что я самъ безъ позволенія вашего не приближусь къ дому. Успокоясь, будьте осторожны и молчаливы, всѣ ваши труды воздадутся такимъ счастіемъ, о которомъ вы теперь не смѣете подумать.

«Я истинно сожалею о вашемъ безпокойствѣ, и клѣнусь что самая невозможность меня принудила васъ до того довести. Къ Отцу вашему я также писать буду, и обнадежу, что противу васъ ни какихъ вредныхъ предпріятіи не будетъ.»

«Вашъ страстной почитатель,...
«такъ мнѣ себя назвать должно.

«Не будте на Роберта сердиты, вы такую любовь съ почтеніемъ отъ моихъ служителей имѣете, что они лутче вамъ нежели мнѣ услужили; съ превеликимъ трудомъ я ево принудилъ исполнить мое повелѣніе: ибо принужденъ былъ чистоту и непорочность моихъ намѣреній ему открыть, и крѣпко въ томъ намѣренъ остатся, ежели вы сами меня не принудите къ тому, что я нынѣ ненавижу.

Я довольно знала, что сіе письмо для тово только написано, чтобъ меня прельстя чемъ нибудь успокоить, но видя страхъ свой не такъ близко, и слыша обѣщанія ево, безъ позволенія ко мнѣ не ѣздитъ, также и намѣреніе писать къ вамъ, что васъ любезные родители въ печалехъ утѣшить, не такъ много грустила, какъ прежде, и принудила себя съѣсть кусокъ цыпленка, когда принесли мнѣ ужинать, и выпила вина своего рюмку, также и хозяевамъ подъ несла.

Какъ скоро по ужинали, печаль моя опять возобновилась. Кучеръ вошедъ съ свирѣпымъ лицомъ, какъ палачъ мнѣ показался и говорилъ, завтра сударыня въ пятомъ часу по утру изволь приготовится ѣхать, безъ тово вамъ до ѣхать будетъ не возможно. Слова ево страшныя мнѣ громоваго удару были, я было отъ прикащика начала примѣчать къ себѣ жалость, и надѣялась, что они меня выпустятъ тайно въ ближнюю деревню, гдѣбъ какой нибудь доброй человѣкъ меня до времени взялъ подъ свое сохраненіе, но та надежда такъ какъ и всѣ прежніе со всѣмъ исчезла.

Какъ скоро кучеръ вышелъ, я залилась слезами, и просила прикащика и прикащицу, чтобъ со мною показали милость, и помоглибъ мнѣ убѣжать напасти; но они хотя и имѣли жалость, потрясли только головою и показали, что мнѣ ни какой надежды нѣтъ получить отъ нихъ помощь. Злой господинъ мой самымъ вразумленъ діаволомъ, съ тѣмъ же кучеромъ писалъ къ нимъ, и такіе взялъ къ сохраненію меня мѣры, что ни какова пути ко избѣжанію сыскать было не можно, показавъ мнѣ письмо, которое къ нимъ писалъ, чтобъ узнать хитростные предпріятіи и лукавства моего господина, которой всѣ пресѣкалъ дороги къ моему спасенію вознамѣрясь погубить меня конечно, вотъ письмо то,

Прикащикъ Нортонъ!

«Я къ вамъ на одну только ночь посылаю, и очень противу ея воли молодую дѣвицу, которая погрузилась въ любовь не къ стате, такъ, что купно и съ тѣмъ, за ково итти за мужъ хочетъ, можетъ погибнуть, и чтобъ показать дружбу отцу ея посылаю въ мой домъ, гдѣ ласково и учтиво съ нею поступать будутъ. Пусть испытаетъ, что разлученіе не можетъ ли открыть глаза увидѣть свое заблужденіе, и познать истинную пользу. Не сумнѣваюсь, что вы по волѣ моей учтиво ее примете, для того, что выключая страсть ея, *въ чемъ она не захочетъ признатся*, она почтенія достойна, я при первомъ случаѣ воздамъ вамъ и на труды ваши, и буду

Вашъ пріятель.

Дивитесь лукавству сего человѣка, увѣря ихъ, что я въ любви моей непризнаюсь, принудилъ ихъ всему тому не вѣрить, что бы я ни говорила, къ тому жъ онъ ево прикащикъ, и всѣ ево любятъ (можно и то сказать, что онъ хорошіе имѣлъ достоинства, въ которыхъ ему есть и нужда.) Я видя, что всѣ мои предпріятія исчезли, принуждена была говорить сколько можно меньше. Зная то, что онъ лукавствомъ и богатствомъ надъ мѣру великъ предо мною, только плакала, возлагая упованіе мое на единого Бога, яко на истиннаго Помощника бѣдныхъ избавителя и неповинныхъ. Единъ Онъ можетъ сокрушить мышцы гордыхъ, и отвратишь лукавыхъ сѣти. Прикащикъ такъ призналъ за правду письмо своего господина, что при мнѣ хвалить сталъ ево противъ моей поступки, и совѣтовалъ мнѣ никогда не склонятся итти за мужъ безъ позволенія моихъ родителей, и отъ того взялъ причину расплодить разговоръ въ наученіе своей дочерѣ. Я рада была, чтобъ скорѣе оной пресѣкся, видя, что ни чему не вѣрятъ, чтобъ я ни говорила.

По томъ послала сказать кучеру, что мнѣ отъ трудовъ моихъ не можно будетъ такъ рано ѣхать. Но онъ сказалъ, что перемѣнить сего не можно, увѣряя, что другой день не такъ будетъ трудень. Я узнала чрезъ то, что онъ со всѣмъ своимъ супротивленіемъ господину своему больше вѣренъ нежелибъ я желала.

Правда, чтобъ мнѣ можно было показать имъ писанное ко мнѣ письмо отъ господина, которое всему тому противурѣчило, но довольно видѣла, что они

помочь мнѣ не въ состояніи, къ томужь будучи у нихъ на одну ночь, разсудилось не къ статѣ обстоятельство моей исторіи имъ знать дать; да и они боясь ево прогнѣвать, видно было, что меня у себя долѣе держать не хотѣли. По томъ легла въ постелю, и во оной больше плакала, нежели спала; по утру проснувшись поѣхала очень рано. Прикащикъ велѣлъ своей служанкѣ проводить меня милъ съ пять въ каретѣ, а назадъ итти пѣшкомъ.

Сидя я въ каретѣ, въ Пятницу поутру вздумала намѣреніе въ свою пользу, и льстилась совершенно оное исполнить, зная, что кучеръ гдѣ нибудь въ деревнѣ лошадей кормить станеть, упроситъ хозяйку и расказатъ ей, всѣ мои напасти, сказатъ кучеру, что я не поѣду далѣе, не боясь того, чтобъ онъ одинъ могъ меня взять сильно изъ чужова дому. Но увы! лукавой господинъ мой, и сіе послѣднее мое упованіе отнял: какъ вы думаете о его хитрыхъ приуготовленіяхъ? гдѣ мы остановились обѣдать, тамъ госпожа управительница другова его дому, въ которомъ мнѣ жить опредѣлено, выѣхала меня встрѣтитъ, а хозяйка сестра ее была родная, которая мнѣ изготвила и обѣдать.

Какъ скоро я вошла въ покой велѣла позвать хозяйку и увидя ее говорила, прими несчастную въ свою оборону, которой весьма надобна ваша помощь, вы мнѣ добродѣльны кажетесь, и надѣюсь не откажете спасти не винную отъ изгнанія напраснаго. Я думаю сударыня, она мнѣ отвѣтила, вы въ своей на меня надеждѣ не обманулись, я имѣю честь знать нѣкоторые ваши приключеніи, васъ не зная, позови сестру мою Жевкесь она служанкѣ сказала, мнѣжь имя сіе было знакомо, то по тому и не очень пріятно было ее видѣть.

Госпожа Жевкесь тотчасъ вошла къ намъ. А какъ я ее въ перьвой разъ увидѣла, то вся кровь во мнѣ закипѣла, ни что говорю сама себѣ не успѣваетъ, всѣ мои предпріятіи пропадаютъ, ни что не повинную спасти не хоцетъ, или всѣ бѣды на меня должны упадать, о коль несчастна моя доля, принуждена оставить надежду во все. Свирѣпая та жена подшедъ ко мнѣ съ превеликой волностью поцѣловалась и говорила, посмотри сестрица какъ она прекрасна? Кто не можетъ въ нее въ любится? И самой постоянной въ свѣтѣ мущина у вести ее захочетъ. О ужасныя и странныя дѣла! я сама въ себѣ помышляла! въ двухъ словахъ эта злодѣйка открыла свое намѣреніе противу меня бѣдной, теперъ я погибла безъ повороту! нѣочемъ сумнѣваться! но какъ ни сокрушалась, но не видя ко спасенію надежды, принуждена пустить ее къ себѣ въ карету: ибо она приѣхала верхомъ съ однимъ лакеемъ, которой во всю дорогу ѣхалъ подлѣ нашей кареты.

Боже мой! Ёдучи дорогою, сама съ собой размышляла, сколько трудовъ и происковъ употребляютъ погубить бѣдную и неповинную дѣвку, такъ долго дѣлая приуготовленіи, и столько взявъ мѣръ ко исполненію; хотя я и боялась, что уже не возможно будетъ отвратитъ мои напасти, но надѣялась на Покровъ Вышняго Десницы, зная, что онъ не видимо подастъ мнѣ помощь, и избавитъ хищнаго руки злодѣя, ежели и ни какой мнѣ не будетъ въ бѣдахъ отрады, то надежда моя на Него единаго непоколеблется.

Вы сіе увидите, но увы смущаются мысли и теряется разумъ, по чему мнѣ знать будитель вы то читатъ, что я теперъ писала, и что впредь писать буду. А

ежели будете, то увидите какая разность между сей злодѣйки Жевкесь и госпожи Жервись.

Сидя въ каретѣ часто она на меня суровой взоръ свой устремляла, и усмѣхаясь говорила, ей, ей, ты очень хороша дорогая молчанка: и при томъ меня поцаловать хотѣла. Не люблю я ей говорила такихъ поступокъ госпожа Жевкесь, они двумъ женщинамъ неприличны. Тогда она расхохотавшись сказала; вотъ изрядно отвѣчала, ей, ей, любя я васъ увѣряю, конечно вы бы лутче съ мужчиной поцаловались, ей, ей, вы правильно сказали, я васъ похваляю.

Слова ее мнѣ и скалозубство хотя и весьма наскучили, но я тому не дивилась, зная, что она прежде жила въ трактирѣ, вы сами знаете, что въ етакихъ пути бываетъ мало. Она ѣхавши со мной во всю дорогу врала безстыдно, а видя, что я безпрестанно плачу, говорила, вы очень много счастливы, будучи любима отъ одново господина, которой на десять миль воскругъ владѣнія имѣеть.

Теперь впала любезные родители, въ руки не потребной и злой женщины, которая, какъ видно, несчастіямъ моимъ веселится. О мой Боже! что мнѣ дѣлать, что со мною будетъ, не возможно мнѣ отъ бѣды безъ Твоей помощи укрытсѣ.

Въ восьмомъ часу пріѣхали мы къ преизрядному дому въ мѣстахъ отдаленныхъ, которой казался самой пустыней, и уединеннымъ жилищемъ, приличнымъ исполнить всякова роду злое намѣреніе, боюсь, чтобъ не окончилась погибель моя въ семь мѣстѣ. Будучи въ превеликой слабости отъ труда и печали, вошла во оной домъ, Жевкесь принесла мнѣ жжонова вина, и старалась всячески оказать прилѣжность свою услужить мнѣ. Между тѣмъ какъ она вонъ вышла, пришолъ кучеръ и говорилъ; простите меня сударыня, что я такъ много васъ обманулъ, я истинно сожалью о вашей печали, и тужу о томъ, что принужденъ былъ исполнить данное мнѣ повелніе.

Изрядно господинъ Робертъ. Я отъ роду одинъ разъ видѣла какъ вѣшаютъ, палачъ также просилъ у преступника прощенія, что онъ ево вѣшаетъ по приказу, однако повѣсилъ съ радостію великой. По крайней мѣрѣ я сего наказанія не заслужила, ежелибъ я знала, что повелѣніи не достойнаго нашего господина должности моей не противны, я бы васъ до сего труда не допустила, вы не можете себя славить, показавъ предосудительную сію услугу своему господину. Сожалью говорилъ онъ, что вы такъ разсуждаете, не всѣ люди ваша мнѣнія. Хорошо господинъ Робертъ, я отвѣчала, вы съ своей стороны съ крайнею вѣрностію къ моей погибели служили, можетъ быть со временемъ разкаетесь, видя худыя трудовъ вашихъ плоды и бѣдственныя слѣдствіи. Вы знали, что меня должно было проводить къ Отцу моему, а вмѣсто того немилосердо и пагубно обманули: благодарна, Богъ воздастъ вамъ.

Онъ запечался вонъ вышелъ, а госпожа Жевкесь вошедъ спросила, что вы Роберту говорили? бѣдной идучи чуть не плачетъ. Я ему представляла, сказала я ей, неправости помощи ево къ моей погибели, въ чемъ можетъ быть онъ и раскаялся, но мнѣ въ томъ пользы нѣтъ, раскаяніе ево да будетъ ему

угрызением совести. Я вас уверяю сударыня, она говорила, что я сама сожалеть буду, ежели подамъ къ неудовольствию вашему хотя малую причину. Ему исправить уже дѣлъ своихъ не можно, я говорила, а ваши еще всѣ въпереди будутъ, вы можете выбрать, что хотите, или помогать къ моей гибели, или къ моему спасенію. Слушай государыня моя, она отвѣчала, я непременно намѣрена исполнить должность мою, въ разсужденіи своего господина, будьте увѣрены, ежели я не нарушаю оной вамъ услужить могу, съ радостію исполню, а ежели ваши желанія ево воли будутъ противны, я по должности поступать буду.

Прошу васъ госпожа Жевкесь, я ей говорила, сударыней меня не величать, я бѣдная дѣвка, въ недостаткахъ воспитана, фортуной гонима, которая по своему упрямству играетъ мною какъ захочетъ, я для тово сотвори милость, говори со мною такъ какъ съ своей служанкой.

Такъ, такъ, она отвѣчала, я знаю, вы такъ много имѣетъ власти надъ нашимъ господиномъ, что можете въ короткое время госпожа наша быть, и для тово хочу вамъ служить въ чемъ возможно, и хочу сударыней называть; поверте мнѣ, что я приказъ имѣю почитать васъ какъ госпожу мою.

Кто приказалъ вамъ, я спросила? Кто можетъ она отвѣчала кромѣ моего господина. Какъ сказала я ей приказать ему, вы ево давно не видали? Давно уже она отвѣчала, но Робертъ привесь ко мнѣ писменное наставленіе какъ поступать съ вами, мнѣ бы не должно такъ много вамъ сказывать.

Ежели вы хотите много одолжить меня, я говорила, покажите мнѣ письменное сіе наставленіе, чтобъ я видѣла какую милость мнѣ отъ васъ ожидать можно, и такъ ли вы со мной поступать будите? Прошу прощенья моя дарагая, она мнѣ отвѣчала, я довольное наставленіе имѣю, и вы можете вѣрить, что я по воли своего господина поступать буду, и служить вамъ по ево приказу, перестанемъ о томъ говорить.

Я надѣюсь, продолжала я говорить ей, что вы не захотите противныхъ и не справедливыхъ дѣлъ со мной чинить, какой бы приказъ ни имѣли отъ господина своего. Послушайте она отвѣчала, онъ господинъ мой, и ежели мнѣ прикажетъ что здѣлать, я должна исполнишь, безъ всякаго прекословія, а ево уже въ томъ разсмотреніе, что дѣлать противное ли чести, или не противное, но я должна волѣ ево повиноватся.

На примѣръ, я говорила, онъ вамъ прикажетъ меня зарѣзать за рѣжите ли? Этова не чево бояться, она отвѣчала, безъ сумнѣнія нездѣлаю, то уже стало убивство, ежели за рѣжу, то знаю что меня повѣсятъ. А на примѣръ ежели онъ за хочетъ отнять честь мою и непорочность, будете ли вы помогать? А честь отнять у дѣвки пуще нежели ее за рѣзать.

Какіе странные разговоры, она отвѣчала, оба пола въ человѣческомъ родѣ сотворенны, одинъ для другова, не весьма то натурально, что молодой мущина въ любится въ хорошую дѣвку, и захочетъ жаръ любви своей утолить, и желаніямъ здѣлать довольствіе, хотя на то нѣсколько и силы употребилъ, за что ево признать такъ винна, какъ бы жизнь власно отнять хотѣлъ, и расмѣяся продолжала рѣчь свою, такъ нахально и мерзко, что довольно мнѣ дала знать

какъ мало на совѣсть и добродѣтель, ея надѣются мнѣ должно, чемъ наиболѣе меня въ печаль погрузила, для того, что я льстилась склонить ее къ себѣ въ помощь, хотя мало.

По окончаніи нашихъ разговоровъ, я ее просила, чтобъ она указала мѣсто, гдѣ начевать мнѣ? Гдѣ изволишь сударыня, она мнѣ отвѣчала, только нынѣ я сама принуждена спать съ вами. Какъ мнѣ то горько было слушать, какъ принуждена, я спросила, развѣ вамъ велѣно? Я люблю одна спать. Безъ сумнѣнія велѣно она отвѣчала. Для чево вы боитесь я здорова и чиста, развѣ вы не сыпални съ госпожей Жервисъ? Изрядно, я говорила суча ее словами, послѣдуйте вамъ данному приказу, я не могу супротивляться, вижу, что я всѣхъ людей безсчастнѣе въ свѣтѣ. Она начала свои сумозбродные рѣчи снова, и говорила передражнивая очень безчастна, будучи любима отъ такова дворянина, какихъ въ Англіи очень мало.

Дождалась СУББОТЫ, буду продолжать мою повѣсть, есть что писать мнѣ:

Казалось, что моя строгая надзирательница, имѣетъ приказъ накрѣпко за мной смотрѣть, для того, что какъ легла со мной спать, заперла двери и ключъ къ себѣ подъ головы положила, привязавъ подвяской, сказывая мнѣ, что уже раза два пытались воры въ домъ ворваться. Она я чаю нарочно меня стращала и тѣмъ заставила бояться, однакожъ не такъ бы я всево того боялась естлибъ другихъ не было страховъ.

Нынѣшнюю ночь я спала очень мало, и проснувшись очень рано, отворяю окно, будто въ садъ глядѣла, а сама писала, какъ она вонъ выходила.

Въ самой завтрекъ она привела ко мнѣ двухъ служанокъ, одну кухарку, а другую что въ палатахъ прибираетъ и обои чистить, обѣ дѣвчици глупые и простые, нѣчево отъ нихъ надѣются было, однако я уйтить намѣрена прежде нежели господинъ нашъ приѣдетъ.

Есть и еще люди кромѣ кучера Роберта, которой хотя и причина бѣдъ моихъ, но многихъ лутче, а другіе всѣ почти негодны, одинъ садовникъ кажется человѣкъ доброй и скромной, только ему невелѣно ходить ко мнѣ.

Весьма я дивилась, что не вижу господина Вилліамса, но не смѣла спросить о немъ, чтобъ не подать сумнѣнія. Узнавая всѣхъ людей въ домъ, кромѣ ево, ни на ково надѣются было не можно, думая, что ево чинъ не допустить помогать къ гибели моей господину.

Послѣ обѣда пришло оное изъ школы гдѣ училъ по Латынѣ близъ дому жителей въ деревнѣ и тѣмъ жилъ ожидая мѣста отъ нашева господина.

Господинъ Вилліамсъ былъ человѣкъ молодой и разумной, какъ скоро я ево увидѣла, то въ надеждѣ своей стала утверждаться, оное казался, беретъ въ моихъ несчастіяхъ участіе. Весьма я остерегалась Жевкесъ, которая примечала взгляды не только слова наши; оное хотя и имѣлъ покой въ семь въ домъ но побольшей части жилъ въ деревнѣ, чтобъ ближе быть своей школы, въ Субботу

послѣ обѣда сюда приходитъ и живетъ до Понедѣльника, а когда проповѣдь сказывать поѣдетъ вмѣсто настоящаго священника за три мили отъ сюда, тогда и въ Воскресенье уѣзжаетъ.

Я надѣюсь завтра итти съ нимъ въ кирку, не думаю, чтобъ отъ смотрительницы моей и то запрещено было, можетъ быть тамъ найду случай, по говорить съ нимъ, а какъ боясь, чтобъ она не узнала, что у меня бумага есть и чернила, просила у ней бумаги, она мнѣ оную дать хотя и обѣщала, но съ такимъ договоромъ, чтобъ я не показавъ ей, что напишу, ни чево изъ дому не посылала, я ее увѣряла, что ни чево инова писать не буду, кромѣ какъ только препровождать хочу мою скуку, и отвращать печали, когда одна останусь, вы знаете что, говорю ей, что не съ кѣмъ мнѣ послать, чтобъ я ни написала.

Не для того, она отвѣчала, что пошлете нынѣ, да можетъ быть послѣ найдете случай переслать оное. Мнѣ точно велено смотрѣть, что вы писать будете, но какъ я знаю, что вы охотница писать, и для того я вамъ дамъ два листа бумаги, чернильницу и перо, но надобно, чтобъ вы всегда тѣ два листа мнѣ казали писаны онѣ, или нѣтъ. Эта ужъ очень строго я отвѣчала. Не можетель вы мнѣ позволить положить мое платье въ тотъ кабинетъ, что подлѣ вашей спальни, и отдать ключъ мнѣ, для чево не можно, она отвѣчала, я велю прежде оной прибрать и оставлю ключъ въ дверяхъ тамъ есть клавикорды ежели хотите, можете играть отъ скуки; знаю, что покойная госпожа наша васъ учила музыкѣ.

Я вздумала всѣ мои перья, бумагу и чернила, кое куды спрятать, боясь чтобъ она впредь мнѣ не отказала, чернила вылила въ чайные чашки, бумагу, перья и сургучъ между платьемъ разложила, опасаясь чтобъ не стали обыскивать, и льщу себя имѣть свободу писать невозбранно, а можетъ быть какимъ нибудь средствомъ найду способъ высвободить себя и изъ неволи. Какая мнѣ слава и честь думаю будетъ, ежели я сохраню мою непорочность, и убѣгу лукавства хитраго моего господина. Ежели же онъ сюда будетъ, я со всѣмъ пропала, сія мерзкая женщина помогать ему будетъ съ радостію въ злбныхъ ево предпріятіяхъ, не надобно будетъ ее такъ вонъ высылать, какъ онъ прежде высылалъ госпожу Жервисъ, и для того принуждена буду всѣ мои силы и смыслъ употребить къ супротивленію.

Сія печаль очень тягостна, что пишу и не могу послать къ вамъ, но нынѣ въ бѣдахъ моихъ едина мнѣ только та и забава, и ежели Богъ милостію своею изведетъ меня съ моею добродотелію изъ мѣста пагубы такъ какъ я надѣюсь, не взирая на всѣ злые пріуготовленія, буду читать съ великою радостію все то, что нынѣ въ горести пишу со слезами.

Хотѣла написать по моей привычкѣ, *молитесь Богу о вашей покорнѣйшей дочери*, но вамъ знать не можно моего состоянія, хотя и знаю, что вы непрестанно за меня молитесь, а я между темъ буду писать, что мнѣ случатся, а можетъ быть и удасться переслать къ вамъ. Куда какъ бы я была рада, естлибъ можно нынѣ найти услужливаго Ивана, того честнова и добрава дѣтину.

Дождалась ВОСКРЕСЕНЬЯ.

Вотъ теперь всево зляе! моя супостатка не позволяетъ мнѣ ѣхать въ кирку, а моя надежда по большой части на томъ была и основана. Господина Вилліамса обругала за то, что онъ за меня вступился. Я узнала, что она, ежели захочетъ, можетъ ево изъ дому выгнать, бѣдной человѣкъ принужденъ ей покорятся, ожидая себѣ вѣчнаго пропитанія, отъ моего господина, получа приходъ когда умретъ тамъ священникъ, которой очень старъ, и уже мѣсяца съ четырѣ не встаетъ съ постели.

Господинъ Вилліамсъ довольно кажетъ мнѣ почтеніе, и видно, что онъ зжалился на меня глядя, можетъ быть склонится дать мнѣ въ помощь ко избѣжанію напасти; ежелибъ кто другой обо мнѣ поговорилъ съ нимъ. Но мнѣ для чево отнять щастіе у молодова человѣка, принудя ево то здѣлать, что ево противно пользѣ; однако кажется честной человѣкъ все долженъ здѣлать на свѣтъ, ко избавленію бѣдной дѣвки, которую ищутъ похитить, Богъ ево за то не сравнительно наградить не оставитъ.

Подумайте, но ахъ какъ вамъ знать то, что я пишу, подумайте каково мое состояніе, которое доводитъ меня до крайняго отчаянія, чрезъ которое принуждена честному человѣку къ несчастію подать причину, мнѣ кажется онъ очень поговорить со мной желаетъ: ибо я узнала то по одному слову, что онъ сказалъ мнѣ тихонько.

Злодѣйка, такъ, я называть стану мою надзирательницу, часъ отъ часу становится суровѣе, не болѣе получаса, какъ по говорила я съ служанкой для тово, чтобъ она ласковѣе была ко мнѣ. Она вдругъ вошедъ сказала, пожалуй сударыня не искушай бѣдную деревенскую дѣвку, и не мѣшай ей дѣлать свое дѣло, я слышала, что вы гулять ее звали. Слушай Начонъ, говорила ей, отнюдь не ходи ни куда съ нею, и ни въ чемъ ее не слушай, мнѣ не сказавши. Голосъ ее былъ толстой и хриповатой, и надѣюсь, что она подпитъ любить вся кругла какъ бомба, и ежелибъ я ее разсердила, онабъ меня одной ногою задавить могла. И такъ будучи такимъ уродомъ, къ томужъ имѣя сердце гнуснѣе рожи, взоромъ своимъ мучить меня всечасно. Безъ помощи отъ Бога пропала бы я на вѣки, не могу описать довольно, какъ она зла. Въ сей часъ прислала сказать, чтобъ я надѣла башмаки мои, которые у меня были отняты, и шла я въ садъ гулять съ нею, по чему я принуждена была исполнить ее приказаніе. Боже мой! для чево нѣтъ здѣсь госпожи Жервисъ со мною. Я и сама не знаю; для чево обрадовалась. Въ тотъ часъ, какъ башмаки надѣла. Теперь пришли и сказали мнѣ, что Иванъ пріѣхалъ верхомъ, тотъ честной Иванъ, за которова я всегда молю Бога. Увидѣла я ево въ окно, но увидѣла печальна, что за вѣсти принесъ онъ? Здоровылиль родители мои, госпожа Жервисъ, и всѣ въ домѣ не выключая и хулы достойнаго господина, желаю чтобъ и онъ живъ былъ и здоровъ, толькобъ раскаялся во всѣхъ своихъ дѣлахъ не правыхъ. О Боже! въ какомъ мы живемъ вѣкѣ! беру перо въ руки, но чувствую горестъ и беспокойство, конечно новымъ страданіямъ подвержена буду.

Иванъ пришолъ ко мнѣ съ госпожею Жевкесъ, она тотчасъ на ухо подошедъ мнѣ сказала, чтобъ я для себя о башмакахъ не упоминала. Сердешно Иванъ хотѣтъ скрыть свою жалость, но сверхъ воли полились у него слезы. О дарагая Памела, увидя меня вскричалъ! что мои другъ, я отвѣчала, видишь ты самъ въ какомъ я состояніи, ни какой вины за собой не зная, благодарствую за вашу дружбу и услуги. Онъ у слыша сіе, болѣе сталъ плакать, отъ чего сердце мое терзалось не милосердо, видя, что сторонней челоуѣкъ на меня сжался плачетъ. Скажи, спрашивала ево, господинъ нашъ не ѣдетъ ли сюда? Нѣтъ отвѣчалъ онъ рыдая, Отецъ мой и мать живыли, также госпожа Жервисъ, господинъ Лонгманъ, и всѣ въ домѣ? Всѣ живы онъ сказалъ и такъ вздохнулъ, что я думала онъ духъ испускаетъ. Я думаю онъ съ ума сошолъ госпожа Жевкесъ говорила, о чемъ тужить самъ не знаетъ, я думаю Иванъ ты влюбился? Не видишь штоль, что она въ добромъ здоровьѣ. Не могу отвѣчалъ онъ слезъ удержать отъ радости, увидя дѣвицу Памелу, я къ вамъ привезъ письмо, обратясь сказалъ мнѣ. Я принявъ оное, и видя, что отъ моего господина въ карманъ положила, не думаю госпожа Жевкесъ, сказала я, чтобъ вы захотѣли сіе письмо читать. Нѣтъ она отвѣчала, я знаю отъ ково оно, а то бы просила конечно васъ показать оное.

Вотъ и къ вамъ письмо госпожа Жевкесъ, продолжалъ Иванъ, а на ваше говорилъ мнѣ, надобно отвѣтъ везти севодни къ вечеру, или завтра рано. Естли что еще тебѣ сказать ей Иванъ? Спросила Жевкесъ. Нѣтъ онъ отвѣчалъ, кромѣ, что всѣ служители въ домѣ приказали увѣрить о истинномъ почтеніи и велѣли ей кланяться. Поди Иванъ я ему говорила, радуюсь, что тебя вижу, и слышу что всѣ друзья мои здоровы, хотѣла больше говорить съ нимъ, только не смѣла при моемъ уродѣ. По томъ пришедъ въ свой кабинетъ, заперлась, и вынувъ письмо господина своего слѣдующее читала.

«Дражайшая Памела.

«Съ нарочнымъ письмо сіе къ вамъ посылаю, въ которомъ состоитъ больше вашей нужды нежели моей. Знаю, что мои поступки васъ беспокоятъ, и честнымъ родителямъ вашимъ печаль на носятъ, но меня веселитъ то, что въ моей власти состоитъ наградить всѣ ваши терпѣній. На другой день ваша отъѣзду я къ родителямъ вашимъ посылалъ челоуѣка своего, по моему вамъ обѣщанію, чтобъ они объ васъ не печалились, увѣрилъ ихъ о непорочности моихъ предпріятій и показалъ настоящее право, для чево вы къ нимъ не возвратились, надѣяся, что будутъ они съ ихъ стороны спокойны. Однако на другой день Отецъ вашъ поутру весь домъ пришедъ перетревожилъ, желая васъ видѣть.

«О моя дарагая Памела! сколько вы труда и безпокойства своею упорностію мнѣ и себѣ напрасно приключили; не могъ я успокоить ни чемъ инымъ Отца вашего, кромѣ, что принужденъ обѣщать былъ что вы чрезъ недѣлю писать будете къ госпожѣ Жервисъ, и увѣдомите ихъ, что вы въ добромъ здоровьѣ. Всево болѣе меня нынѣ родители ваши беспокоятъ, боюсь

чтобъ печаль объ васъ въ такихъ уже древнихъ лѣтахъ, не привела ихъ ко гробу, что васъ можетъ и больше опечалить, знаю, какъ вы много ихъ любите и почитаете; и для того прошу отписать къ госпожѣ Жервисъ, такое письмо какъ я къ вамъ вчернѣ посылаю, я оно написалъ съ крайнимъ для себя презрѣніемъ, зная, что вы такъ много меня ненавидите. Правда, видя мои поступки иначе и быть не можетъ, но я надѣюсь съ большею для васъ пользою то скоро перемѣнится. И не сумнѣваюсь, что вы исполните сію мою прозьбу, а безъ того мнѣ ни какова конца въ намѣреніи моемъ учинить не возможно, по чему не обходимо прежде и надобно родителей вашихъ успокоить. А оно увѣряю васъ, вамъ весьма нужно и полезно. Еще повторяя прошу, точно такъ написать какъ я послалъ, не убавляя и не прибавляя ни одного слова, ежели же не такъ напишете, то я не пошлю къ нимъ, а чрезъ то и лишитесь хорошева успѣху, въ моихъ для васъ полезныхъ предпріятіяхъ. Я вамъ обѣщаль, что безъ позволенія вашева не поѣду въ тотъ домъ, гдѣ вы нынѣ живете, что и исполню точно ежели узнаю, что вы живете спокойно, и ни какихъ происковъ не будете дѣлать, хотя и весьма, трудно мнѣ то исполнить будетъ. Заключение ваше не продолжится долго, для того, что я вознамѣрился совершенно въ кроткое время увѣритъ, что я справедливой

Вашъ и пр.

Вотъ письмо то, которое онъ мнѣ написать велѣлъ.

«Моя дарагая госпожа Жервисъ,

Я весьма искусно обманута, вмѣсто того, что бы меня отвезть къ родителямъ моимъ, Робертъ меня привезъ въ такое мѣсто, которое мнѣ именовать запрещено, но со всѣмъ тѣмъ не сурово со мною поступаютъ, я для того пишу къ вамъ, что бы вы ко Отцу моему и Матерѣ сказать послали, они надѣюсь чуть живы съ печали. Я живу изрядно и всегда буду за помощію Божію ихъ покорная и доброжелательная Дочь, такъ какъ

*Ваша печальная служница
Памела Андревсъ.*

Сіе письмо принуждена была написать какъ велено но въ немъ не позволено мнѣ ни числа ни мѣста назначать; здѣсь весьма тягостна мнѣ нищета моя, она причиною всѣхъ страховъ моихъ и печалей, которые всякой разъ терзаютъ мое сердце, а паче теперъ любезной родитель, представляя себѣ трудъ вашъ, которой вы идучи пѣшкомъ имѣли, дабы о бѣдной Дочери вашей провѣдать, и успокоить драгую мать мою. По томъ какъ написала по приказанію господина моего письмо къ госпожѣ Жервисъ, написала и къ нему слѣдующее.

Государь мой!

«Ежелибы вы знали всѣ мои страданія и суровое содержаніе, въ которые вы меня предали, безъ сумнѣніябъ зжалься освободить меня приказали; что я здѣлала, что такъ не милосердно содержать меня велите: я отъ васъ ни какова добра не могу надѣяться, ни вѣрить всѣмъ вашимъ клятвамъ, памятуя всечасно прошедшіе ваши поступки. И для того не возможно вамъ честнаго и полезнаго намѣренія имѣть, одно только ваше обѣщаніе не ѣздитъ сюда ко мнѣ въ печальное заточеніе, малой лучъ простираетъ, мнѣ надежды.

«Умилосердись, не принуждай бѣдную и несчастливую Памелу дойти до отчаянія и погубить себя вѣчно тѣломъ и душою. Вы государь мой не повѣрите къ какому отважному дѣлу смѣлость меня и довести можетъ, не взирая на слабость, приличную моему полу, когда увижу добродѣтель мою во узахъ. Поспѣшите меня освободить, не наведите себѣ такъ, какъ знатному человѣку чрезъ поруганіе бѣдной дѣвки, худой славы.

«Я сколько по приказанію вашему, а болѣе, что бы успокоить смущенной духъ родителей моихъ писала къ госпожѣ Жервисъ письмо, и думала, что нищета ихъ, доволнобъ спасти могла отъ вашего насилія, также и бѣдную Дочь ихъ.

«Бога ради, государь мой зжальтесь на мои муки и на бѣдственное нынѣ состояніе, позвольте мнѣ, хотя къ вашимъ служителямъ возвратится, которые много хвалятъ и благодарятъ вашу къ нимъ милость, кромѣ бѣдной, несчастливой и не утѣшной

Памелы.

Написавъ къ нему письмо показала госпожѣ Жевкесъ, думаю, что откровенность моя ей будетъ пріятна, также и отъ господина письмо писанное ко мнѣ ей показала, чтобъ тѣмъ принудить ее предъ собой быть учтливой, но отнюдь не хотѣла тщеславится ево любовію, однако она нынѣ стала гораздо ко мнѣ ласковѣе. Письмо прочитая, непрестанно меня хвалитъ, хотя всѣ тѣ похвалы мнѣ пріятны быть и не могутъ, по тому, что она часто безчестное намѣреніе своево господина упоминаетъ. Подай Боже, чтобъ она намѣреніе ево честнымъ признавала, я бы избавилась чрезъ то грубыхъ и мерзскихъ ее разговоровъ.

Севодни ПОНЕДѢЛНИКЪ, пятой день моего заключенія и страданія.

Я льстила съ Иваномъ предъ отъѣздомъ ево поговоришь особливо, но не могла найти случаю, жалость ево подала причину госпожѣ Жевкесъ вздумать, что онъ въ меня влюбился. Пришедъ поутру она мнѣ сказала что онъ ѣдетъ, я просила, чтобъ ево прислать къ кабинетъ мой, въ которой она и сама пошла съ нимъ, онъ также печально со мною прощался, какъ и при свиданіи, я отдала ему свои письма, которые Жекесъ смотрѣла какъ я ихъ печатала, боясь, что не былоль другихъ потаенныхъ писемъ, удивилась и когда Иванъ идучи съ

крыльца уронилъ бумажку, я оную такъ скоро подняла, что Жевкесь и непримѣтила, но мое удивленіе было больше когда я вошедъ въ кабинетъ приложенное здѣсь письмо читала.

«Государыня моя, добродѣтельная дѣвица
Памела,

«Съ превеликою горестію принужденъ я объявить вамъ, что вы обмануты, отъ такой скверной сабаки, какъ я. Я истинно не думалъ, чтобъ это такъ пошло далеко но признаюсь, что въ свѣтѣ такова бездѣльника и плута какъ я нѣту, я всѣ ваши письма казалъ моему господину ибо онъ меня на то употреблялъ, и читывалъ прежде, нежели я отвозилъ ихъ ко Отцу вашему. Правда, что я хаживалъ къ вамъ въ деревню, только не такъ часто какъ вамъ сказывалъ, а какъ скоро я провѣдалъ, что такъ надъ вами учинили, чуть не удавился съ печали. Не удивляйтесь, что я не могу на васъ глядѣть безъ жалости въ совѣсти моей посрамляясь, ибо я мерзкой и негодной плутъ довелъ васъ до такова состоянія. Все что я могу нынѣ для васъ здѣлать, состоятъ только въ томъ, что вы находитесь въ немилосердыхъ рукахъ, о чемъ васъ и увѣдомляю, чтобъ вы со всею вашей красотою и разумомъ не пропали. Я ей, ей, умру съ печали, какъ услышу ежели вы меня не простите; хотя и надѣюсь, что милость ваша безпримѣрна; однако я самъ себѣ не прошу во вѣки. Между тѣмъ прошу ни кому не открывать, что я сказалъ, вамъ ни какой прибыли не будетъ, хотя кому и скажете, а можетъ быть я въ жизнь мою какимъ нибудь образомъ и заслужу вину свою, въ чемъ васъ и увѣрить могу, лишь бы только силы моей достало, а желаніе конечно есть услужить вамъ. Послѣдніе ваши три письма господинъ нашъ оставилъ у себя, а я *изъ встѣхъ плутовъ первой*

Иванъ Арнолдсъ.

«Вы видите, что давно вашу гибель устроили, берегитесь пожалуйста, госпожа Жевкесь самой діаволь, а въ прежнемъ домѣ всѣ вамъ вѣрны, и всѣ васъ любятъ, кромѣ меня плута, о бездѣльникъ, я проклятой!,,

Я не сумнѣваюсь любезные родители, что когда вы станете читать сіе, немало подивитесь. О измѣна человѣческаго сердца! я думала, что Иванъ самой честной и хорошей человѣкъ въ свѣтѣ, и вы объ немъ я чаю то же думали, да и онъ мнѣ всегда васъ хвалилъ; но теперъ вижу, что онъ лицомѣръ, измѣнникъ, обманщикъ, и причинитель совершенной моей погибели.

Онъ столько себя бранилъ, что уже здѣлался мнѣ жалокъ, и я разсуждаю, что знатные и богатые люди найдутъ случай и средство ко окончанію своихъ предпріятій, ни что такъ знать не трудно, какъ сердце вреднова человѣка. Думаю лутче мнѣ таить продерскіе дѣла ево, и ежели будетъ случай всячески въ раскаяніи ево укрѣплять, можетъ быть сіе средство подастъ мнѣ какую нибудь пользу.

Надобно сказать, что Иванъ привезъ въ чемоданъ все платье, которое покойная госпожа моя и господинъ мнѣ надали, и сверхъ того еще два убора на голову, и кушакъ съ серебромъ, только меня ни что не веселитъ на свѣтѣ. Госпожа Жевкесь и велѣла внести чемоданъ въ мой кабинетъ, и показавъ, что положено тамъ сказала, что я могу надѣть платье какое хочу, а всего не отдала за тѣмъ, что я получа оное будто изъ дому уйду.

О измѣнѣ Ивановой я впала въ печальное и тягостное размышленіе, и плакала о себѣ и объ немъ горько, видя въ письмѣ ево признаніе, и что давно гибель мнѣ устрояютъ. Видно было, къ чему клонилось намѣренія моего господина; какъ себя ругаетъ бѣдной дѣтина, но всему тому достоинъ тотъ, кто ево употребляетъ. Какой отвѣтъ сей господинъ долженъ будетъ дать предъ Богомъ, что къ своимъ мерзкимъ дѣламъ другихъ склоняетъ, а все только для того, что бы погубить неповиннаго человѣка, которой ни какой вины не знаетъ, да и причины не подалъ, но со всѣмъ тѣмъ я и нынѣ Бога молила о ево здоровье.

Я не могу понять, какъ знатные господа о себѣ думаютъ, творя такіе гнусные дѣла бѣднымъ людямъ. Но Иванъ имѣлъ причину такъ здѣлать, угождая своему господину, которой ево наградить можетъ. Думать то же надобно и о безчеловѣчной Жевкесь, которая угождаетъ своему господину, и старается показать ему свою услугу. Ежели онъ меня подлинно любить, то можетъ ли то любовію назваться, что хочетъ меня погубить, и учинить также виновну какъ и самъ? Какая прибыль ему отъ того, что такая бѣдная дѣвка какъ я погибнетъ? Говорятъ, что я хороша, то мнѣ кажется, что я въ томъ не виновата, и честной господинъ и служанку добродѣтельную долженъ беречь и любить чистою и непорочною любовію, и для чево такъ много старатся отнять то, что я больше своей жизни почитаю.

Всему сему я не могу надивитися, ни кто не можетъ сказать, что тѣ молодые господа имѣютъ другихъ ково искусителей, кромѣ совѣсти ихъ порочной и непотребной привычки, которые ихъ влекутъ въ самую глубину грѣховныя тины. Онъ побѣждалъ отъ меня боясь, чтобы служители невидали предосудительныхъ ево поступокъ, а Того не боится, Которой вездѣ и все видитъ, и тайну сердца испытуга знаетъ. Но что помогаетъ мнѣ печальное сіе разсужденіе, онъ есть золь, и будетъ злымъ, но только боюсь, что бы я не была злости ево жертвой, ежели Богъ мою на него надежду и всечасные молитвы захочетъ оставить.

ВТОРНИКЪ и СРЕДА.

Я оба дни для того совокупно описываю, что сія злая жена весьма за мною смотреть, и ни какъ было не возможно писать. Во вторникъ возила меня съ собою въ каретѣ по полю, часто гуляла я и въ саду, но она вездѣ была со мною. Господинъ Вилліамсъ пришедъ къ намъ ходилъ съ нами въ саду. Пользуясь я отдаленіемъ моего пристава, и ободряясь сказаннымъ мнѣ отъ него въ Воскресенье словомъ, говорила: не можноть государь мой здѣсь на уступахъ между дерномъ, положить когда нибудь къ вамъ записочку. Очень изрядно

выдуманно, онъ отвѣчалъ мнѣ, и надобно замѣтить сію пирамиду, у меня есть ключъ отъ саду, для того что я сквозь ево хожу въ деревню.

Симъ образомъ принуждена я была зачать съ нимъ мою переписку: ибо нужда многіе вымыслы раждаетъ; я радовалась сама, что такъ мнѣ вздумалось здѣлать. Госпожа Жевкесъ скоро къ намъ возвратилась, а господинъ Вилліамсъ будто продолжая рѣчь свою говорилъ мнѣ, нѣтъ не очень пріятна. Что такое? Что такое? Она спросила? Нѣтъ ни чево, онъ отвѣчалъ, я говорю, что деревня ближняя отъ сюда очень не весела. Конечно не весела подхватила она, по моему мнѣнію самая бѣдная деревня. Естли какія нарочитыя тамъ люди я спросила? И стали мы распространять рѣчь о деревнѣ, чтобъ не подать ей сумнѣнія, по томъ говорили о изрядномъ и пространномъ здѣшнемъ садѣ, на послѣдокъ сѣли на берегу пруда, гдѣ видна была гуляющая въ свѣтлой водѣ рыба. Госпожа Жевкесъ говорила мнѣ, что я могу тутъ удить рыбу, когда я хочу. Пожалуй я ей говорила, принесите мнѣ уду. Нѣтъ сударыня, она отвѣчала, не думайте чтобъ я должности своей не знала. Повѣрьте мнѣ, я ей сказала, ей, ей, я ни чево ненамѣрена худова дѣлать. Позвольте мнѣ сударыня сказать себѣ она говорила, что я еще ни ково на свѣтъ не знала, у ковобъ умъ такъ былъ остръ и такъ скоро все вдругъ вздумать могъ. Завтре мой свѣтъ станемъ удить. Господинъ Вилліамсъ боясь ее чрезвычайно пресѣкъ разговоръ, я пошла прочь, а они поговоря не много растались, и Жевкесъ пришла ко мнѣ скоро.

Я между тѣмъ, пока она не бывала, бросилась въ кабинетъ мой и писала, а какъ скоро она пришла, я за пазуху положила бумагу, и говорила ей: госпожа Жевкесъ, мнѣ надобно бумаги? Вы знаете, что уже я два письма написала. Довольно сказала она, на то одново листа было, поллиста пошло на обвертки, а поллиста на письма; посмотри какъ я изписала, взявъ показала ей писанныя мною стишки, въ намѣреніи нарочно доказать ей, чтобъ она думала, что только то и пишу сидя. Изрядно она сказала, теперъ дамъ вамъ еще бумаги, только кажите мнѣ всегда что напишете. Добро, я думала Аргусъ, я тебѣ покажу тѣже обманы, Аргусъ имѣя сто глазъ, не у стерегъ, какъ же тебѣ съ двумя только устеречь можно.

Она принесла ко мнѣ бумаги и говорила, пожалуй сударыня, здѣлайте мнѣ честь, и покажите какъ вы пишете? Съ радостию я ей отвѣчала, и взявъ перо слѣдующее писала: я бы желала, Чтобъ госпожа Жевкесъ такъ ко мнѣ была милостива, какъ бы я къ ней усердна быть хотѣла. Она посмотря сіе сказала, очень изрядно я надѣюсь, что доволно милости къ вамъ имѣю, что вамъ еще отъ меня надобно? Я ей еще написала, чтобъ она мнѣ сказала за какую вину, я сижу въ заключеніи, и какой конецъ тому будетъ? Что еще далѣе она говорила. Я опять на писала, я бы желала, чтобъ госпожа Жевкесъ мнѣ свое писменное наставленіе показала, по чемубъ мнѣ ее винить или оправдать во всѣхъ поступкахъ ее было можно? Все сіе только для того писала, чтобъ ей показать, какая я охотница писать, не ожидая ни какова съ ее стороны добра, надѣялась только ее тѣмъ увѣрить, что я ни какова дѣла кромѣ вздору не пишу; ибо она и такъ думала, что я какіе нибудь способы устрою, будучи всегда молчалива и уединенна. Она хотѣла и еще заставить меня писать. Но я ей

говорила, вы не удостоили меня инаго отвѣтомъ. Чево вы боитесь она говорила? Зная, что господинъ мой по чести васъ увѣряетъ о своихъ безгрѣшныхъ предпріятіяхъ. Изрядно госпожа Жевкесь, подумайте по совѣсти и безпристрасно, скажите мнѣ правду? Можноть тому вѣрить, что господинъ нашъ обѣщаетъ? Безъ сумнѣнія, она отвѣчала. Скажите мнѣ я ей присовокупила, что вы называете честію? Что вы сами думаете она спросила? Стыдъ и гибель я отвѣчала. Тфу, матка, какъ нестыдно, она говорила, ежели вы сумнѣваетесь, о чистотѣ ево намѣреній, я отпишу къ нему, онъ самъ приѣдетъ васъ увѣрить. Ахъ ужасное страшилище! я ей вскричала, не лутчели теперь меня зарѣзать, нежели стращать ево приѣздомъ.

Она еще къ тому прибавила, я знаю, что онъ не приѣдетъ, только ежели бы я была въ ево мѣстѣ, я бы не долго жила тамъ. Что ты говоришь, я опять вскричала? Что я говорю, она спросила, стараясь дать словамъ своимъ другой разумъ: я говорю, что ежели бы я была въ ево мѣстѣ, я бы приѣхала здѣлать конецъ бѣдамъ вашимъ, учиня васъ такъ щастливу, что бы вамъ больше желать было не можно. Не въ ево то власти, я сказала, что бы меня учинить щастливой, со всею ево знатностію и богатствомъ. Я буду за него молить Бога, ежели сохранить мою добродѣтель и отъ пустить меня къ моимъ родителямъ.

Какъ скоро она вонъ вышла, я окончила письмо къ господину Вилліамсу въ намѣреніи положить гдѣ мы съ нимъ уговорились, и пошедь къ ней просилась еще погулять въ садъ. Поздно уже, она говорила, однако ежели вы хотите извольте, Нанонъ (имя горнишной дѣвки) поди за нею и неотставай ни мало.

Я идучи въ садъ нарочно у дверей платокъ уронила, а пришедь къ уступамъ послала оную дѣвку сыскать оброненой платокъ, сказывая, что не далеко идучи уронила; а между тѣмъ положила письмо между дерну, и дождавшись дѣвку пошла вонъ. Госпожа Жевкесь со мною встрѣтилась, она такъ много за мною смотритъ, что ни на часъ отлучится не хочетъ. Вотъ и копія съ того письма, которое я писала къ господину Вилліамсу.

«Государь мой,

«Не имѣя случая говорить съ вами, принужденною нашлась чрезъ сіе письмо изъясниться, надѣюсь что вы мнѣ смѣлость простите, которую беретъ бѣдная заключенница безвинно, и которая совершенное имѣетъ право думать, что ей конечную погибель устроятъ. Безъ сумнѣнія вамъ нѣкоторые мои приключеніи извѣстны, а особливо бѣдность моя, изъ которой я, помилости покойной госпожи моей исторгнута, также думаю знаете и о нападеніи моего господина, хотя онъ и увѣряетъ меня что ево намѣреніи честны. Но что злые честно и непорочно называютъ, то мерзко и предосудительно кажется добродѣтельнымъ людемъ. Онъ какъ я думаю намѣрень отнять мою добродѣтель и чрезъ то сокрушить меня вѣчно. Я такъ нещастна и поруганна отъ госпожи Жевкесь, у коей весьма свирѣпой нравъ и худой обычай, что мнѣ не обходимо искать надобно случаю отсель удалится. А понеже я имѣю совершенную надежду въ добромъ успѣхѣ, и въ щастливомъ вымыслѣ нашей переписки; то я себя со всѣмъ въ вашу милость и вручаю. Ибо мое состояніе ни

какова подкрепленія предпріятію моему подать не можетъ: я надѣюсь, что вы ежели захотите, то непременно щастливое окончаніе быть можетъ. Видѣ честнова человѣка, которой вы имѣете, нравъ вашъ доброй и склонной къ благодѣянію, подають мнѣ надежду имѣть помощь въ печальныхъ моихъ нуждахъ, ежели я чрезъ помощь вашу изыду изъ гибельной ямы, то вы чрезъ то исполните должность христіанскую совершенно, и учините славы и хвалы достойное дѣло, вы спасете тѣло и душу безпомочной дѣвки, которая еще до сего время ни мало отъ своей добродѣтели не отлучалась.

«Не возможноли найти какое средство къ моему спасенію, себя только недопуская до несчастія? Нѣтъли въ сосѣдствѣ здѣсь какова честнова человѣка, или добродѣтельнава дворянина, или какой госпожи куда бы мнѣ было возможно уйтить и укрытса, пока найду способъ къ родителемъ моимъ возвратится. Или неможноли мнѣ послать письмо къ Милади Даверсъ, увѣдомя ее о моемъ несчастіи. Родители мои такъ бѣдны и малосильны, что ничево для меня здѣлать не могутъ, развѣ только умрутъ съ печали, боюсь что бы на конецъ тово дѣйствительно съ ними и не послѣдовало. Господинъ мой мнѣ обѣщаетъ, что ежели я буду въ здѣшнемъ моемъ состояніи спокойна, онъ сюда не приѣдетъ; но увы! какъ мнѣ на то надѣются, какое основаніе можно положить на обѣщаніе такова человѣка, которой власть имѣеть со мною поступать по своей волѣ. Ежели онъ приѣдетъ, я пропала, а повидимому конечно будетъ сюда, какъ скоро по мнѣнію ево успокоить родителей моихъ, а меня ослѣпитъ своею лестію: ибо онъ сіе исполнить надѣется.

«И для тово государь мой я вамъ объявляю, что прежде нежели онъ сюда будетъ, надлежитъ мнѣ старатса о своей свободѣ, ежели же ево дождусь, то со всѣмъ погибла. Вы имѣете ключъ отъ саду, а моя въ томъ главная и надежда. Выдумайте государь мой, какимъ нибудь образомъ меня отъ сюда вывести, а я то конечно сохраню тайно, но при томъ много и сожалѣть буду, ежели вы показавъ мнѣ милость, себѣ наведете бѣду.

«Я не имѣю сказать вамъ теперь больше ни чево. Вручаю письмо мое тому уступу, о которомъ мы прежде уговорились, и надѣюсь, что оно произведетъ плодъ моя надежды. А вамъ истинное и безприкладное воздаяніе отъ Бога въ семь вѣкѣ и будущемъ, о чемъ всегда моя усердная молитва будетъ

Ваша покорная служница.

Конецъ I Части.